

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова»**

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ШКОЛЫ**

2020

№ 1

Новосибирск
2020

УДК 72+711+72:378+7.07
Р 32

Р 32 Региональные архитектурно-художественные школы. — 2020. — № 1.
ISBN 978-5-89170-275-2

ISBN 978-5-89170-275-2

© Новосибирский государственный
университет архитектуры, дизайна и
искусств имени А.Д. Крячкова, 2020

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Туманик Г.Н.,

Колпакова М.Р.

g.tumanik@yandex.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, Россия

УДК: 711-4

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1001

ББК: 85.118

СИБИРСКАЯ (НОВОСИБИРСК) ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ШКОЛА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Аннотация. Статья посвящена зарождению, формированию и результатам работы Сибирской (Новосибирск) градостроительной школы, которая с течением времени обрела научный потенциал, базирующийся на богатом опыте практической работы в области градостроительного проектирования. Прикладной преимущественно характер научных обобщений и исследований является особенностью школы и объясняет ее актуальность в современной градостроительной практике, переживающей сложный период реформирования.

Ключевые слова: градостроительное проектирование; градостроительное законодательство; градостроительная политика; среда обитания человека; градостроительная школа.

Введение. Еще в конце 80-х годов минувшего столетия можно было говорить о сибирской градостроительной школе, зарождавшейся в 60-е годы в региональных проектных институтах Гражданпроект крупных городов Сибири на базе многолетнего творческого сотрудничества с мастерскими московского Гипрогора – института Госстроя РСФСР, обладавшего в те годы высоким творческим потенциалом, славными традициями и заслуженным авторитетом среди коллективов столичной градостроительной школы. Именно тогда развивалось активное сотрудничество местных (Новокузнецк, Новосибирск, Омск) проектных коллективов градостроительного профиля с московскими коллегами в разрешении сложных градостроительных задач формирования и развития крупных сибирских городов и их общественных центров.

Это сотрудничество выросло по инициативе местных городских и областных органов власти при поддержке Госгражданстроя СССР и Госстроя РСФСР. Необходимо было выращивать региональные кадры в сложной сфере градостроительного прогнозирования и проектирования на волне возрастающих требований по освоению Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, строительству в зоне прохождения Байкало-Амурской магистрали, в местах строительства крупных гидростанций, а также по развитию системы расселения на обширных и слабо освоенных территориях Сибири и Дальнего Востока.

Во второй половине 1960-х гг. и первой половине 1970-х гг. сибирские специалисты (архитекторы, инженеры-транспортники, экономисты) в тесном сотрудничестве со специалистами Гипрогора (Москва) разработали Генеральные планы

и Проекты детальной планировки центров городов Новосибирска (рис. 1) и Новокузнецка. Опыт, приобретенный в этих работах и качественное их исполнение, стали основой для последующего приглашения коллектива института Новосибиргражданпроект со стороны Госгражданстроя СССР к участию в конкурсной работе по градостроительной тематике. Успешное участие представителей сибирской градостроительной школы в крупных закрытых градостроительных конкурсах союзного и республиканского уровней имело место уже в начале 1970-х гг. Следует отметить, что из 22 конкурсных проектов, выполненных в 1970–1980-х гг. специалистами-градостроителями института Новосибиргражданпроект, 16 проектов были отмечены премиями, в т.ч. 9 проектов – первыми премиями. Лучшими были признаны проекты центров и крупных градостроительных комплексов городов Красноярска (два конкурсных проекта), Кемерово (рис. 2), Нижневартовска, Тобольска, Ангарска, Нефтеюганска, Омска, Находки, выполненные градостроителями сибирской градостроительной школы. В этих конкурсных работах новосибирские специалисты-градостроители оказывались по уровню проектных решений выше коллективов специализированных центральных институтов градостроительного профиля: ЦНИИПградостроительства и ЛенНИИПградостроительства Госгражданстроя СССР, Гипрогора и Ленгипрогора Госстроя РСФСР.

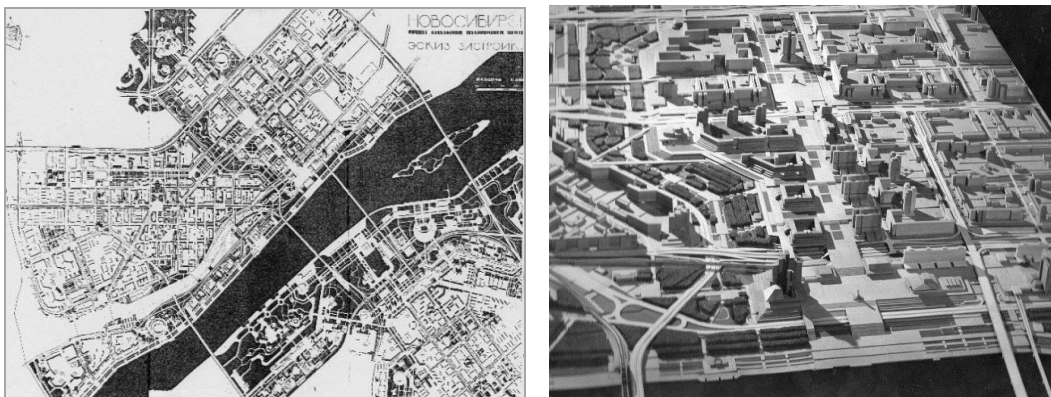

Рис. 1. Проект детальной планировки центра Новосибирска: эскиз застройки (1973 г.) и фото с макета ядра центра (1974 г.). Новосибиргражданпроект, Мастерская генерального плана (МГП). Рук. Б.А. Жеребятъев [6]

В когорту ведущих новосибирских градостроителей этого периода могут быть включены архитекторы: Жеребятъев Б.А., Блинков В.П., Бондаренко А.В., Галямов В.М., Дыха В.А., Лаптяйкин А.Н., Нестерёнок Е.С., Пряхин А.Д., Руднева Н.В., Федотова А.Ф., Чаплыгин М.Ф., инженеры: Добринская Т.И., Кириш В.С. [4, с. 115–128]. С полным основанием в этот список могут включить себя и авторы этих строк. Без какого-либо сомнения следует признать, что основателем и творческим лидером зарождавшейся сибирской градостроительной школы в 1970-е гг. был архитектор Борис Алексеевич Жеребятъев. Его высокий профессионализм и организаторские способности послужили основанием для приглашения на работу в середине 1970-х гг. в московский Гипрогор, где на первых порах он возглавил одну из мастерских института [4, с. 115–116].

Градостроительная практика как основа прикладной науки. В недрах сибирской градостроительной школы, начиная с 1970-х гг., стала зарождаться си-

бирская градостроительная научная школа как необходимый выход на обобщение накопленного практического материала, на формирование теоретических выкладок по наиболее сложным проблемам крупных (крупнейших) сибирских городов, с учётом их региональной специфики.

Широкая тема планировочно-пространственной организации сибирского города (д. арх. Колпакова М.Р.), тема развития планировочной структуры и композиционно-пространственного формирования центра крупного города Сибири (д. арх. Туманик Г.Н.), тема планировочной организации селитебных территорий крупных сибирских городов (к. арх. Блинков В.П.), тема формирования системы вузовских комплексов в крупном городе Сибири (к. арх. Дудина Т.С.), тема влияния внешних транспортных связей на планировочную структуру сибирского города (к. арх. Ерохин Г.П.), тема исторической эволюции системы ботанических садов в Сибири (к. арх. Гончар А.А.), тема влияния природно-ландшафтной ситуации на планировочную структуру города (к. арх. Григорьев В.А.), тема малых городов в системах расселения (к. арх. Терёхина В.С.), тема рациональной организации придомовых территорий (к. арх. Березина Е.А.), тема композиционно-пространственного влияния кафедральных соборов на формировании исторических центров крупных городов Сибири (к. арх., д. ист. наук. Туманик А.Г.) – охватывают широкий спектр научных направлений в сибирском градостроительстве.

Большой вклад в развитие сибирской градостроительной науки с использованием ее результатов в градостроительной практике внесли д. арх. Оглы Б.И., к. арх. Нестерёнок Е.С., к. арх. Пивкин В.М., д. геогр. наук. Фукс Л.П. и др. (Новосибирск), к. арх. Каримов А.М., к. арх. Чиркин Г.Е. (Омск), к. арх. Глотов Г.А. (Кемерово) и др.

В настоящее время основной научный потенциал в сфере градостроительства сосредоточен в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова на кафедре Градостроительства и ландшафтной архитектуры (Березина Е.А., Гашенко А.Е., Дудина Т.С., Ерохин Г.П., Колпакова М.Р., Терехина В.С., Тимонов В.А. Туманик Г.Н., Фукс Л.П., Чиндяева Л.Н., на других кафедрах университета – Духанов С.С., Журин Н.П., Лихачев Е.Н., Правоторова А.А., Пустоветов Г.И., Туманик А.Г. и др.

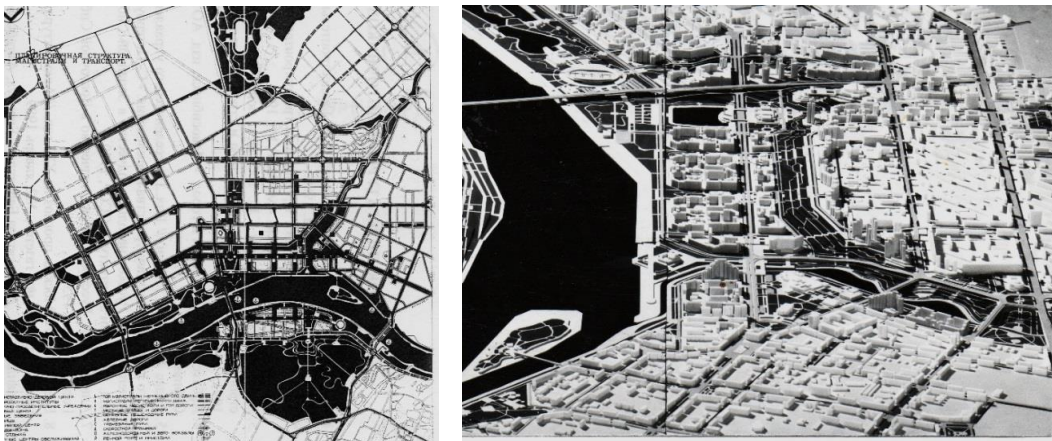

Рис. 2. Конкурсный проект центра г Кемерово: структурная схема, фото с макета застройки. Новосибиргражданпроект, 1986 г. Первая премия. Рук. Г.Н. Туманик [6]

К сожалению, отсутствует необходимая межкафедральная координация в научной и педагогической деятельности, что порождает дублирование в трансляции знаний в сфере градостроительства и не создает предпосылок для консолидации сил в дальнейшем формировании и развитии сибирской градостроительной научной школы. Еще сложнее обстановка с практическим использованием творческого потенциала сибирской градостроительной школы в современных социально-экономических условиях.

Современное отечественное градостроительное законодательство (ГК РФ) свернуло формирование среды жизнедеятельности человека, чему всегда служило градостроительство, к разработке карт и схем, полностью игнорируя композиционно-пространственную организацию среды. В этом случае градостроительное проектирование (планирование), теряя творческую составляющую, стало делом техническим. Современное градостроительное планирование привлекло к себе кадры сомнительной квалификации, вытеснив из очень важной и ответственной сферы деятельности грамотных специалистов, чему способствует опять же отечественное законодательство (44 ФЗ).

Исторически сложилось так, что интенсивное развитие массовой индустриальной типовой застройки в период 60–80-х годов минувшего столетия за счет использования в основном свободных от застройки периферийных территорий привело к значительному территориальному развитию крупных (крупнейших) городов при сохранении в пределах городской черты зон с чрезвычайно экстенсивным использованием территорий, слабой организованностью городских пространств, низким уровнем инженерного оснащения и благоустройства.

Не являются исключением и центральные зоны крупных сибирских городов, где наряду с капитальной многоэтажной, в том числе уникальной исторической застройкой, соседствуют районы ветхого неблагоустроенного малоэтажного жилья, захламленные временными постройками (гаражи, сараи, погреба) внутримикрорайонные пространства, пустыри городских территориальных неудобий (овраги, склоны долин малых речек) и т.д. Это особенно расточительно и дискомфортно в условиях сибирского города, где компактность и обустроенность городских пространств диктуются не только экономическими факторами, но и необходимы по условиям жесткого климата, условиям чрезвычайной оторванности от центральных районов страны.

В настоящее время в резко изменившихся социально-экономических условиях все отчетливее просматриваются градостроительные тенденции перехода от территориального развития крупных городов к их структурно-планировочному развитию, от наращивания новой городской ткани к ее качественному совершенствованию. Реконструкция городской застройки на базе освоения пустующих внутригородских пространств, переустройства (надстройки, пристройки) с капитальным ремонтом старых капитальных зданий, сноса ветхих строений - приобретает в новых условиях особую актуальность, так как оправдана прежде всего экономически за счет более эффективной реализации инвестиционной деятельности в сфере капитального строительства.

Второй, не менее важной стороной реконструкции, является совершенствование городской застройки, формирование городской среды с новыми качественными характеристиками. Это очень важно в социально-психологическом плане, так как способствует улучшению потребительских качеств среды за счет повышения ее физической комфортности и архитектурно-художественной выразительно-

сти. Комфортная во всех отношениях городская среда способствует своему развитию и совершенствованию, так как повышает инвестиционную привлекательность города.

Однако процессы реконструкции затруднены многими обстоятельствами, не позволяющими перейти от выборочного, штучного ее характера к комплексной реконструкции достаточно крупных городских образований, дающей ощутимый градостроительный эффект. Отсутствие комплексности в реконструкции, затрагивающей не только переустройство зданий, но и инженерных коммуникаций, благоустройство и озеленение, архитектурно-художественное оформление, т.е. весь комплекс работ по совершенствованию городской среды, приводит практически в каждом случае строительной «интервенции» в сложившуюся городскую застройку к значительному социальному напряжению.

Необходим поиск условий для резкого повышения качества городской среды за счет совершенствования нормативно-правовой базы градостроительства, внедрения новейших технических решений, новейших строительных технологий, материалов, изделий. Необходим научно-технический прорыв на более высокий качественный уровень городской среды, на более высокую ступень бытового обустройства городской жизни. Это особенно актуально для городов Сибири, развивающихся в особых природно-климатических условиях, не способствующих комфортности проживания.

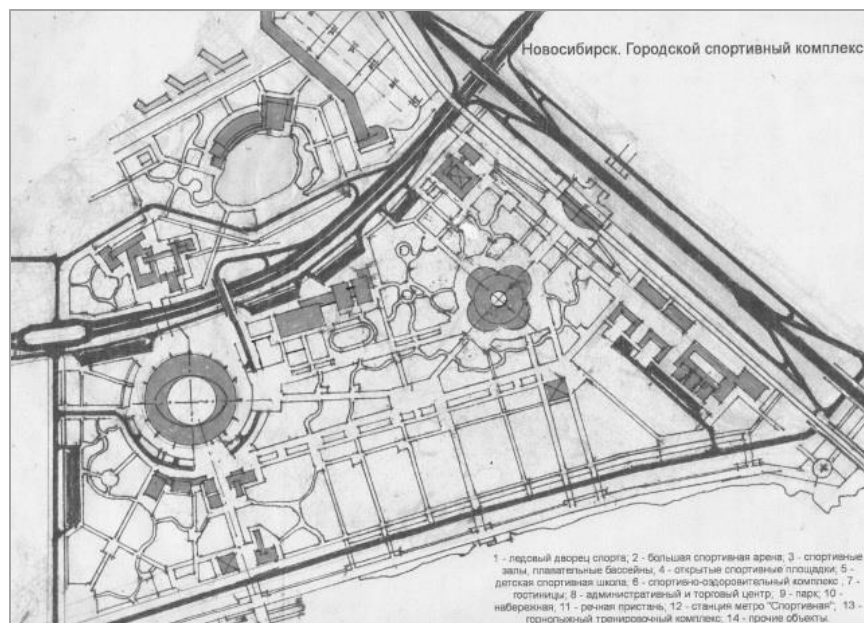

Рис. 3. Характер предварительных разработок комплексного поэтапного градостроительного освоения территории. Рис. Г. Туманика, 2018 г. [6]

Чрезвычайно важная роль Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера в развитии экономики страны, геополитическая роль восточных регионов страны в современном мире, диктуют крайнюю необходимость разработки в новых социально-экономических условиях страны стратегии расселения в Сибири и на Дальнем Востоке, общей стратегии организации искусственной жизненной среды в указанных регионах с учетом их природно-климатических, социально-экономи-

ческих, национально-этнических и других региональных особенностей [1, с. 34–59]. В условиях отсутствия в современной России внятной государственной градостроительной политики сделать это невозможно. Необходима радикальная переработка градостроительного законодательства в соответствии с целью и задачами градостроительства как сферы деятельности, направленной на формирования среды обитания человека, среды комфортной, гармоничной и безопасной. Представляется необходимым перераспределение функций градорегулирования (управление, контроль) между государственными, региональными и муниципальными органами власти в соответствии с властными полномочиями и интересами. Практически полный уход государства из сферы градостроительства в условиях планетарных масштабов территории страны, разнообразия природно-климатических и других региональных особенностей, в условиях отсутствия, как правило, градостроительной культуры у региональной и муниципальной ветвей власти, был необоснованным. Это стало, по-видимому, основной причиной кризиса отечественного градостроительства, проявившегося в бессистемности застройки, в хаосе пространственной организации среды, в сокращении сложившихся и проектируемых рекреационных территорий, в утрате многих памятников историко-культурного наследия, в искажении ценной исторически сложившейся застройки, в композиционно-пространственном разрушении сложившихся городских ансамблей [2, с. 81–90] и т.д.

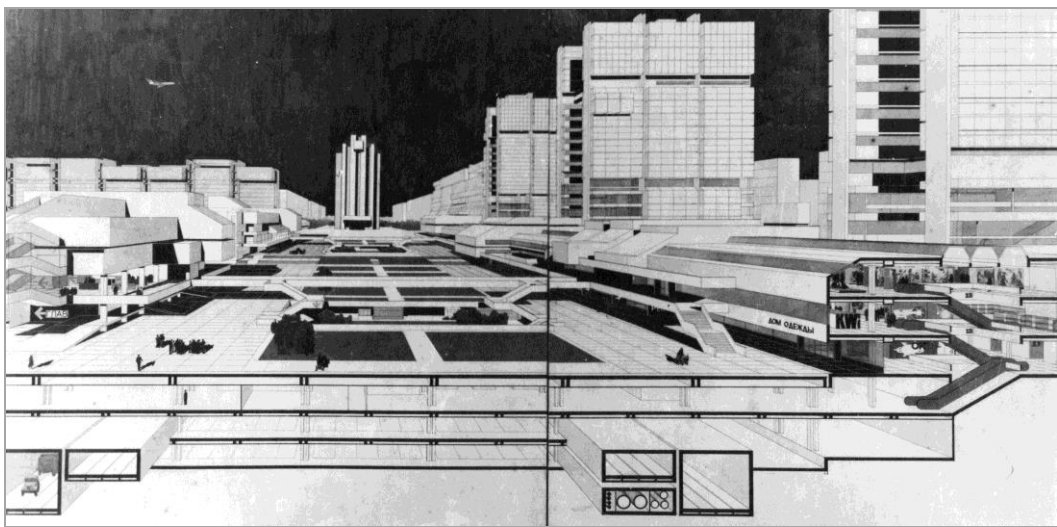

Рис. 4. Многоуровневая структура ядра центра г. Новосибирска. Новосибиргражданпроект, 1974 г. Рис. В.М. Галямова и А.В. Бондаренко [6]

Иски в судебные органы по поводу очевидных нарушений в градостроительной практике не имели, как правило, позитивных решений, поэтому абсолютно бессмысленны, так как деструктивные действия муниципальных чиновников и инвесторов не нарушают статьи Градостроительного кодекса. Во все времена градостроительство в России было «делом государевым», находилось в сфере внимания, в сфере деятельности государственной власти. В советские времена это сохранялось в ущерб, может быть, полномочиям местных властей [3, с. 154–159]. Припоминается, как за разрешением строительства 12-этажного жилого дома ба-

шенного типа необходимо было ехать в Москву с необходимыми градостроительскими обоснованиями [4, с. 204–209].

Стратегия развития. В стратегическом плане в современных условиях было бы целесообразным, используя потенциал сибирской градостроительной научной школы, разработать комплексную научно-техническую программу совершенствования городской застройки «Городская среда XXI века» на примере крупного города (центральная зона г. Новосибирска) как на уровне общей стратегии, так и в плане реализации конкретных прикладных исследований, направленных на качественное совершенствование городской среды.

Геополитическая роль Новосибирска и уникальность динамики его развития создают благоприятную эмоционально-психологическую основу для проведения экспериментальной работы в сфере комплексной реконструкции именно в этом городе, используя в качестве полигона его центральную зону. Этому способствует также наличие в Новосибирске крупных научных и производственных возможностей, не задействованных в полной мере на решении актуальных задач современности. Есть реальные возможности привлечения инвестиций в реконструкцию исторической зоны центра Новосибирска, учитывая градостроительный «прессинг» на центральную зону города, наблюдаемый на протяжении ряда лет [2, с. 126–154].

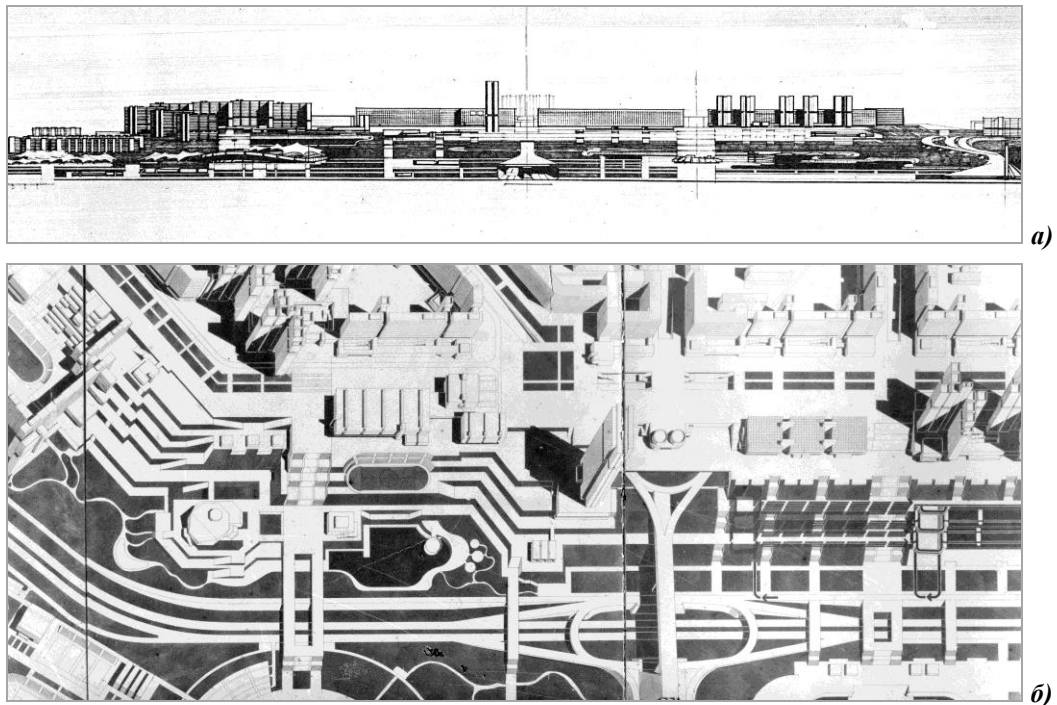

Рис. 5. Градостроительная концепция формирования застройки бровки левобережной надпойменной террасы: а) Панорама; б) Аксонометрия (фрагмент). Новосибирградпроект, 1974 г. Рис. В.М. Галямова и А.В. Бондаренко [6]

В разработке и реализации комплексной научно-технической программы совершенствования городской среды целесообразно участие СО РАН, СО РАМН при общей технической координации работы со стороны СО РААСН и организационной работы со стороны мэрии г. Новосибирска. В этой работе могли бы при-

нять участие вузы, общественные организации, фонды, крупные потенциальные инвесторы. Основные задачи и разделы комплексной научно-технической программы и ее реализация могут содержать:

- разработку социально-правовой и нормативно-регламентационной базы, развивающей на региональном и муниципальном уровнях федеральные законы;
- разработку градостроительных принципов реконструкции сложившейся городской среды исторической зоны центра и проекта комплексной реконструкции экспериментального градостроительного комплекса;
- комплексную реконструкцию сложившейся городской среды;
- выполнение научно-технических разработок, направленных на техническое оснащение систем жизнеобеспечения (теплоснабжение, электроснабжение, вентиляция, мусороудаление, телекоммуникации, транспортное обслуживание и т.д.);
- выполнение опытных образцов новых приборов, приспособлений, устройств, механизмов для апробации в экспериментальном строительстве;
- разработку и реализацию новых технических решений, новейших технологий строительного производства работ по прокладке инженерных коммуникаций, их последующей эксплуатации и ремонту;
- научно-техническую разработку технологии изготовления и применения новых строительных и отделочных материалов, новейших технологий строительства зданий и сооружений в особых условиях реконструкции;
- разработку необходимых методических, нормативных, правовых и прочих документов и материалов на основе результатов экспериментального строительства.

Финансирование стратегической программы и экспериментального строительства может быть осуществлено за счет средств федерального и местных бюджетов, средств потенциальных инвесторов, изыскивающих площадки в центральной части города для жилищного строительства. Основанием для сотрудничества всех участников работы может стать договор о совместной деятельности, где будут определены условия такого сотрудничества.

Тактические задачи и действия. В тактическом плане крайне важна разработка локальных градостроительных программ по строительству крупных комплексов с привлечением к их реализации потенциальных инвесторов, каждый из которых мог найти в этих программах реализацию своих интересов.

Одной из таких программ могла бы стать разработка комплексного проекта многофункционального спортивно-рекреационного комплекса в левобережной пойме реки Оби, где в настоящее время уже ведется строительство ЛДС. Опять же штучно, без всякого понимания дальнейшего освоения территории. Образно говоря, мы пришиваем пуговицу к еще не скроенному пиджаку, уходя от принципа «от общего – к частному» как основополагающего принципа градостроительного искусства (рис. 3).

Эскизный проект ядра центра Новосибирска, выполненный еще в 1970-х гг., мог бы стать основой для разработки современной градостроительной программы функционально-планировочной и композиционно-пространственной организации освоения чрезвычайно ответственной территории левого берега долины речки

Каменки, которая сейчас активно и совершенно бессистемно застраивается случайными объектами без какого-либо градостроительного видения этого важнейшего фрагмента центра Новосибирска (рис. 1, 4).

Важным является формирование панорамы застройки бровки левобережной надпойменной террасы (район ул. Горской). Ландшафтные условия территории свидетельствуют об уникальности этого места, требующего соответствующего подхода к градостроительному решению (рис. 5). К сожалению такого понимания, очевидно, нет у тех, кто активно работает над застройкой этой территории.

Разрушение технологии градостроительного проектирования и реализации градостроительных проектов – одно из существенных «упущений» ГК РФ. Именно это стало причиной полного хаоса и непредсказуемости развития и формирования наших городов на современном этапе их развития.

Список литературы

1. Колпакова М.Р. Стратегия градостроительного развития сибирского города / М.Р. Колпакова. – Новосибирск: НГАХА, 2000. – 207 с.
2. Туманик Г.Н. Новосибирск: неиспользованные возможности градостроительного формирования (полемические заметки) / Г.Н. Туманик. – Новосибирск: «Апостроф», 2014. – 173 с.
3. Вавакин Л.В. Профессионализм в деятельности главного архитектора / Л.В. Вавакин. – М.: «Московские учебники», 2009. – 219 с.
4. Туманик Г.Н., Колпакова М.Р. Мы проектируем город. Новосибиргражданпроект: 1970-е – 1980-е годы / Г.Н. Туманик и М.Р. Колпакова. – Новосибирск: Апостроф, 2018. – 237 с.
5. Туманик Г.Н. Планировочно-пространственная структура центра крупного города в конкурсных проектах Сибирской градостроительной школы / Г.Н. Туманик. – Новосибирск: НГАХА, 2015. – 199 с.

Список источников

6. Туманик Г.Н. Личный архив.

Шалыгина Д.Н.
dyudanova@yandex.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, Россия
Научный рук.: канд. арх. Ерохин Г.П.

УДК: 711.01/09
ББК: 85.118

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1002

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОСИБИРСКА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ХАРАКТЕР ПРОСТРАНСТВЕННО- ПЛАНИРОВОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. Проведен системный анализ технико-экономических показателей жилищного строительства в Новосибирске в период с 1985 по 2017 гг. Сравниваются особенности пространственно-планировочного развития центральной части города, срединной зоны, периферийных и пригородных жилых образований. Выявлено сходство в процессе эволюции жилищной сферы Новосибирска и крупнейших городов бывшего социалистического блока в период смены социально-экономических условий в конце XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: жилищное строительство; градостроительная система; пространственная организация города.

Введение. Пространственно-планировочное развитие крупнейших городов стран бывшего социалистического блока в современных социально-экономических условиях привлекает внимание значительного числа отечественных и зарубежных исследователей. Особое место в таких исследованиях занимает проблема трансформаций в жилищном строительстве: рассматриваются вопросы субурбанизации, джентрификации, развития пригородов, изменения объемов и локализации нового жилищного строительства, и т.д. Относительно небольшую долю в общем объеме исследований занимают нестоличные регионы. Между тем, развитие крупнейших городов является важнейшей задачей в формировании устойчивого каркаса расселения. Для ее решения необходим тщательный анализ местных особенностей и направлений развития пространственно-планировочной структуры города.

Материалы и методы. Нами были рассмотрены параметры развития массового жилищного строительства Новосибирска в период с 1985 по 2017 гг. Селитебные территории города были ранжированы согласно времени и интенсивности их градостроительного освоения. Данный метод описания широко используется в исследовании аналогичных процессов в крупнейших восточноевропейских центрах [6–8]. Нами были выделены 4 зоны: ядро центра города, включающее историческую зону центра [4], срединная зона, микрорайоны типовой застройки 1960–1980-х гг. и районы малоэтажной застройки низкой плотности на периферии и в пригороде (рис. 1). В границах данных зон были сопоставлены показатели средней этажности, площади участка под застройку, численности населения, плотности населения и застройки и среднее количество зданий в жилых комплексах в зависимости от времени сдачи в эксплуатацию [5]. В качестве информационной базы были привлечены открытые интернет-ресурсы и данные из статистических сборников за рассматриваемый период [2; 3]. Проведено сопоставление получен-

ных в ходе исследования данных с тенденциями пространственно-планировочных преобразований, выявленных ранее на примере Праги (Чехословакия) и Софии (Болгария) [6; 7].

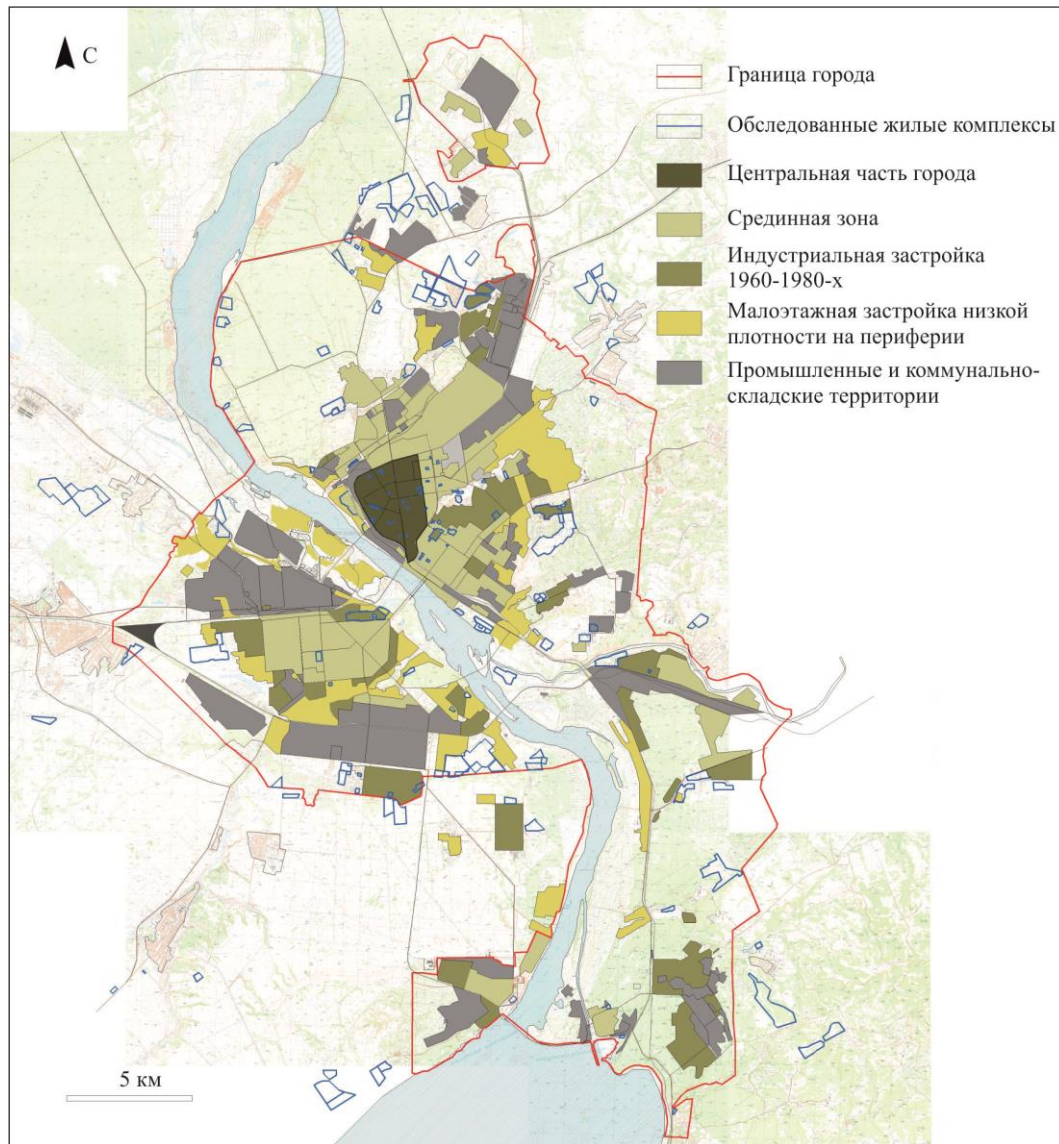

Рис. 1. Пространственная структура Новосибирска [9]

Результаты. Пространственно-планировочное развитие центральной части города до начала 1990-х гг. осуществлялось путем «достраивания» объектов, начатых в предыдущее десятилетие. В последующем наиболее заметной тенденцией в жилищном строительстве становится распространение «уплотнительной» застройки. Градостроительная активность локализуется в центральной части города [1]. Начиная с 1990 г. происходит системное последовательное увеличение плотности застройки и населения в результате увеличения средней этажности и уменьшения площади участков под застройку. При этом, если до конца 2000-х гг. было характерно строительство относительно небольших комплексов, состоящих

из одного здания, то в последующем постепенно возрастает их масштаб – этажность, количество зданий, площадь застройки. Постепенно территориальные ресурсы центральной части города начинают сокращаться.

В развитии срединной части города наблюдаются схожие тенденции увеличения плотности застройки и интенсивности освоения территорий. Кроме того, здесь показатели средней этажности выше, чем в центральной части города. Наблюдается ранжирование районов города по интенсивности преобразований. Новое строительство осуществляется, как правило, на ранее незастроенных территориях и редко сопряжено с реконструкцией существующего ветхого жилья.

Для микрорайонов типовой застройки начала 1960-х – 1980-х гг. выявлено наличие «мелкомасштабных трансформаций» [7] – значительное (около 37,5 % жилых зданий) включение новых коммерческих функций в существующую ткань микрорайонов. Кроме того, заметна тенденция «встраивания» [7] новых жилых зданий с современной архитектурой (в микрорайонах центральной и срединной части города), а также формирование новых жилых комплексов вблизи границ существующего микрорайона (на периферии). Комплексная многоэтажная крупнопанельная застройка на периферии, как и в предыдущие десятилетия, составляет значительную долю всей городской застройки. В таких районах, сданных в эксплуатацию с 1989 по 2015 гг., проживает суммарно порядка 12 % всего городского населения. При сопоставлении технико-экономических показателей современных жилых комплексов и аналогичных параметров застройки 1970–1980-х гг. выявлена относительная равномерность средних значений.

Распространение районов малоэтажной застройки низкой плотности на периферии и в пригороде происходит высокими темпами, сопоставимыми с крупнейшими восточноевропейскими центрами конца 1980-х гг. [8]. С 2010 г. их строительство ведется особенно активно. Пространственное размещение определяется, прежде всего, наличием существующих транспортной и инженерной инфраструктур. В границах города малоэтажные жилые комплексы тяготеют к прибрежной зоне.

Заключение. Таким образом, в пространственно-планировочном развитии селитебных территорий в период с 1985 по 2017 гг. можно выделить несколько этапов. Начальный этап, с конца 1980-х гг. до середины 2000-х гг. отмечен центростремительными тенденциями в застройке территорий. Происходило завершение освоения крупных площадок под жилищное строительство и переход к точечной уплотнительной застройке центральной части города. Переход этот сопровождался, и отчасти был вызван, процессом реорганизации системы управления строительством.

В дальнейшем центростремительные тенденции сменяются центробежными. Этому способствуют исчерпание территориальных ресурсов центра, завершение перестройки систем управления строительной отраслью, укрупнение строительного бизнеса. С середины 2000-х гг. в городе возобновляется масштабное освоение периферийных районов с возведением крупных жилых массивов многоквартирных домов из сборного железобетона.

К концу 2010-х гг. можно говорить о том, что свободные от застройки территории в границах города оказываются застроены. Дальнейшее освоение предполагает проведение более сложных и дорогостоящих мероприятий по реконструкции: снос существующей застройки, перенос существующих инженерных

коммуникаций, прокладка новых и т.д. Процесс градостроительного освоения территорий под жилищную застройку выходит за пределы городской черты.

В конце 2010-х гг. в связи с физическим износом двухэтажного жилья барачного типа 1940–1950-х годов постройки, занимающего значительную долю селитебных территорий города, начинается программа реконструкции ветхого и аварийного жилья. В дальнейшем градостроительная активность предположительно будет развиваться в срединной части города, и сопровождаться сглаживанием параметров плотности и интенсивности освоения. Подобные преобразования подразумевают оптимизацию существующей транспортной инфраструктуры, адекватной новым показателям плотности и численности населения, интенсивности освоения территорий.

Развитие периферийных и пригородных районов, вероятно, будет продолжено нарастающими объемами. Негативный характер такого разрастания обусловлен отсутствием собственных открытых общественных пространств и мест приложения труда, что неизбежно влечет за собой увеличение количества ежедневных перемещений населения. В этой связи, при принятии комплексных градостроительных решений желательно учитывать потребности местного рынка труда, а также предусматривать современную инфраструктуру, рассчитанную согласно проектной численности населения.

Список литературы

1. *Ерохин Г.П.* Колебательная динамика в процессе пространственного развития Новосибирской градостроительной системы 1945–2015 гг. // *Творчество и современность*. – 2017. – № 1 (2). – С. 70–79.
2. Новосибирск 110 лет. Информационно-статистическое издание. – Новосибирск: Печатный салон «Полиада про», 2003. – 232 с.
3. Основные показатели экономического и социального развития Новосибирской области за 1985–1990 годы. Статистический сборник (перечень № 56). – Новосибирск, 1991. – 88 с.
4. *Туманик Г.Н., Колпакова М.Р.* Актуальные задачи развития исторической зоны центра Новосибирска // *Теория градостроительства: Градостроительство*. – 2012. – № 3 (19). – С. 61–65.
5. *Шалыгина Д.Н., Ерохин Г.П.* Развитие жилищного строительства в крупнейшем региональном центре в постсоветский период (на примере Новосибирска) // *Вестник гражданских инженеров. Строительство и архитектура*. – 2020. – № 5 (82). – С. 33–40.
6. *Stanilov K., Hirt S.* The perils of post-socialist transformation: Residential development in Sofia // *Springer. The Post-Socialist City*. – 2007. – С. 215–245.
7. *Sykora L.* Changes in the internal spatial structure of post-communist Prague // *GeoJournal*. – 1999. – № 49. – С. 79–89.
8. *Tsenkova S.* Managing change: the comeback of post-socialist cities // *Urban Research & Practice*. – 2008. – № 3. – С. 1–18.

Список источников

9. Шалыгина Д.Н. Личный архив.

Шафрай Е.С.
 ek.sh2012@yandex.ru
 ekaterina@hnu.kr

Университет Ханнам, г. Даеджон, Южная Корея

УДК: 72:725
 ББК: 85.118

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1003

РОЛЬ ДИЗАЙНА ДЛЯ СОЦИАЛЬНОГО ДИСТАНЦИРОВАНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ПРИМЕРОВ

Аннотация. Одним из актуальных вопросов, с которым столкнулись за последний год многие люди, организации, предприятия, администрации и города в целом – это то, как жить, успешно и безопасно организовать свою деятельность и коммуникацию для людей в условиях новой коронавирусной пандемии. В городской среде многих городов мира применяется концепция социального дистанцирования, которая была выбрана как мера предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции. Данная статья представляет обзор городского дизайна открытых общественных пространств (таких как парки, городские площади, парклеты и пр.) и общественных пространств в помещениях (городские кафе, коворкинги, офисы и пр.), реализующих метод социального дистанцирования через дизайн. В статье рассматриваются как примеры адаптации уже существующих пространств, так и новые идеи, специально разработанные с учетом проблемы. К специфике современного градостроительства и урбанистики относится необходимость учета постоянно меняющихся факторов, таких, как проблемы экологии, больших данных и ГИС, приватности жизни и цифровизации, мобильности людей, безопасности и предотвращения инфекций, и готовность включить в спектр задач новые проблемы. Данная статья проблематизирует возможности и роль городского дизайна, который активно может быть использован для социального дистанцирования в городской среде.

Ключевые слова: социальное дистанцирование; элементы городского дизайна; бихевиоризм в пространстве; индивидуальное пространство; адаптация общественных пространств для предотвращения пандемии.

Introduction. One of the recent relevant issues that many people, organizations, enterprises, administrations and the city as a whole have faced during the past year is how to live, to safely and successfully organize various activities and to communicate between people in the context of the new coronavirus pandemic. The problem of prevention of the spread of a new coronavirus infection along with the necessity to restore and keep urban activities and businesses in a new reality is relevant to many cities around the world [1]. In Russia the measures to prevent the spread of pandemic were sufficient and successful and included social distancing at public spaces and at public transport in large cities (for example, in Moscow, Saint-Petersburg, and other cities) [2]. Many schools, universities and offices had to experience the on-line remote formats of education and work [3, p. 268].

Balancing out many complex factors of the urban life with the need to keep measures for coronavirus prevention, the concept of social distancing was introduced in the urban environment of many cities around the world and a lot of people have inevitably experienced it. Social or physical distancing means keeping around 1~2 m distance between people to avoid a physical interaction. From social distancing, minimization and restrictions in traveling, limitations and bans in use of public space and cancelations of performing large events and gatherings, to overall lockdown – there are various strategies that administrations of many cities have used.

The purpose of this paper is to outline the role of urban design for social distanc-

ing through different cases. This article provides an overview of 1) the urban design of open public spaces (such as parks, city squares, parklets, etc.) and 2) indoor public spaces (cafes, co-working spaces, offices, etc.) that implement the method of social distancing in space. The article examines both examples of adaptation of already existing public spaces and new ideas specially developed taking into account the problem.

Urban life is a complex phenomenon. There is not a right answer how urban design can be used in social distancing; however, it is a significant tool that affect human's behavior [4; 5].

Literature Review. This paper aims to observe the role of urban design for social distancing through different cases. It relates the concept of social distancing (or physical distancing) with the theory of human's behavior in space.

Social Distancing in terms of prevention coronavirus basically means to maintain at least a 1-meter distance between yourself and others to reduce your risk of infection. The definition and suggestions are given by WHO [6] and by authorities in different countries (for example, [7]).

To view a **social distancing** and relate it to a **human's behavior in space** this paper focuses on behaviorism theories by Edward T. Hall [8] and Robert Sommer [9]. Edward T. Hall developed the concept of proxemics and explored cultural and social cohesion, and described how people behave and react in different types of culturally defined personal space. Robert Sommer in his book "Personal Space: The Behavioral Basis of Design" (first published 1969), discussed the influence of the environment on human activities. He distinguished terms 'personal space' and 'territory.' Four levels of personal space (based on E. Hall) are shown at *Fig.1*.

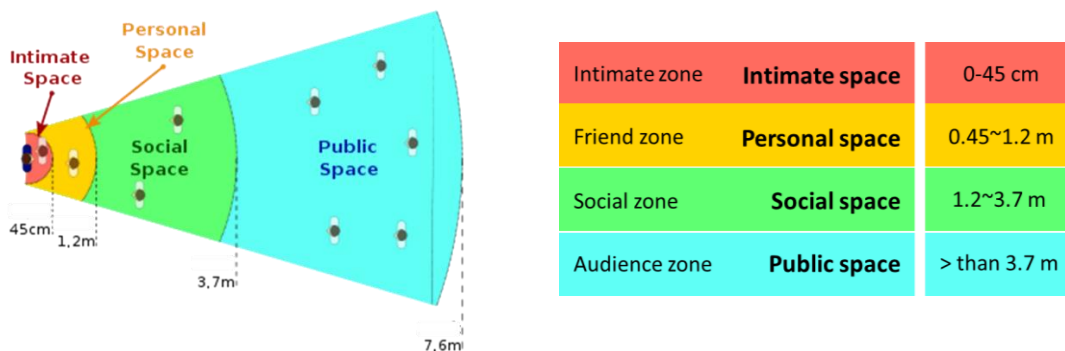

Fig.1. 4 levels of personal space (by Edward T. Hall)

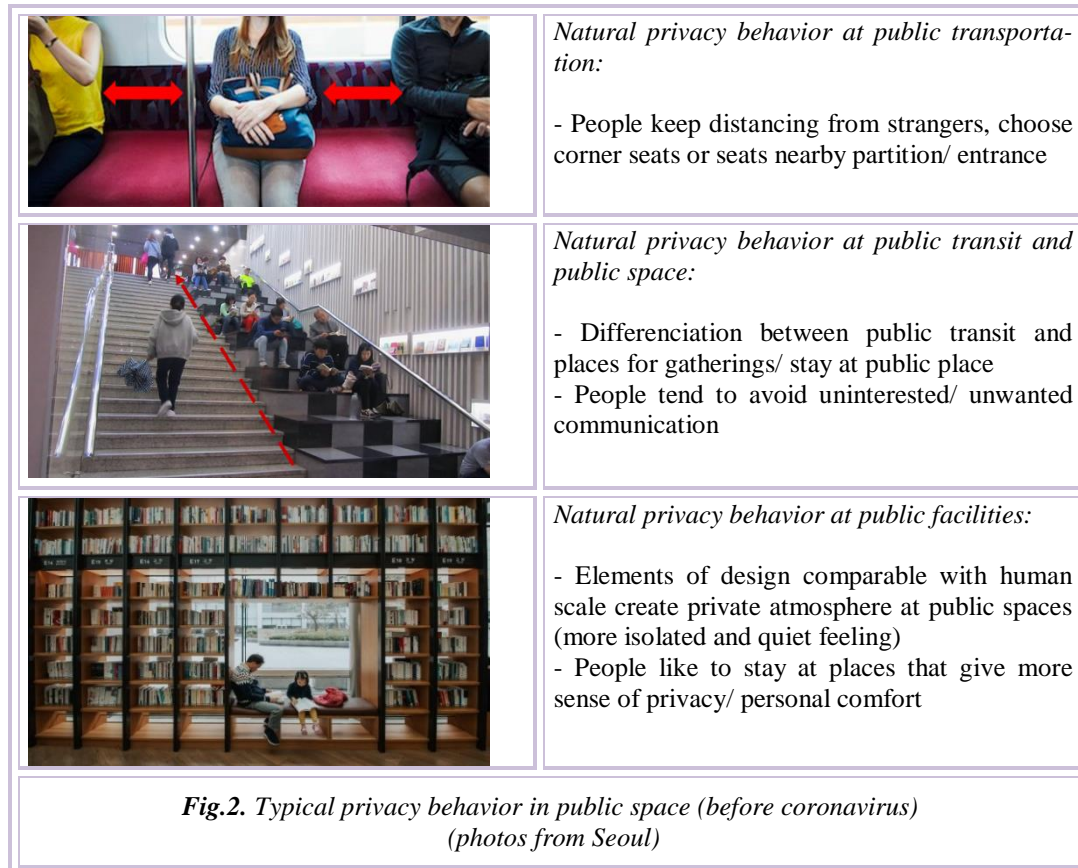
Generally, human's behavior in space is very complex. However, it is usually related with people's tendency to keep privacy and it can be affected by built environment, as well as with elements of design that shape the space and influence on circulation between outer spaces and buildings.

Naturally (before coronavirus) people's privacy behavior (keeping personal space) in large cities can be described with the following:

Natural Privacy Behavior in Public Space:

- Physical closeness maintained between familiar people; physical distancing maintained between strangers
- Sense of time appropriate for communication
- People behave differently when they are uninterested or want to avoid communication (will look at the side, avoid eye contact)

Privacy human's behavior in space, to a certain extent, depends on social and cultural norms, background and mentality, on the urban density and amount of people (the tendency to keep privacy especially can be noticed in very populated high-dense mega polices). *Fig. 2* shows some typical examples from Seoul (S. Korea).

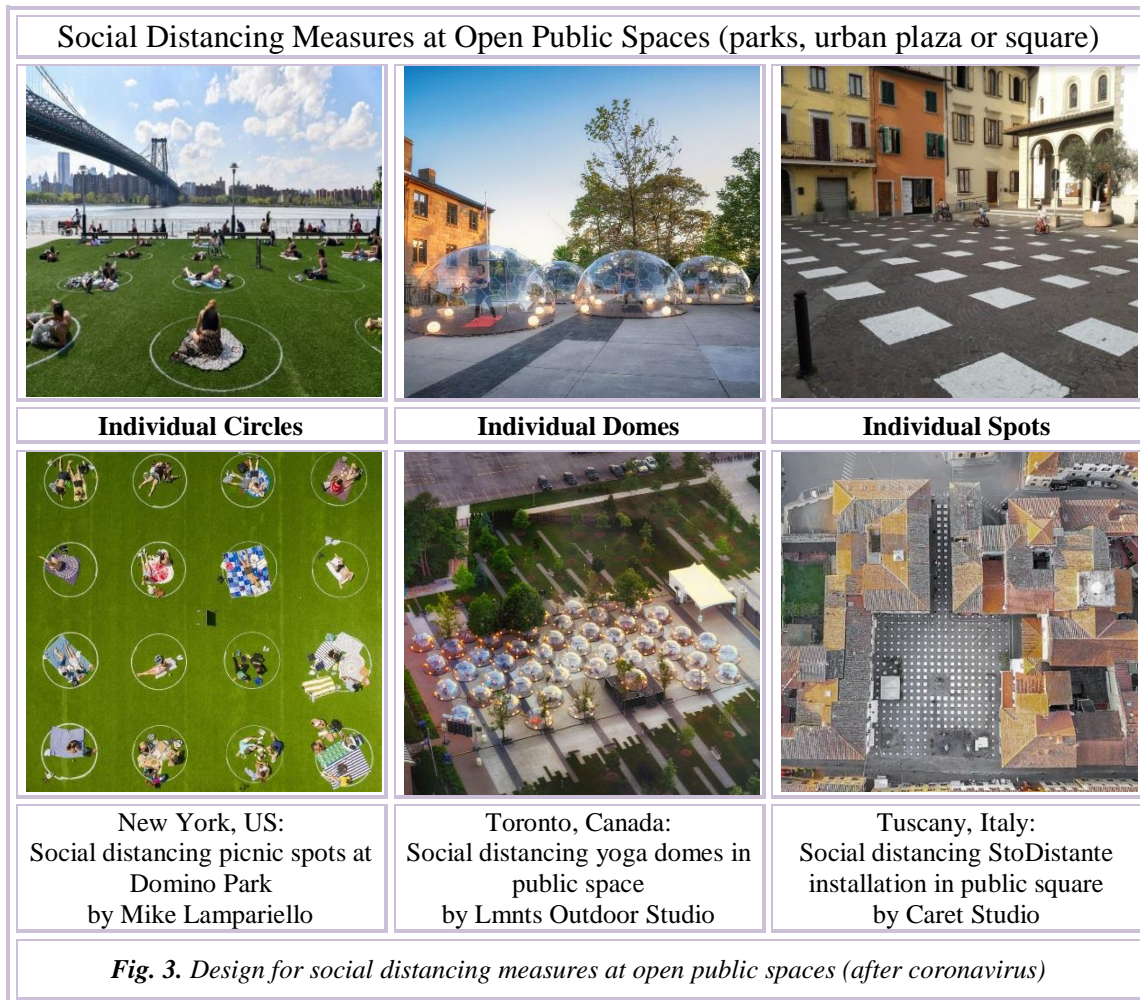

During the recent time of coronavirus pandemic, many publications related to public space reconsideration due to adaptation to new situation in large high-dense mega polices appeared (for example, [10-12]). However, taking into account that the situation is current, there has to be more research about human's behavior, elements of design, and the role and effect of mandatory 'social distancing' at public spaces in large cities.

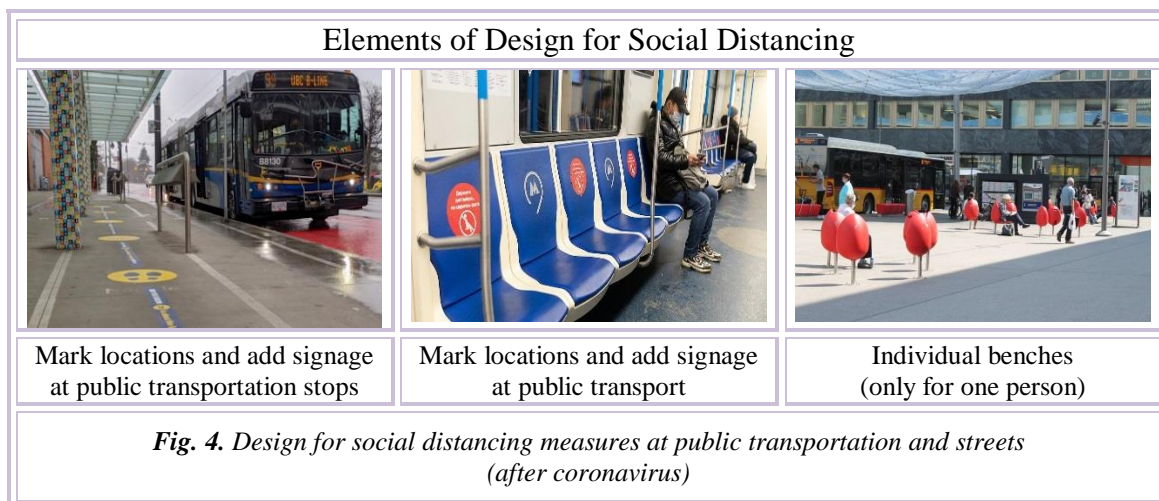
The specifics of contemporary urban design and urban studies include the need to take into account constantly changing factors, such as environmental problems, big data and GIS, privacy and digitalization, human mobility, safety and prevention of infections, and the willingness to include new problems in the spectrum of tasks.

This article problematizes the possibilities and role of urban design, which can be actively used for social distancing in an urban environment. It uses case study as a method of research.

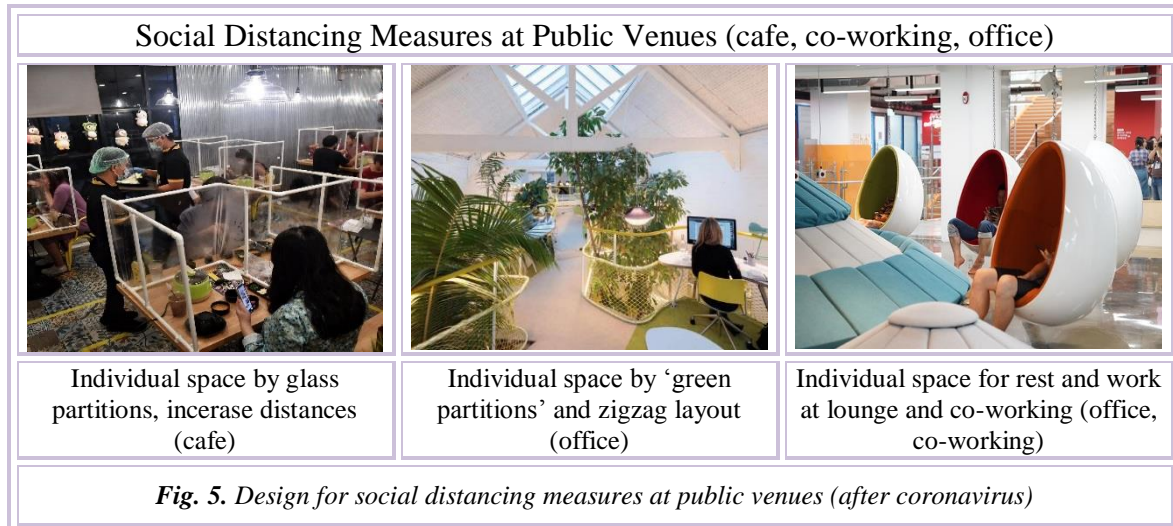
Keeping social distance at open public spaces (parks, urban plaza, streets). During the recent time of coronavirus pandemic, a creative response on the question – how existing urban environment and public places can be adapted to a new reality started to appear around the world. It started as a pop-up events and initiatives with ideas to 'visualize' the social distancing 'boundaries' with circles or other shapes. Especially, the re-design of Domino park in New York became a viral example (*Fig. 3*).

For public transportation, transportation hubs, subway and bus stops, streets design and pedestrian transit in cities with high-density the ‘social distancing’ by design was implemented by use of stickers that mark locations. Another measure is using individual benches (only for one person) especially designed for that (Fig. 4).

Keeping social distance at public venues (café, co-working, office). During the recent time of coronavirus pandemic, a new design and re-design of existing cafes and offices started to appear. Different measures by design (reducing the number of tables at cafes and increasing spaces, zigzag layout of furniture, etc.) and by management (wearing masks, temperature check and thermal monitoring, limitation of people at public places, circulation management, hands and surfaces disinfection, air ventilation) are used. Measures by design creatively repurpose the partitions in space (to border and ‘visualize’ the social distancing). Some cases are shown at *Fig. 5*.

Another trending measure for social distancing at cafe or store is to provide service using various machines or robots, without actual physical contact between visitors and waiters for ordering food and beverages, bringing food and paying. Fig. 6 shows some trendy cafes with robots in Seoul that are gaining popularity among visitors.

Results and Conclusions. This paper views the ways how to respond to pandemic with social distancing measures at public spaces using tools of design. Especially it is relevant for large mega police cities with big population and high density of people. This article provides an overview of 1) the urban design of open public spaces (such as parks, city squares, parklets, etc.) and 2) indoor public spaces (cafes, co-working spaces, offices, etc.) that implement the method of social distancing in space.

At public parks and public squares, the ideas for social distancing are to ‘visualize’ the ‘boundaries’ with circles or other shapes. For public transportation, transportation hubs, subway and bus stops the commonly used measures for social distancing are to use stickers and visual signage that mark the space for seating or waiting in line. Another idea is to use individual benches.

At public venues, such as cafes, offices and co-working spaces, the ideas for social distancing are to border and ‘visualize’ the social distancing with glass partitions, increase distances and provide zigzag layout of furniture. Besides design, management and operation measures are used as well (for example, wearing masks, temperature check and thermal monitoring, hands and surfaces disinfection, air ventilation).

This article also views the natural privacy human’s behavior in space, especially in large cities. The tendency for keeping personal space at public space is natural and it is related with history, social norms, people’s mentality and other factors. Therefore, the requirement for mandatory ‘social distancing’ due to coronavirus is reflected differently and has different impact on people regarding culture and their personal behavior.

Nowadays, the specifics of urban design and urban studies is that it has to take into account constantly changing factors and to be able to quickly and adequately respond to new problems. The situation with prevention of pandemic infections give a new challenges and make us to rethink the role of urban design in cities.

List of References

1. Kang M. et al. COVID-19 impact on city and region: what’s next after lockdown? // *International Journal of Urban Sciences*. – 2020. – Т. 24. – No 3. – P. 297–315.
2. Нарожная Д.А., Поленок Д.А. Особенности подхода «Здоровый город» в управлении общественным здоровьем в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Государственное управление. Электронный вестник*. – Вып. 85. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. – С. 122–141.
3. Коваль Ю.Н. О возможности преподавания в условиях распространения нового вирусного заболевания COVID-19 // *Pedagogicheskii zhurnal [Pedagogical Journal]*. – 2020. – Vol. 10 (5A). – P. 268–273.
4. Social Distancing: The Latest Architecture and News // ArchDaily. 2021. [Online]. – URL: <https://www.archdaily.com/tag/social-distancing> (accessed: 01.06.2021).
5. 15 Proposals For Adapting Outdoor Spaces For Social Distancing // Dezeen. 2020. [Online]. – URL: <https://www.dezeen.com/2020/06/26/outdoor-spaces-social-distancing-coronavirus/> (accessed: 01.06.2021).
6. Coronavirus disease (COVID-19) advice for the public // WHO. 2021. [Online]. – URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (accessed: 01.06.2021).
7. Все о коронавирусе // Стопкоронавирус.рф. 2021 [Online]. – URL: <https://xn--80aesfpebagmflc0a.xn--p1ai/about-covid/#prevention> (accessed: 01.06.2021).
8. Brown, N. (2001). Edward T. Hall: Proxemic Theory, 1966. Center for Spatially Integrated Social Science. University of California, Santa Barbara. – URL: <http://www.csiss.org/classics/content/13> Read, 18, 2007.
9. Sommer R. Discipline and field of study: A search for clarification // *Journal of Environmental Psychology*. – 2000. – Т. 20. – No 1. – С. 1–4.
10. Honey-Rosés J., Anguelovski I., Chireh V.K., Daher C., Konijnendijk van den Bosch C., Litt J.S., ... & Nieuwenhuijsen M.J. (2020). The impact of COVID-19 on public space: an early review of the emerging questions-design, perceptions and inequities. *Cities & Health*, 1–17.
11. Thorpe, A. (2020). Reclaiming the streets? Possibilities for post-pandemic public space. *Possibilities for Post-Pandemic Public Space (November 1, 2020)*. Forthcoming, 20–65.
12. Streets for Pandemic Response & Recovery // NACTO, Global Designing Cities Initiative. 05/21/2020. [Online]. – URL: <https://nacto.org/publication/streets-for-pandemic-response-recovery/> (accessed: 01.06.2021).

Санданова Б.Б.
san-bai@yandex.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры,
 дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
 г. Новосибирск, Россия
 Научный рук.: канд. арх. Лихачев Е.Н.

УДК:725
 ББК: 85.118

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1004

ФИННО-СКАНДИНАВСКИЙ ОПЫТ РЕНОВАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. Рассматривается опыт реновации предприятий целлюлозно-бумажной промышленности в городах Норвегии, Финляндии и Дании. Анализируются особенности транспортной, жилищной и общественной политики рассматриваемых городов, определяются используемые методики реновации промышленных предприятий, а также комплекс мер, определяющих дальнейшее развитие города. Рассмотренный опыт представляет наибольший интерес для малых монопрофильных городов России, преимущественно целлюлозно-бумажной отрасли: г. Байкальск, пгт. Мурыгино, пгт. Селенгинск, г. Питкяранта.

Ключевые слова: реновация; целлюлозно-бумажная промышленность; промышленное предприятие; финно-скандинавский опыт.

Введение. В настоящее время страны Финно-скандинавского региона (Феноскандии) могут по праву считаться образцом всестороннего развития. Изменения коснулись не только экономической, промышленной и научно-технической политики, но и архитектурной. Территории, традиционно занятые на протяжении предыдущих веков промышленностью послужили колоссальным ресурсом для преобразования. Первая реализация программ реноваций началась в 1980-х гг. в таких больших городах как Осло, Копенгаген, Хельсинки, однако по-настоящему повсеместным этот процесс стал в 2000-е гг. [4]. Вслед за большими городами эстафету переосмысления бывших промышленных зон подхватили и более мелкие города. Традиционный лесопромышленный комплекс Скандинавии и Финляндии подвергся масштабным процессам реструктуризации, в ходе которой на месте индустриальных сооружений, магистралей и железнодорожных путей создаются объекты общественно-культурного назначения, которые в долгосрочной перспективе должны послужить катализатором дальнейших позитивных преобразований городов.

Данный накопленный опыт позволяет выявить достоинства и определить недостатки разных подходов к реновации промышленных предприятий, а также адаптировать успешную практику к другим странам. Все выше изложенное обуславливает актуальность данного научного исследования.

Материалы и методы. В исследовании применяется комплексная методика, включающая анализ, обобщение и систематизацию теоретических и практических работ по данной теме, официальных документов и научных исследований. Материалами исследования послужили зарубежные архивные документы [21–23], онлайн-карты [12–14] и разработанные графические схемы [20].

В ходе данного исследования были выявлены следующие критерии отбора городов: сложное физико-географическое положение, транспортный узел, относи-

тельно малая численность, разрозненная структура города, целлюлозно-бумажная промышленность и высокий туристический потенциал. Для выявления предприятий, которые можно было бы отнести к градообразующим, были проанализированы следующие факторы: история формирования поселений, развитие промышленности. Все выбранные города имеют схожие типологические черты и немало важное – значительный размер занимаемой территории промышленного объекта, более 10 га, что существенно отличает масштаб реновации от других подобных реализованных проектов.

Еще одно существенное отличие, свойственное рассматриваемым комплексам, это совмещение различных видов туристической деятельности в одном месте. Нами были выделено 5 объектов целлюлозно-бумажной промышленности в 4 городах Фенноскандии (Евнакер, Драммен, Оулу и Оденсе).

Норвегия. Ярким примером успешной реновации в Норвегии является Кистефосский целлюлозный комбинат в коммуне Евнакер. Евнакер расположен в южной части озера Рандс-фьорда и был основан вместе со стекольным заводом Хаделанд Глассверк и Кистефосским целлюлозно-бумажным комбинатом, территория которого составляет около 15 га, однако в 1900-х гг. составлял $\frac{1}{7}$ всей территории коммуну [8; 10].

Комбинат работал с 1890-х до 1950-х гг. и был крупнейшим предприятием Норвегии (рис. 1). Завод был закрыт в 1955 г., но все механизмы и инструменты остались на месте, в надежде, что завод может когда-нибудь вернуться к производству. Владелец компании, известный норвежский бизнесмен и эксцентричный коллекционер произведений искусств Кристен Свеас (внук основателя комбината А. Кристена) выкупил комбинат, чтобы создать промышленный музей и парк скульптур из своей личной коллекции [10] (рис. 2).

В 2014 г. музей организовал международный конкурс на проект моста и нового здания. Студия БИГ (группа Бьярке Ингельса) предложила самый оригинальный проект для нового музея – построить мост, совместив с ним здание. Мост Твист был открыт для публики 18 сентября 2019 г. Здание было спроектировано так, чтобы выполнять функции моста и выставочного зала. Интерьеры отделаны досками и окрашены в белый цвет, переключаясь с внешней отделкой. В то же время его оформление отсылает к традиционной норвежской архитектуре и местному стилю загородных домов и сараев, так как облицовка деревом – это традиция архитектуры в Норвегии [3; 5] (рис. 3).

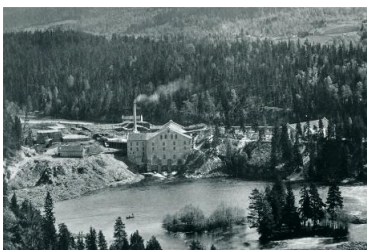

Рис. 1. Кистефосский комбинат окікї 1950–1955 гг. Фото: Видеро-Флайсекап для Фотограмметрии [16]

Рис. 2. Дорога напротив Кистефосского комбината. Фото: Кнут Арне Брейбрена [16]

Рис. 3. Мост Твист. Фото: Лауриан Гинитою [16]

В результате преобразования целлюлозно-бумажного комбината, Евнакер стал третьим по популярности туристическим центром Норвегии, полученные

финансы позволили построить аэропорт и провести масштабную жилищную реновацию коммуны. Также Кистефосский музей получил награду как первый промышленный памятник национального значения и крупнейший парк современной скульптуры в Норвегии и Северной Европе [16].

Вторым примером успешной реновации является целлюлозно-бумажный комбинат Юнион в городе Драммене. Драммен расположен на юге страны, в столичном регионе на внутреннем водном пути Драмменс-фьорд, исторически портовый город был известен судостроительной и целлюлозно-бумажной промышленностью. Долгое время город находился в депрессивном состоянии и с самой сложной экологической обстановкой в Норвегии. Территория комбината составляла 13 га, общая площадь территории реновации включает в себя два противоположных берега и составляет суммарно 29 га [10] (рис. 4).

Рис. 4. Территория Папирбреддена и Эльвепарка [17]. Фото с Google Maps [13]

Левый берег, отрезанный от города автотрассой был преобразован в новое общественное пространство – Эльвепарк: частично зеленое, частично вымощенное, дополненное кафе и другими объектами инфраструктуры (рис. 4). Кроме того, застройка левого берега, где находится главная площадь Брагернес-торг (выходящая к реке и также подвергшаяся реконструкции: летом на ней проходят концерты, зимой заливают каток) и основные общественные здания (в основном, конца XIX в.), была превращена в 2000-е гг. в оживленный район с развитой инфраструктурой: первые этажи домов заняты кафе и магазинами, некоторые улицы превращены в пассажи [5].

Рис. 5. Территория Папирбреддена. Фото: Том Атл Бордевик [17]

Правый берег представлял более значительную проблему: там было больше промышленных сооружений. Большинство из них было решено снести и заменить жильем в рамках концепции Натурбаниа: она предполагала сохранение компактной городской застройки. Однако после ухода тяжелой промышленности все же нельзя было полностью рассчитывать на туризм (который, впрочем, сейчас составляет значительную часть доходов города: этому способствуют как живописные окрестности, так и фестивали, концерты, спортивные мероприятия). Поэтому было решено развивать научно-образовательную составляющую: на месте бумажной фабрики Юнион, исторические корпуса которой были сохранены, для Драмменского колледжа был выстроен комплекс Папирбредден, где также находятся городская и областная библиотеки [5] (рис. 5). Рядом, на территории нового района Юнион Бридж появился научный парк, культурный центр Юнион Скианс в бывшем заводском цехе (там проводятся концерты и работает отдел культуры муниципалитета), общежитие для студентов, отель. Юнион Бридж связал с противоположным берегом мост для пешеходов и велосипедистов Йопсилон. Развитие территории будет продолжено по двум программам: «Архитектура Будущего» и «Смотри на Стрёмсё» [17].

Проект Папирбреддена был удостоен Норвежской премии дизайна в 2007 г., позже конструкция получила международное признание. На данный момент город Драммен получил наибольшее количество наград в стране в области охраны окружающей среды и городского развития: 6 национальных и 2 международных премии с 2003 г. [17].

Финляндия. В ходе экономического кризиса в начале 1980-х гг. Финляндия сменила направление в промышленной политике, сделав основной упор на создании структурных условий для компаний и промышленных кластеров путем стимулирования НИОКР (научные исследования и опытно-конструкторские разработки) и связанной с ними инновационной деятельности. В результате данной политики промышленные города Финляндии не только смогли избежать кризиса, но и занять ведущее место по интенсивности научно-исследовательской деятельности [1,2].

Ярким примером данной политики является город Оулу – пятый по величине город Финляндии, расположенный в месте впадения реки Оулуйоки в Ботнический залив. Расположение города и транспортное сообщение с остальной Финляндией всегда имели большое значение для развития экономики города. Город славился торговлей дегтем, древесной смолой и семгой, которая и стала первоисточником дохода жителей. Именно деревообрабатывающая и бумажная промышленность подверглась модернизации – основа всей промышленности города Топпила и Оулу [11].

Целлюлозно-бумажный комбинат Топпила Оу начал свою деятельность в 1931 г. в одноименном северо-западном прибрежном районе города Топпила, архитектором промышленных зданий был Алвар Аалто. Из-за обвала рынка целлюлозы комбинат Топпила был закрыт в 1985 г. Сегодня территория завода была преобразована властями Оулу в жилой район. Полномасштабная реконструкция района началась в 1990-х гг. тогда же район и его здания были включены в список национально значимых архитектурных памятников (RKY) по решению правительства. Суммарная площадь территории 67 га [11].

Сохранившиеся здания комбината [11]:

1. Кулинарный отдел преобразован в молодежный корпус. На фасаде здания сохранили место стыка со сгоревшим корпусом завода в 1989 г.

2. Сушильная камера переоборудована в складские помещения.

3. Завод по обработке древесины преобразован в Топпила-центр и мастерскую Куккел.

4. Хранилище для древесной щепы преобразован в музей современного искусства «Культурный бункер» с 2009 г., по проекту студента-архитектора Хейкки Риитахухта. Организация массовых мероприятий была приостановлена в 2017 г. из-за проблем с воздухом в помещении, после проверки в 2019 г. планируемая дальнейшая реконструкция была запрещена. На данный момент здание выставлено на аукцион.

5. Электростанция преобразован в центр альпинизма с 2012 г. по проекту архитектора Венанция Рицци. В ходе реновации архитектурные и ландшафтные ценности территории в значительной степени были сохранены, так как бывшее крупное производственное здание по своим грубым характеристикам идеально подходит для работы альпинистского центра.

6. Здание мастерской преобразован в многофункциональный центр, универмаг Халпахол.

7. Лаборатория преобразован в клуб Диксон.

8. Многоквартирные дома для персонала сейчас сдаются как городские арендные квартиры.

9. Инженерное бюро использовалось для съемных квартир, был снесен летом 2008 г.

Также в ходе масштабной реконструкции были сохранены небольшие детали времен промышленной деятельности. Например, внутри универмага Халпахола есть небольшая часть старого трансмиссионного вала, оставленная для украшения на границе крыш [19].

Прибрежная зона территории завода, где находились очистные сооружения стала зоной рекреации и включает в себя 2 парка и гольф-площадку (рис. 6).

Рис. 6. Схема сохранившихся зданий территории Топилла.
Графический анализ: Санданова Б.Б. [20]

Компания Оулу также была основана в 1930-х гг. в юго-западном прибрежном районе Нуоттасаари и включала в себя целлюлозно-бумажный комбинат, ТЭЦ и лесопилку Патениеми. В середине 1980-х гг. деятельность Оулу находилась в финансовом параличе из-за разногласий между владельцами, независимая

деятельность Оулу прекратилась в 1986 г. В соответствии с предпринятой государственной политикой, комбинат развил деятельность в более современном направлении. Здание комбината использовалось для производства бездревесной бумаги, однако в 2020 г. обе бумагоделательные машины были окончательно закрыты, а БДМ-7 была преобразована в картоноделательную машину. В 2019 г. было объявлено о сносе старых заводских построек, в частности кирпичной трубы возрастом более 80 лет [15].

На данный момент на территории бывшего комбината возведен индустриальный парк с мощной образовательной и научно-исследовательской базой. Развитие также распространилось на близлежащие провинции в результате работы исследовательских станций и центров развития. Территория индустриального парка увеличилась в 2 раза и составляет 320 га (рис. 7).

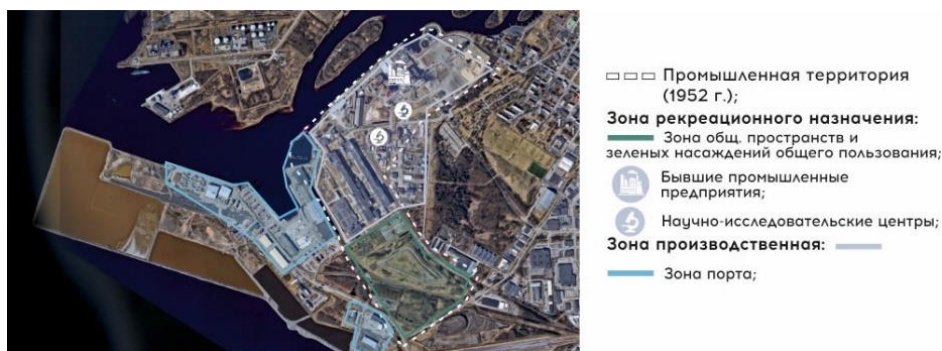

Рис. 7. Функциональная схема индустриального парка на территории Оулу.
Графический анализ: Санданова Б.Б. [20]

Данное техническое развитие промышленного кластера на основе ЦБК позволило занять городу Оулу позицию ведущего центра деловых операций, управления и особенно образования и исследований в Северной Финляндии. К началу XXI в. Оулу стал четвертым по величине центром в стране и всемирно известным «экспертным центром» [9].

Дания. Обращаясь к опыту Дании, стоит обратить внимание на проект реновации Далумской фабрики в пригороде Далум, Оденсе. И хотя город Оденсе является третьим по величине городом Дании, и главный городом острова Фюн, пригород Далум можно рассматривать как отдельное поселение, которое является важным промышленным центром острова. Целлюлозно-бумажная фабрика Далум была старейшей бумажной фабрикой Дании и была построена Оденсе в 1874 г. Прилегающая к фабрике земля составляла примерно 12 га, из которых 4 га сдавалось в аренду, остальные занимали фабричные постройки, дома чиновников, сады и т.д. [6; 3].

С 2011 г. начата реновация фабрики, по проекту, территория фабрики превратится в разнообразное городское пространство, где современная архитектура сочетается с промышленными постройками, достойными сохранения. Заводская территория станет уникальным каркасом для таунхаусов, квартир, магазинов, офисов, кафе, открытых пространств и зеленых зон с видом на Оденсе. Концепция включает себя развитие туристического потенциала за счет «атмосферы старых сказок в духе Андерсона и жизни обычных жителей», подробности данной концепции специально не разглашаются [7; 18] (рис. 8).

Рис. 8. Визуализация будущего района на территории Далумской фабрики [18]

Реструктуризация города Оденсе, направленная на развитие туризма и сектора услуг, началась еще в 1930 г., с построения зоопарка, и в 2005 г. – открытия музея писателя Ханса Кристиана Андерсена. Оценить результаты данной реновации можно будет после 2024 г., когда планируют закончить работы [24].

Выводы. Рассмотренный опыт может быть полезен для малых монопрофильных городов России благодаря схожим типологическим особенностям. Результаты исследования свидетельствуют, что успешная реновация предприятий целлюлозно-бумажной промышленности в городах Скандинавии и Финляндии определяется следующими факторами:

- 1) Комплексный подход, включающий в себя учет всех возможностей не только территории, но и города в целом.
- 2) Меры реновации сопровождаются государственными экономическими и социальными программами для дальнейшей реструктуризации города.
- 3) Преобразования в моногородах носят сугубо индивидуализированный характер и соответствуют общей тенденции, когда каждый город находится в поиске своего собственного пути выхода из структурного кризиса.

Список литературы

1. Аверина К.Н. Особенности земельных отношений в Скандинавских странах // *Вопросы права и политики*. – 2014. – № 2. – С. 47–77.
2. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика, план действий / Н.Ю. Замятина, А.Н. Пилясов. – Москва: URSS, Ленанд, 2015. – 213 с.
3. Малова Е.Д. Города будущего на основе скандинавского опыта градостроительного проектирования / Е.А. Малова; Науч. рук. А.В. Киншт // *НОЭМА (Архитектура. Урбанистика. Искусство)*. – 2020. – № 2 (05). – С. 243–254.
4. Мартовицкая А. Норвегия 2000–2020. Архитектурный путеводитель / А. Мартовицкая. – М.: Dom Publishers, 2020. – 212 с.

5. *Стародубровская И.А.* [и др.]. Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России / под ред. И. Стародубровской. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 248 с.
6. *Carlson L.* Company Towns of the Pacific Northwest. – Seattle: University of Washington Press, 2003. – VIII+286 p.
7. *Lauridsen J.T.* Over strengen – under besættelsen (in Danish). – Gyldendal A/S., 2007. – 301 p.
8. *Rygh O.* Norske gaardnavne: Kristians amt (Anden halvdel). 4 ed. – Kristiania, Norge: W.C. Fabritius & sønners bogtrykkeri, 1999 – 118 p.
9. *Schreiber B.* Oulu oder Die Reise ins Ungewisse. – Tredition GmbH, 2019. – 292 p.
10. *Selægg Jo.* (et al.). Drammen – By i utvikling gjennom 400 år. – Drammen: Brakar AS, 2010. – 416 s.
11. *Virtanen S.* Yhtiöstä yksiköksi: UPM Kajaani 100 vuotta. sis. DVD-levy: Paperitehtaan väkeä. – UPM Kajaani, 2007. – 295 s.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Архив карт Финляндии [Электронный ресурс]. – URL: <http://timomeriluoto.kapsi.fi/Sivut/Paasivu/KARTAT/Kaupunkikartat/Kaupunkikartat.html> / (дата обращения: 19.03.2021).
13. Картографические данные Google, 2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.google.ru/maps/> (дата обращения: 21.03.2021).
14. Картографические данные Финляндии, 2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://kartta.ouka.fi/ims/> (дата обращения: 21.03.2021).
15. Новостной сайт, о сносе трубы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kaleva.fi/nuottasaaren-tehdasalueen-yli-80-vuotias-tiilipiip/1730794> (дата обращения: 19.03.2021).
16. Официальный сайт Кистефосского музея [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kistefosmuseum.com/industry/the-history-of-kistefos> (дата обращения: 21.03.2021).
17. Официальный сайт Папирбреддена. [Электронный ресурс]. – URL: <https://papirbredden.no/finn-fram-til-papirbredden/> (дата обращения: 19.03.2021).
18. Официальный сайт района Далумпапифабрик [Электронный ресурс]. – URL: <https://dalumpapirfabrik.dk/> (дата обращения: 21.03.2021).
19. Официальный сайт центра скалолазания [Электронный ресурс]. – URL: <https://oulunkiipeilykeskus.com/> (дата обращения: 19.03.2021).
20. Санданова Б.Б. Личный архив.
21. Цифровой Архив Финляндии [Электронный ресурс]. – URL: http://digi.narc.fi/digi/?lang=fi_FI (дата обращения: 19.03.2021).
22. Цифровой архив Норвегии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.arkivverket.no/> (дата обращения: 19.03.2021).
23. Цифровой архив Дании [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sa.dk/da/> (дата обращения: 19.03.2021).
24. Finn fram til Papirbredden [Электронный ресурс]. – URL: <https://papirbredden.no/finn-fram-til-papirbredden/> (дата обращения: 20.03.2021).

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ДИЗАЙНА. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Кокаревич М.Н.
korfrevich@mail.ru

Томский государственный архитектурно-строительный
университет (ТГАСУ),
г. Томск, Россия

УДК: 72.03
ББК: 85.110

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1005

НЕКОТОРЫЕ ЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Аннотация. В статье выявлены основные логические схемы и модели развития архитектуры, показана их тождественность разработанным в области методологии науки моделям развития научного познания. Последовательно обосновано, что основой подобного отождествления моделей развития науки и архитектуры является относительная коррелятивность социогуманитарного познания и архитектурно-художественного проектирования в аспекте сравнения основных структурных единиц рассматриваемых видов деятельности: субъекта, способа, процесса, результата научного познания и архитектурного проектирования.

Ключевые слова: архитектурно-художественное проектирование; архитектурная парадигма; модель развития архитектуры.

Введение. Методология как учение о структуре и развитии и науки, и архитектуры предполагает рассмотрение динамики и науки, и архитектуры и искусства, взятых в социокультурном контексте. При этом коррелятивность социогуманитарного знания и архитектурно-художественного проектирования [5], является основанием коррелятивности методологии науки и методологии архитектуры.

Особенности содержания научного гуманитарного познания и архитектурно-художественного проектирования в полной мере прослеживаются при сравнительном анализе данных видов деятельности. Научная деятельность может быть определена как деятельность по выявлению законов развития и изменения объектов. Архитектурная деятельность представляет собой деятельность по системной организации искусственной среды. Соответственно, как виды деятельности они имеют одну и ту же структуру. Среди структурных элементов как методологических единиц последующего анализа выделим субъект деятельности, процессуальную составляющую, т.е. систему действий, предмет деятельности, ее результат, социокультурный контекст деятельности, который определяет специфику субъективности исследователя и проектировщика, предмет деятельности, задают образ результата и гуманитарного познания, и архитектурно-художественного проектирования.

Субъект гуманитарного познания и архитектурно-художественного проектирования выступает во всей полноте своей субъективности, как носитель миро-

воззренческих принципов, как личность со своим эмоциональным складом. Для субъекта и науки социокультурный контекст становится объективирующим фоном творческого процесса в данной сфере. Для европейского средневековья главной ценностью является Бог, что воплощается в возведении соборов и в утверждении алхимии, исходящей из веры в единство созданного Богом мира, философии как «служанки» богословия. Методология социогуманитарного познания – это интерпретация, реконструкция и даже деконструкция культурно-исторической реальности, что аналогично конструктивной методологии архитектуры.

Проективная методология, социокультурная и субъективная контекстуальность становятся условием для формирования предметных областей науки и архитектуры. Коррелятивность социогуманитарного познания и архитектурного проектирования актуализируют проблему адаптации моделей развития науки к области архитектуры.

Материалы и методы. Основными методами исследования становятся метод историко-культурного анализа, методология компаративного анализа, реконструкции феноменов культуры как знаковых систем, значение которых задается ментальным базисом культурных эпох.

Результаты. Действительно, стиль, направление и авторские принципы архитектурного проектирования можно рассматривать как разновидности архитектурных парадигм. В методологии науки парадигма представляет собой признанную теорию, которая задает модель постановки проблем и их решений научному сообществу. Методологический аспект парадигмы представляет собой ценностные установки, конкретизации норм научной рациональности для определенной предметной реальности. Поэтому в методологическом аспекте определенная парадигма становится системой принципов решения научной проблемы [6].

Стиль можно рассматривать как аналог парадигмы, поскольку в своей основе он представляет собой также систему принципов, которая становится базисом для решения задач архитектурного проектирования, поскольку любое проекторочное решение реализуется сквозь призму художественных элементов какого-либо стиля. При этом стиль как архитектурная парадигма характеризуется высокой степенью устойчивости, временного долголетия. Стиль как разновидность архитектурной парадигмы отличается от направления как парадигмы, авторской системы проектирования как авторской парадигмы именно высокой степенью догматичности и повторяемости своих элементов по созданию архитектурно-художественного образа. Направление как парадигма характеризуется значительной степенью коллективной субъективности, возникающей на пересечении творческих интенций ряда архитекторов, что и позволяет им объединиться в одно направление. Авторская парадигма характеризуется личностной субъективностью, эстетическими представлениями одной творческой личности, создающей свою собственную систему принципов решения проекторочной проблемы.

Вводя в дискурс методологии науки понятие «парадигма», Т. Кун ассоциирует его с понятием научного сообщества [6]. Ученый является членом научного сообщества, только в том случае, если он работает в рамках определенной парадигмы. Тем самым, Кун вводит в методологию науки новый элемент исторический субъект научной деятельности. Именно сообщество ученых, вписанных в какую-либо культуру, определяет развитие науки. Аналогично, архитектурная парадигма существует в творчестве архитектурного сообщества. Архитектор всегда выступает как представитель определенной парадигмы, всегда в своем творчестве

реализует систему парадигмальных, стилистических принципов создания определенного архитектурно-художественного образа.

Попперовская теория развития науки [8], согласно которой развитие науки представляется как смена теорий, которая осуществляется в соответствии с методологией проб и ошибок, может быть экстраполирована на проектировочную деятельность. Естественно, что сначала обществом, культурой выдвигается проблема, для решения ее формируется эскиз, аналог пробной теории, затем наступает период правок, устранения ошибок, что ведет к новому эскизу, затем – к пробному проекту и т.д. до создания одного выверенного автором проекта. Так, К. Кикутаке анализируя свой творческий процесс, заявлял, что он для себя ввел критерий принятия или отторжения проекта [2]. Если эскиз, приблизительный пробный проект жилого помещения не удовлетворял принципам счастья, гармонии и мира, то он не может быть реализован. Такой проект рассматривается им как проба, как ошибка, которую следует исправить. Тем самым, появляется новый эскиз, который снова подвергается критике и т.д. до появления эскиза жилья, которое удовлетворяет принципам мира, гармонии и счастья. При этом в выдвижении идеи играют роль и личностные приоритеты, и ассоциации, и аналогии, и образы искусства, и японский социокультурный контекст с его доминированием принципа единства человека и природы, который задает образ гармонии как гармонии с природой. Тем самым, методология проб и ошибок имманентно присуща архитектурно-художественному творчеству.

Представляется, что модель развития архитектуры как смены стилей, осуществляемой в контексте культурно-исторических изменений, внешне похожа на модель развития науки Т. Куна, согласно которой развитие науки есть смена парадигм. Однако подобная модель развития науки возникает как результат обобщения и философского осмысления развития естественных наук.

Коррелятивность архитектурного проектирования и социогуманитарного познания позволяет в качестве релевантной реалиям истории архитектуры усмотреть модель И. Лакатоса [7]. Лакатос рассматривает развитие науки как сосуществование ИП (аналог парадигм), которые взаимодействуют в пространстве и времени или соперничают друг с другом. Данная модель опирается на исторический опыт развития математики, которая как история и ее последующая реконструкция в исторической науке продуцируется человеком. Соответственно, она адекватно реконструирует логику развития социогуманитарных наук, в которых парадигмы меняя друг друга, не отрицают существование друг друга. Аналогично, стили и направления в архитектуре появляются, меняют друг друга, становясь в определенную эпоху авангардными. Однако предыдущие стили и направления не исчезают, а продолжают существовать и становиться источником своего возрождения в новой культурной эпохе.

Наиболее релевантной реалиям современного существования и развития архитектуры является концепция П. Фейерабенда [10], который подчеркивает детерминирующую роль не только социокультурных, но и социопсихологических факторов, таких, как жажда славы, утверждения собственного творческого «Я» и т.д. Это не значит, что Польза, Прочность, Красота как ориентиры архитектурно-строительной деятельности исчезают, они остаются в качестве необходимых принципов, но уже не достаточных, они становятся далеко не главными. Если Фейерабенд, реконструируя развитие науки, убеждает нас, что Истина как главный, общепризнанный ориентир для ученого – это злой монстр, что позволено

все, то триединая задача архитектуры остается принципом архитектурно-строительной деятельности. При этом меняется содержание Красоты как культурного фактора (современные небоскребы разрушают витрувианский образ красоты как единства гармонии, евритмии и декорума, приличествующего виду здания, соответствующего его функциональному назначению), Прочность и Польза – неизменны как цивилизационные факторы.

Действительно современную архитектуру можно представить как хаотическое размножение, пролиферацию архитектурных парадигм, направлений, которое обусловлено многими факторами: во-первых, принятием новых методологических установок (например, философский методологический принцип деконструкции, принятый многими архитекторами реализуется в утверждении и эволюционировании деконструктивизма как весьма значимого для современной архитектуры направления); во-вторых, желанием найти и реализовать собственное творческое «Я»; в-третьих, желанием создать собственную авторскую архитектурную парадигму, несовместимую с господствующей; в-четвертых, желанием прославиться и т.п. Таким образом, пространство архитектуры – это множество разнообразных направлений, архитектурных парадигм, которые формируются как актуализации многих субъективных интенций и объективных факторов, запросов общества. К ряду объективных факторов следует отнести наряду с новыми технологиями, социальными запросами культурно-исторический контекст, который формирует вызовы архитектуре (постмодернистский социокультурный контекст с его принципом максимальной приближенности к каждому человеку приводит к критике принципа «Дом – машина для жилья» (Ле Корбюзье) и господству принципа «Дом – это образ жизни» (Ч. Дженкс).

Пролиферация архитектурных парадигм, направлений – это норма для современной архитектуры. При этом тенденции стремления к устойчивости и стремления к пролиферации являются одновременными тенденциями становления и эволюционирования архитектурных парадигм и направлений. При этом отсутствуют универсальные нормы и правила формирования таких парадигм, «дозволено все», но в рамках, задаваемых принципами – Польза, Прочность, Красота.

С позиций модели развития науки С. Тулмина [9] главными элементами научного знания являются понятия. Аналогично можно рассматривать архитектуру как систему знаков, как архитектурный дискурс. Данная позиция присуща Ч. Дженксу, который подчеркивает, что архитектура – это язык, языковая системы, система символов. Окна, двери, стены и многое другое отдельные слова, дома – рассказы, города сложные системы знаков, аналогичные роману. При таком подходе проектирование есть реализация некоторого грамматического кода, в котором окна, двери имеют свое место, как подлежащее, сказуемое в предложении. Однако понимание архитектуры как языка, как системы знаков выдвигает на первый план не грамматику архитектурного языка, а его семантику, архитектурную символику, реализацию смыслов, значений. Тем самым процесс архитектурного проектирования оказывается актуализацией задуманных и продуманных смыслов, образов, процессом созидания знаков – символов. Как писал В. Брюсов («Сонет к форме», 1894 г.): «Так образы изменчивых фантазий, плывущие как в небе облака, окаменев, живут потом века в отточенной и завершенной фразе» [1, с. 33]. Такой отточенной фразой и становится здание, квартал и т.д., если они актуализация глубоких чувств и представлений. Когда аббат Сугерий при реконструкции храма в своем аббатстве, решает, что его храм в самой полной степени должен реализо-

вать идею Бога в камне, идею храма как символа Царства Божия, то он находит такие слова-знаки как контрфорсы, аркбутаны и т.п. Эти знаки и позволяют сделать пространство храма огромным подобно пространству Божьего Царства, в котором оживут все праведники.

Таким образом, утверждается архитектурный дискурс, в котором множество слов, знаков – символов представляются реализацией социокультурного контекста, авторского замысла, чувствования аналогично тому как в литературном творчестве нужные слова находятся как воплощение глубинного и полного переживания. В стихотворении С. Есенина «Слышишь – мчатся сани» 1925 г. таким словом, которое лучше всего передает смысл любви, является слово «затеряться». «Слышишь, мчатся сани, слышишь, сани мчатся, хорошо с любимой в поле затеряться...» [4, с. 281]. Хотя с позиций грамматики – правильно и «проехать по полю». Аналогично в архитектурном творчестве такие знаки – символы появляются как воплощения замысла автора. Тем самым, архитектура это специфический язык, на котором говорят зодчие. При этом акцент делается на том, что найти нужный, значимый знак может только тот, кто понимает, что архитектура – это язык, это средство, способное выразить мысли и чувства. Как писал Ч. Дженкс: «Хорошим архитектором может быть только тот, кто понимает, что архитектура – это язык» [3].

Изменения концептуальных структур, знаковых систем можно описать как происходящие аналогично динамике биологических популяций (мутаций и естественного отбора). Архитектурные стили, направления, все виды парадигм представляют собой популяции понятий, знаковые системы. При этом знаки – символы меняются не каждый отдельно, а как особи, включенные в «знаковые популяции». Любая новая система знаков (контрфорсы, аркбутаны и т.п.) проходят процедуры искусственного отбора. Последний детерминируется, прежде всего, социокультурным контекстом. Новые знаки – символы проходят процедуры отбора, который регулируется ментальными доминантами культуры, образами прекрасного, картиной мира, философией. Так был найден и отобран такой знак как витраж, поскольку он позволяет преломить свет, превращая его в божественный, позволяет наполнить храм божественным светом, что помогает полнее реализовывать идею храма как Божьего Царства.

Тем самым, знаковые системы, архитектурные дискурсы адаптируются к социокультурному контексту, которые под воздействием новых архитектурных дискурсов сами меняются. Так происходит переход от романики к готике, проникая во все формы культуры (книгопечатание, скульптура, живопись и т.д.). Таким образом, архитектура, архитектурные парадигмы оказываются вписанными в культурную эпоху. Культурная эпоха представляет собой систему взаимосвязанных понятийных популяций, дискурсов (не только архитектурных, но и политических, научных и всех других), которые утверждаются в культуре, т.к. соответствуют принятым в данной культурной эпохе образами красоты, пониманием специфики коннотаций, коннотативного содержания сооружения, коррелятивного его денотативному содержанию, или функциональному назначению.

Преобладание доминанты крайнего дуализма в ранней средневековой культуре создает образ красоты, когда категорией прекрасного описывают только духовность, божественный мир. Такой образ прекрасного актуализируется в утверждении крайнего дуализма между земной, телесной оболочкой романского храма, коннотируя невозможность украшения, тяжеловесность и простоту экстерье-

ра храма и богатство, роскошь, пространственность, создаваемую потолочным перекрытием на нервюрах, обилие света, золота интерьера храма, который в целом является коннотацией Божьего Царства. Тем самым, именно ментальная доминанта крайнего дуализма, противоположности земного и божественного, телесного и духовного задает коннотации противоположности между внешней оболочкой храма и его внутренним убранством, что генерирует определенные знаки: стены, нервюры, витражи и т.п. Соответственно, крайний дуализм создает богословский дискурс, художественный дискурс, в котором преобладает изображение плясок смерти (тело изображается как гниущее, нечто отвратительное), обыденный дискурс, в котором тело определяется как омерзительное одеяние души и т.д.

Вплетенная в постмодернистский социокультурный контекст системно-синергетическая картина мира формирует коннотации – здания как организма, города как органического образования. Коннотации недосказанности, незавершенности, симбиоза человека и техники, коэволюции отдельных элементов здания, города, открытости структуры здания, города, что определяет архитектурный дискурс, реализованный в проектах метаболистов: генезис таких знаковых систем как башня «Накагин» и т.д.

Выводы. Таким образом, развитие архитектурно-художественного проектирования можно представить как:

- Во-первых, смену и сосуществование открытых к взаимодействию архитектурных парадигм (стилей, направлений, авторских концепций), разнесенных или соседствующих в пространстве и времени;
- Во-вторых, как пролиферацию архитектурных парадигм, обусловленную многими субъективными и объективными факторами;
- В-третьих, как изменение дискурсов, концептуальных структур, знаковых систем, обусловленное изменением культурно-исторического контекста.

Список литературы

1. Брюсов В.Я. Собрание сочинений в семи томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909 / Под общ. ред. П.Г. Антокольского [и др.]. – М.: Худож. лит., 1973 – 670 с.
2. Быстрова Т.Ю. От модернизма к неорационализму: творческие концепции архитекторов XX–XXI вв. / Т. Быстрова. – Екатеринбург: Вебстер, 2013. – 287 с.
3. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / Дженкс Ч.; Пер. с англ. А.В. Рябушина, М.В. Уваровой; Под ред. А.В. Рябушина, В.Л. Хайта. – М.: Стройиздат, 1985. – 136 с.
4. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Стихотворения / Подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского / [Науч. ред. А.М. Ушаков]. – 1995. – 671 с.
5. Кокаревич М.Н. Философское познание и архитектурное проектирование // *Вестник Томского государственного университета (ТГУ). Философия. Социология. Политология.* – 2017. – № 39. – С. 13–22.
6. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; Перевод с англ. И.З. Налетова; Общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. – Москва: Прогресс, 1975. – 288 с.
7. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // *Структура и развитие науки: из Бостонских исследований по философии науки: сборник переводов / сост., вступ. ст. и общ. ред. Б.С. Грязнова и В.Н. Садовского; [коммент. А.Л. Никифорова].* – Москва: Прогресс, 1978. – С. 203–235.
8. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания: Избр. работы. Пер. с англ. / К. Поппер; Сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–32] В.Н. Садовского. – Москва: Прогресс, 1983. – 605 с.
9. Тулмин Ст.Э. Человеческое понимание. Пер. с англ. / Ст.Э. Тулмин. – М.: Прогресс, 1984. – 328 с.
10. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Пол Фейерабенд; Перевод с англ. и нем. А.Л. Никифорова; Общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–28] И.С. Нарского. – М.: Прогресс, 1986. – 543, [1] с.

Субботин О.С.
subbos@yandex.ru

Кубанский государственный аграрный университет (КубГАУ),
г. Краснодар, Россия

УДК: 72.03 (470.620)
ББК: 85.113

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1006

ГЕНЕЗИС И АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА-КУРОРТА АНАПЫ

Аннотация. Рассмотрен процесс становления и основные тенденции градостроительного развития города-курорта Анапы, обуславливающие преемственность с позиции созидания архитектурных сооружений, а также бережного сохранения историко-культурного наследия. Особо отмечен стратегический фактор, связанный с охраной южных границ Российского государства и оказавший большое влияние на формирование архитектурно-планировочной структуры городского поселения. Выявлено, что географическое местоположение города способствовало не только развитию экономических связей между Россией и соседними государствами, но и становлению поселения, как морского курорта. В исследовании определено, что особое значение в современном и перспективном развитии города, как правило, должно уделяться комфортному формированию среды жизнедеятельности на основе ее ретроспективного анализа.

Ключевые слова: планировка; история архитектуры; благоустройство; среда жизнедеятельности; Анапа.

Введение. Генезис многообразного территориального образования во многом определяет дальнейшую судьбу его архитектурно-градо-строительного развития. На Юге Российской Федерации, а именно на Кубани, отмечается преемственность в формировании материально-пространственной среды городского или сельского поселения, несмотря на существовавшие во временном срезе изменения в социально-экономическом устройстве.

История возникновения и формирования города Анапы своими корнями уходит в далекое прошлое. Одновременно с этим, заслуживает внимание история становления Анапы во второй половине XVIII – первой половине XIX в.

По Адрианопольскому мирному договору 1829 г., подписанному по итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг., все восточное побережье Черного моря от устья р. Кубани до пристани св. Николая с крепостями Анапа, Поти, Ахалкалаки и Ахалцихе передавалось в вечное владение России. В 1771 г. турки построили в Анапе сильнейшую по тем временам крепость, которой русские войска овладевали дважды. Турки очень дорожили этой крепостью, укрепления которой были воздвигнуты французскими инженерами. Вместе с тем, после третьего занятия Анапы русскими войсками она окончательно перешла к России (*рис. 1*).

Издавна географическое положение Анапы всегда вызывало зависть у соседних государств, рассматривающих в перспективе ее территорию как свою. Основная цель их притязаний на указанную территорию заключалась в решении стратегических задач на Черноморском побережье.

По экономическому и географическому положению на местности, в частности по расположению населенного места на пересечении торговых путей, а также по отношению к отдельным элементам рельефа, водного пространства Черного моря, город занимает удобное положение.

Наиболее точное описание природной среды и использования территории, на которой располагается Анапа, дано в печатном издании XIX в. – «Иллюстрированном практическом путеводителе по Кавказу»: «Анапа расположена на восточном берегу Черного моря, на мысе с двумя обширными отлогими выступами, далеко вдающимися в море и образующими естественную бухту. Естественные удобства бухты, однако, не создают ей крупного торгового значения, которое парализуется соседством Новороссийска, обладающего прекрасно оборудованным портом и, следовательно, имеющего все преимущества на своей стороне. Зато удобное приморское положение Анапы, ее чудесный песчаный пляж и дно отводит весьма видное место ей как морскому курорту [9, с. 375] (рис. 2).

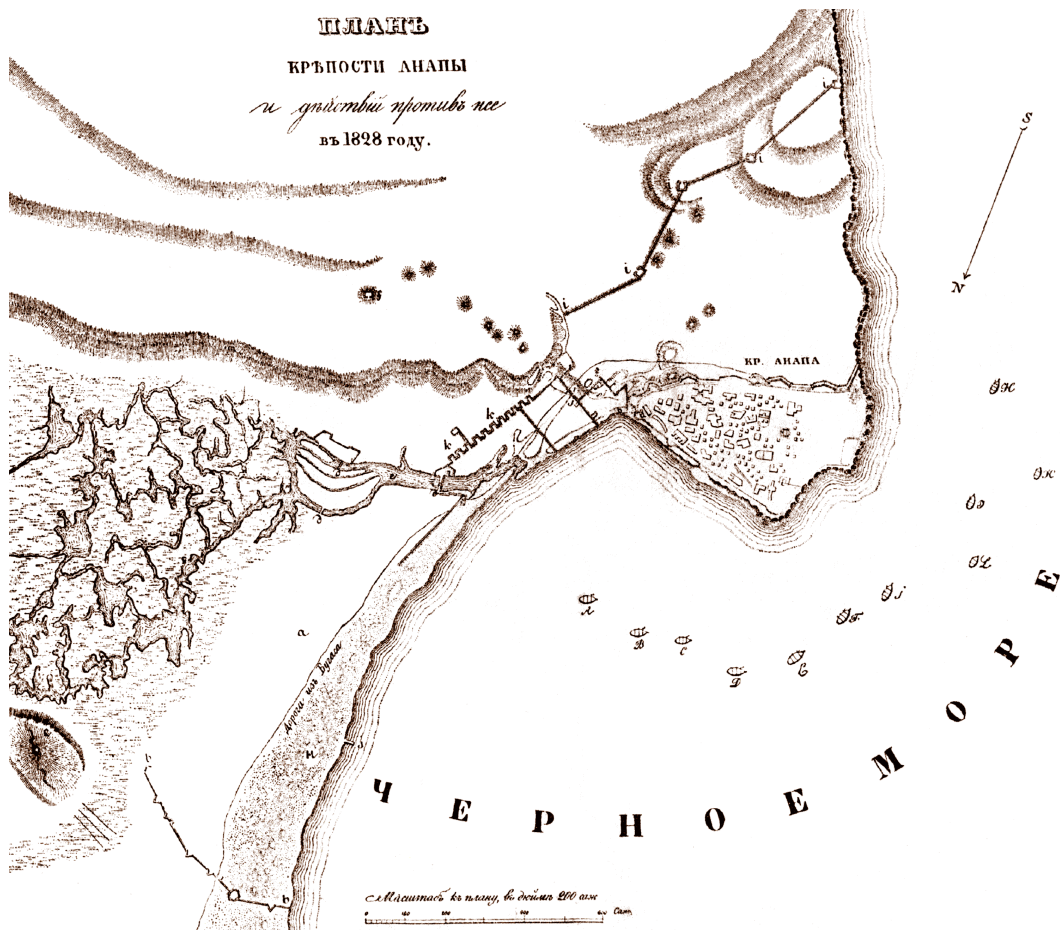

Рис. 1. План крепости Анапа, 1828 г. Атлас крепостей Российской империи 1830 г. [17]

При этом следует отметить, что даже в начале становления города как курорта, городские власти уделяли внимание созданию комфортной среды жизнедеятельности: «Не следует, однако думать, что Анапа – законченный по своему благоустройству город. В этом отношении она лишь постепенно развивается, и молодому городу предстоит еще немало работы. В 1904 г. в Анапе введено городское общественное управление, благодаря чему в короткое время значительная часть города покрылась мостовыми, устроен водопровод, выстроено специальное здание, курзала, новые купальни, больница и пр.» [9, с. 377].

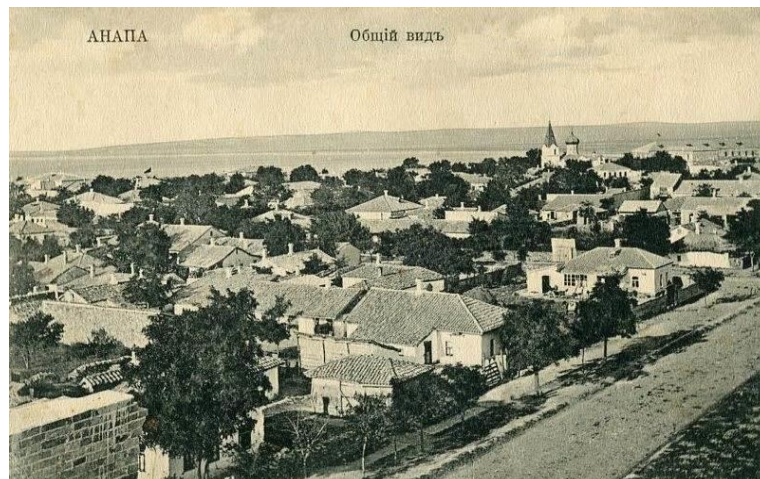

Рис. 2. Анапа. Общій видъ старого города. Фотография 1900–1910 гг. Справа от центра на дальнем плане видна Свято-Онуфриевская церковь, справа от нее – двухэтажное здание, в котором сначала размещался военный госпиталь, а затем – табачные склады Богданова [17]

Тем не менее в первые два десятилетия XX в. Анапа была малочисленным провинциальным городком. Согласно поселенным итогам переписи поселения по Северо-Кавказскому краю в 1926 г. население города составляло 13 379 чел. В начале XX в. территория города существовала в пределах границ улиц Гребенской и Гоголевской. Улица Гребенская получила свое название в знак признания и уважения к Гребенскому казачьему полку, принимавшему героическое участие в 1791 г. в штурме Анапы русскими войсками.

Главной улицей, являющейся одновременно планировочной и композиционной осью городского поселения, был Маламинский проспект (ныне – проспект Революции) названный в честь Я.Д. Маламы – наказного атамана кубанского казачьего войска. Указанный проспект был основным градообразующим элементом. Он представлял собой широкую и длинную городскую дорогу, обсаженную по обеим сторонам белой акацией и заканчивающуюся выходом к Малой бухте Черного моря, где находились купальни (рис. 3, 4).

В тоже время фотография (рис. 5) показывает, что функциональное зонирование прибрежной территории Анапы складывалось в большинстве случаев под влиянием природного фактора, а именно сложного рельефа.

При этом, архитектурно-планировочная структура Анапы формировалась с учетом близости поселения к водной глади Черного моря и существующего природного каркаса. Не без основания «история становления и развития большинства населенных пунктов неразрывно связана с входящими в данную структуру водными пространствами. Водный фасад является своеобразной «визитной карточкой» любого городского или сельского поселения [15, с. 751].

Преобразование города Анапы в город-курорт шло по мере роста строительства гостиниц, сооружения курзала в городском саду, санаториев, водогрязелечебниц и пансионатов на берегу моря в пределах городской черты. Расширение сети лечебных учреждений и увеличение объемов строительства домов для приезжающих курортников протекало параллельно росту города и повышению уровня его благоустройства. Таким образом, одно стимулировало развитие другого. Эволюция Анапы-курорта проходила по общему для конца XIX – начала XX вв. пути

отпочкования от материнского курорта дочерних курортов. С Анапой был генетически связан курорт-сад. Последний был создан в 1900-х гг. в 25 км от нее, в Семигорье, на границе леса и степи, после проведенного в 1901 г. обследования, подтвердившего целебные свойства имевшихся там источников [3; 6, с. 16–17, 21; 16, л. 9–10] (рис. 6).

Рис. 3. Анапа. Маламинский проспект. Фотография 1900–1910 гг. [17]

Рис. 4. Анапа. Купальни. Фотография 1900–1910 гг. [17]

Начало курортному строительству города положил врач В.А. Будзинский, открывший 15 июля 1900 г. первый санаторий «Береговая». В 1909 г. Будзинский открыл второй санаторий на Песках, вскоре преобразованный в ортопедический институт. Третий санаторий Будзинского располагался уже в Семигорье у источника минеральной воды. (1913 г.). На выставках «Всероссийская гигиеническая» и «Русская Ривьера» в 1913 и 1914 гг. Анапа и Семигорье были удостоены золотых медалей [11, с. 37] (рис. 7).

Необходимо выделить особое местоположение православных храмов в пространственной структуре Анапы. «Оставаясь важными элементами городского пейзажа, храмы оказывались иногда и главными выразителями местного своеобразия» [7, с. 33]. Многие из храмов с самого начала задумывались как памятники,

как осмысленные ориентиры [4, с. 261]. При этом история их возникновения, разрушения и последующего восстановления отражает весь ход истории самого города. «В градостроительном отношении храмовым комплексам отводилась доминантная роль в формировании существующей застройки [10, с. 45]. Так «с середины XIX в. церкви и часовни были неизменным элементом застройки в укреплениях Черноморской береговой линии [13, с. 18].

Рис. 5. Анапа. Общий вид с высокога берега на маяк. Фотография 1900–1910 гг. [17]

Рис. 6. Анапа. Курзал. Фотография первой половины XX в. [17]

Становление, трансформация и последующие изменения в градостроительной ситуации Анапы были обусловлены множественными факторами, традициями и культурой, национальными и государственными интересами, а также формированием природных ландшафтных и искусственных комплексов. На преемственность развития города оказывала влияние функционально-генетическая типология поселений Кубани. При этом ретроспективный анализ данного генезиса помогает лучше восстановить историю архитектурно-градостроительного развития города, определить ключевые моменты регулярной планировочной структуры поселения, выявить основные исторические периоды его преобразования. Отмечается рост численности населения, усиление взаимосвязей структурных эле-

ментов города как с территориальным пространством, так и с экономико-социальным и географическим положением. Сугубо городским порождением стал в дореволюционное время феномен дачи – дома, который приобрели популярность среди состоятельных людей, проживавших в Анапе [2; 5].

Рис. 7. Анапа. Санаторий доктора В.А. Будзинского. Фотография 1900–1910 гг. [17]

Постепенно, на протяжении длительного периода, происходило преобразование архитектурно-планировочной структуры города, основу которого составляют памятники археологического и архитектурно-градостроительного наследия – «богатейший материал для анализа и преломления на практике в нашей сегодняшней жизни многих полезных начинаний того времени [12, с. 40]. Указанная структура Анапы представляет собой прямоугольную сетку улиц с кварталами в центральной части, а в курортной зоне (в северо-западной части) градообразующим элементом является Пионерский проспект, находящийся вдоль берега с песчаными пляжами, оборудованными и расположенными в непосредственной близости от большого количества санаториев и пансионатов. Более того, следует акцентировать внимание на то обстоятельство, что Постановлением коллегии Наркомздрава РСФСР от 5 сентября 1921 г. Черноморское побережье Кавказа от Анапы до Батуми было отнесено к курортам общегосударственного значения.

Из этого следует, что «взаимодействие природных и антропогенных составляющих планового рисунка территории должно строиться с использованием принципа «поляризации ландшафтов», взаимопроникновения экологического и урбанистического каркасов» [8, с. 47].

Заключение. Таким образом, генезис и архитектурно-градостроительное развитие города-курорта Анапы происходила под влиянием социально-экономических и хозяйственных предпосылок на основе интенсивного развития территории как морского курорта начиная от опорной крепости до города-курорта федерального значения. При этом на изменение среды жизнедеятельности влияли природно-климатические, историко-экономические и градообразующие факторы. Вместе с тем особое внимание должно быть уделено предмету охраны границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения город Анапа.

Пространственное развитие современного города должно логически и эмоционально продолжать те архитектурные и градостроительные традиции, что бы-

ли заложены предшествующими поколениями зодчих [1, с. 75]. Не случайно «архитектурно-художественные взаимосвязи исторического центра являются ярким примером целостной системы, формирующим среду активными градостроительными компонентами» [14, с. 748].

Генезис и архитектурно-градостроительное развитие г-к Анапы на протяжении хронологического периода XVIII–XX вв. были подчинены закономерностям регионального преобразования исторической территории, и наглядно отражали преемственность культурной идентичности южных поселений Российского государства. Вместе с тем архитектурно-градостроительная культура города в должной степени свидетельствует об общности и в то же время различии архитектурного творчества многонационального народа, их вековых традиций, обычаев и самобытности.

Список литературы

1. Бондарь В.В. Краснодар: судьба старого центра. К проблеме современного кризиса историко-архитектурного облика города / В.В. Бондарь; Российская акад. наук, Южный науч. центр, Инновационно-технологический центр «Кубань-Юг», Западно-Кавказский НИИ культурного и природного наследия. – Краснодар: Издатель Игорь Платонов, 2007. – 79 с.
2. Глазычев В.Л. Город без границ. – М.: Территория будущего, 2011. – 397, [1] с.
3. Градостроительство России середины XIX – начала XX века: Общ. характеристика и теорет. проблемы Кн. 2: Города и новые типы поселений / [Редкол.: Кириченко Е.И. и др.]. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003. – 557, [3] с.
4. Гутнов А.Э., Глазычев В.Л. Мир архитектуры: Лицо города / А.Э. Гутнов, В.Л. Глазычев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 352 с.
5. Дача // Энциклопедический словарь. Том X (19). Давенпорт-Десмин / Брокгауз Ф.А, Ефрона И.А. – СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1893. – С. 162–163.
6. Анапа и анапчане / Под общ. ред. Боюра А.И., Авт. сост. Курбацкий В.И. – Анапа: Изд-во «Северный Кавказ, 1999. – 214 с.
7. Лисовский В.Г. Архитектура России XVIII – начала XX века. Поиски национального стиля / В.Г. Лисов. – М.: Белый город, 2009. – 567, [1] с.
8. Митягин С.Д. Градостроительство. Эпоха перемен / С.Д. Митягин. – СПб: Зодчий, 2016. – 279, [1] с.
9. Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу / Г. Москвич. – 21-е изд. – [Б. м.]: Платонов И., 2013. – 528 с.
10. Субботин О.С. Храмовое зодчество Кубани и культурное заимствование славяно-византийских традиций // *Жилищное строительство*. – 2012. – № 1. – С. 45–47.
11. Субботин О.С. Историческое развитие города-курорта Анапа на территории античного города Горгиппия // *Жилищное строительство*. – 2012. – № 3. – С. 35–37.
12. Субботин О.С. Дворянские усадьбы, особняки и виллы в структуре поселений Кубани (XIX–XX вв.) // *Жилищное строительство*. – 2013. – № 7. – С. 36–40.
13. Субботин О.С. История архитектуры православных храмов Черноморского побережья России. // *Жилищное строительство*. – 2013. – № 10. – С. 18–22.
14. Subbotin O.S. Problems of Reconstruction of Historical Center of the City // *Materials Science Forum (MSF)*. – 2018. – Т. 931. – P. 745–749.
15. Subbotin O.S. Architectural and Planning Principles of Organization and Reconstruction of Coastal Areas // *Materials Science Forum (MSF)*. – 2018. – Т. 931. – P. 750–753.

Список источников

16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 2. Д. 33.
17. Субботин О.С. Личный архив.

Лисов А.Г.
allisov@mail.ru

Витебская ордена «Знак Почёта» государственная
академия ветеринарной медицины (ВГАВМ),
г. Витебск, Республика Беларусь

УДК: 7.036
ББК: 85.103+85.143

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1007

КУБИЗМ В ВИТЕБСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАСТЕРСКИХ

Аннотация. В статье изучается опыт преподавания живописи кубизма в Витебских государственных художественных мастерских, который в 1920–1922 гг. занял особое место в практической разработке и реализации педагогической системы основоположника супрематизма художника К.С. Малевича. В соответствии с его теоретическими представлениями о развитии живописи от кубизма и футуризма к супрематизму, изучение кубизма должно было стать первой ступенью освоения нового искусства.

Ключевые слова: послереволюционная реформа художественного образования; Витебск; государственные художественные мастерские; кубизм; супрематизм.

Постановка проблемы. Об изучении кубизма в педагогической системе К.С. Малевича писали многие исследователи, среди которых Г.Л. Демосфенова, Т.В. Горячева, А.Д. Сарабьянов («Неизвестный русский авангард») [1–2; 4]. Собственно, к проблеме подводят уже ранние теоретические тексты художника, его книги «От кубизма к супрематизму» и «От кубизма и футуризма к супрематизму» [3, с. 27–55]. Важнейшую роль в практической разработке его педагогической системы сыграли периоды работы в Московских государственных художественных мастерских и затем в Витебске, где художественные мастерские в начале 1920 г. дружно перешли под знамена супрематизма и где предстояло выстроить новую систему преподавания. Малевичу удалось сделать первые шаги достаточно быстро. Мастерская кубизма, которая создавалась при его непосредственном участии и под руководством одного из его самых ярких сторонников, художницы В.М. Ермаевой, уже к концу мая 1920 г., менее чем через полгода могла продемонстрировать определенные успехи. Судить об этих успехах дают основание две выставки под общим названием «До востребования. Коллекции русского авангарда из региональных музеев», организованные в 2016 и 2017 гг. А.Д. Сарабьяновым на площадке Московского Еврейского музея и центра толерантности и выставка Государственной Третьяковской галереи, посвященная Московскому музею живописной культуры (2019). В экспозициях этих выставок представлены некоторые сохранившиеся учебные работы учеников мастерской кубизма Витебской школы.

Основное содержание исследования. Первый этап реформы художественного образования после революции 1917 г. предполагал отказ от академической системы художественного образования и переход к организации свободных художественных мастерских, открытых для представителей любых творческих направлений, способных предложить свои педагогические принципы. На этом этапе реформа открыла двери художественных учебных заведений для представителей авангарда, крупнейшим из которых был Казимир Малевич. Однако очень скоро лидер супрематизма стал рассматривать принцип свободных мастерских в

негативном свете. Очевидно, к этому подвиг его опыт преподавания в Московских мастерских. В Витебске Малевич, а вслед за ним и его единомышленники, высказывали идею отказа от свободных художественных мастерских. В статье «К вопросу изобразительного искусства» Малевич писал: «Современный университет сооружений искусства не должен вмещать в себя личных мастерских, представляющих собой отдельные училища» [3, Т. 1, с. 221]. Высказанная мысль находит отражение в его учебных программах, опубликованных в Витебске. В предисловии «К программе», опубликованной в «Альманахе Уновис № 1» он утверждает: «В училище не могут создаваться направления, ибо они являются сводом в творческую лабораторию будущего» [1, с. 179]. Их роль, как утверждает Малевич, состоит в ином: «Направления как творческие изобретения могут идти дальше, но метод должен идти вслед и подготовить массы к восприятию и развитию современного» [1, с. 179]. В этой связи, по его мнению, следует разделить училище и научный институт. По мысли Малевича, училищем были собственно мастерские, выстроенные на основе общей принципиальной системы, а научным институтом должна была стать «Витебская философско-научно-исследовательская экспедиция УНОВИСа», которая начала организовываться в Витебске лишь летом 1922 г. и которая должна была по замыслу Малевича состоять из двух отделов: кубофутуристического и супрематического.

В отношении к кубизму, как художественному направлению и педагогическому методу, изначально следует считать суждение Малевича, что кубизм «вышел к чистому полю творчества» [5], уничтожая все предрассудки академии. Далее в его текстах и текстах его сторонников это отношение конкретизируется.

В материалах по обсуждению доклада ученицы Л. Кляцкиной о новом искусстве, подготовленном для вечера УНОВИСа в 5-й советской трудовой школе II ступени города Витебска (материалы опубликованы в «Альманахе Уновис № 1») отражена позиция Л. Лисицкого, который отметил: «Нет формы без содержания и содержания без формы. Вот в этой картине (кубистическая рюмка) гораздо больше содержания и смысла, чем в картине «Иван Грозный» Репина» [1, с. 188].

В связи со структурными изменениями, которые последовали в Витебских мастерских под его влиянием в 1920 г., Малевич сообщает в предисловии «К программе», что удалось объединить пять мастерских, не включая академической [1, с. 179]. Они были выстроены на основе общей принципиальной схемы, предложенной художником. И это было отказом от провозглашенного Марком Шагалом, как руководителем школы до июня 1920 г., принципа свободных мастерских. Очевидно, что говоря о мастерских, Малевич подразумевает скульптурную и подготовительную, а также супрематическую мастерские; последней руководил он сам. Мастерские Л. Лисицкого, архитектурная и графическая, вероятно, представляли на практике одну мастерскую, которую ему удалось организовать. То же можно утверждать относительно кубистической и кубофутуристической мастерских, которые были на практике одной общей мастерской под началом В.М. Ермолаевой.

Изучение кубизма и футуризма являлось определяющим этапом педагогической системы Малевича. После вводного курса, который вела в Витебске Н.О. Коган, следовало изучение кубизма как основы постижения принципов беспредметности. Несмотря на свою ставшую легендой авторитарность, Малевич вовсе не преследовал цель обязательно и сразу превратить своих учеников в супрематистов. Сделав исходным положением педагогической концепции идею эволюции

современного художественного мышления «от кубизма к супрематизму», он стремился постепенно подвести студентов к пониманию принципов живописной абстракции. В силу недостаточной подготовки для многих из них рубеж между кубизмом и супрематизмом оказался непреодолимым.

В соответствии с программой, разработанной Малевичем, и реализованной в Витебских мастерских, и предложенной позднее, в 1921 г. в качестве программы для ВХУТЕМАСа и других художественных учебных заведений Советской России, кубизм должен был стать основополагающей концепцией, фундаментом освоения искусства и основой педагогической системы страны. Мастерской руководила В.М. Ермолаева, которая в июне 1920 г. стала вместо М.З. Шагала руководителем Витебских мастерских.

В статье «Об изучении кубизма», опубликованной в «Альманхе Уновис № 1», В.М. Ермолаева указывает, что «установление системы положило конец индивидуальным попыткам, более или менее случайно приближающимся к цели, т.е. к созданию живописного целого, и дал[о] возможность художнику в новооткрытом богатом мире чистой самодовлеющей формы не блуждать на ощупь, а строить свой новый мир из творческих форм» [1, с. 157]. Кубизм рассматривается как творческое направление и как основа метода преподавания.

Ермолаева в уже цитированной статье «Об изучении кубизма» указывает, что «метод преподавания кубизма имеет в себе задачи: освобождение живописного творчества человека, установления этого творчества на путь системы, единой в коллективе. Личность, устремляясь по системе, выявляет все свои творческие возможности на незыблемом фундаменте и достигает той высоты своего проявления, котор[ая] недоступна индивидуальной личности, строящей одиноко свой фундамент, подрываемый другими, подобны[ми] ей» [1, с. 157].

Исследователи сходятся на мысли о том, что назначение В.М. Ермолаевой руководителем кубистической и кубофутуристической мастерской было не случайно. Об этом пишет Т.В. Горячева [1, с. 161]. Отметим, что она сообщает не об одной мастерской, а о двух – кубистической и кубофутуристической. Архивные документы, однако, достаточных оснований к этому не дают. Сохранившиеся фрагментарно немногочисленные анкеты учащихся Витебских государственных свободных художественных мастерских за 1920 г. не позволяют определить персональный состав мастерской (или мастерских) Ермолаевой.

Отмечая стадии кубизма, Ермолаева говорит: «Произведения кубистов второго периода разумному зрителю еще дают мысль о скрипке, которую он узнает по отдельным ее частям, но целое познается только путем живописного восприятия. В следующем периоде развития кубизма художник отходит от форм, которые ему подсказывает природа» [1, с. 160]. О форме скрипки в освоении кубизма мы находим у нее: «Возьмем как исходную точку строения скрипку. Она много раз служила художникам таковой исходной точкой, так как дает неисчислимый материал элементов, форм, фактуры и свойства движения других элементов живописи. Она сама – результат многовековых совершенствований, наивысшее в настоящее время достижение для предназначенного звукам действия. Формы ее отвечают самым различным задачам. Свойства и форма струн противоположны[ы] форме грифа. Дека, материал скрипки высокого качества, выделан, разнообразен, дерево полированное, покрытое лаком, черное матовое дерево грифа. Вся она построена по принципу экономичности и целесообразности. В начале изучения натюрморта скрипки художник повторяет близко к натуре ее живописные части, мерой сдви-

гов он смещает логический ход ее строения, выпускает ослабляющие повторения форм, сопоставляет неожиданно формы, усмотренные при всестороннем рассмотрении скрипки. Вводит совершенно новые и чуждые формы, нужные ему для обострения создаваемой постройки» [1, с. 159]. Формы скрипки угадываются в учебных работах мастерской кубизма Витебских мастерских.

Важную роль играли в учебном процессе уроки опытного рисования, в которых нашли исключительное место разборы кубизма. «Сеансы» опытного рисования стенографировались, а затем расшифровывались и переписывались набело, причем в записях приводились и зарисовки работ, выполненных на занятиях. В стенограмме «Опытное рисование, устроенное Уновисом в марте 1920 года» следует подчеркнуть слова Малевича с постановкой проблемы: «кубистическое разложение предмета стало впоследствии одним из способов добиться из него не красоты, а формального и живописного содержания для постройки чисто живописного организма» [5].

Материал, напечатанный в «Альманах Уновис № 1», является кратким изложением расшифрованной стенограммы занятия «опытного рисования», которая хранится в Отделе рукописей Государственного Русского музея. Занятие проведено Л. Зуперманом, запись стенограммы сделана В. Ермолаевой. «Зуперман (показывает живописную работу). Для меня скрипка как предмет не существовала, я построил определенную прямую плоскость, показал глубину: вся конструкция должна сводиться к энергии живописных масс, живописи в чистом виде без предметов» [5]. В тексте обращено внимание на анализ формы скрипки. Зуперман говорит, что: «кубизм не вымысел и не пустое занятие, а что мы действительно что-то делаем и чему-то учимся. Кто-нибудь из нас нарисует и даст объяснение, почему он делает так, а не иначе» [1, с. 184].

В соответствующем разделе учебной программы Витебских мастерских обозначены основные этапы изучения живописной системы кубизма:

- «1) Сезанн и его живописное мировоззрение, реализованное в живописных образах.
- 2) Теория кубизма и система построения форм, фактура живописи и материал.
- 3) Пространство и форма кубистической разверстки элементов.
- 4) Построение натуры, сдвиг конструкции и образование новой кубистической [формы].
- 5) Построение элементов в чисто живописную форму.
- 6) Кубизм и природа. Статика и движение» [1, с. 159].

Среди документов Государственного архива Витебской области сохранились немногие анкетные листы учащихся Витебских государственных художественных мастерских, из которых нельзя составить полноценного представления о составе мастерской кубизма В.М. Ермолаевой. В ряде случаев указано, что студент обучается в кубистической мастерской, в ряде случаев названо только имя руководителя, В.М. Ермолаевой. По 66 имеющимся анкетам можно судить, что в ней числились следующие 12 учащихся: Гимпельсон А.Я., Гируцкая А.М., Зевин Л.С., Зейлерт В.К., Калдобская Б.Г., Козлов М.М., Левина С.М., Лерман М.М., Магарил Е.М., Ривинсон С.С., Рояк Е.М., Санников Д.Н. Студент Морачев Д.А. причислил себя к мастерской, изучающей систему «Сезанна».

Судить об учебных заданиях мастерской кубизма можно по некоторой части работ учащихся, которые были представлены на выставке, приуроченной к Пер-

вой всероссийской конференции учащихся и учащихся государственных художественных и художественно-промышленных мастерских отдела ИЗО Наркомпроса, состоявшейся в июне 1920 г. в Москве. Витебская школа продемонстрировала на выставке несомненные успехи педагогической системы Малевича. Следует одновременно отметить, что это были работы, которые могут быть отнесены именно к первому, кубистическому этапу школьной подготовки. Некоторые из них воспринимаются как творчески вполне зрелые произведения, выполненные в технике масляной живописи. И все-таки не стоит забывать, что они были результатом школьных заданий мастерской кубизма и в известном смысле являются учебными работами. Таковы две композиции на музыкальную тему работы Л.Л. Зупермана, наиболее известная из которых находится в собрании Азербайджанского Государственного музея изобразительного искусства в Баку (рис. 1), «Кубистическая композиция» Г.И. Носкова (рис. 2), «Кубизм» И.Т. Гавриса из Краснодарского краевого художественного музея (рис. 3), которая на сегодняшнее время остается его единственной достоверной авангардной композицией, Ростовская композиция Л.А. Юдина (рис. 4). Все произведения можно датировать 1920-м годом.

Рис. 1. Зуперман Л.Л. Композиция на музыкальную тему. 1920 г. Азербайджанский национальный музей искусств имени Р. Мустафаева [4, с. 287]

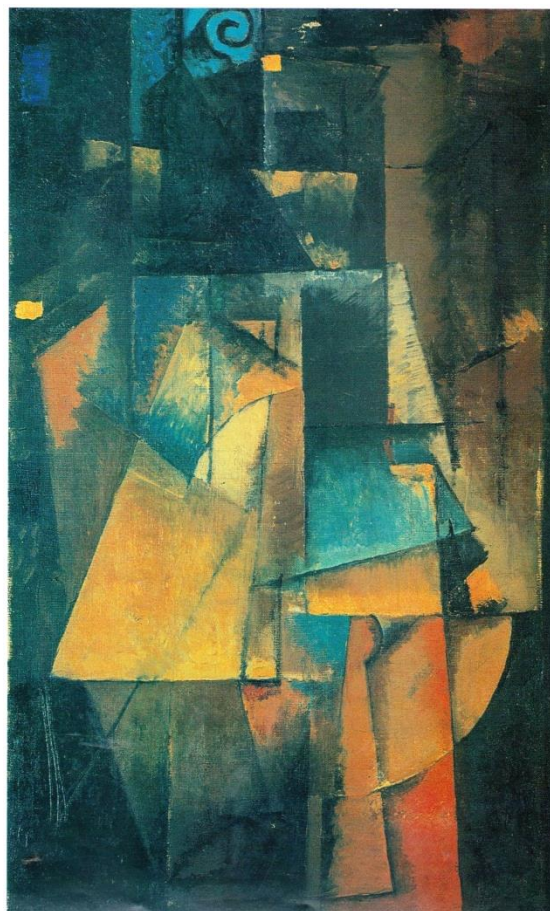

Рис. 2. Носков Г.И. Кубистическая композиция. 1920 г. Ярославский художественный музей [4, с. 276]

Особо примечательна в этом ряду картина «Кубизм» работы Л.А. Циперсона из Саратовского художественного музея им. А.Н. Радищев. Она не единственная из относящихся к учебным заданиям кубистической мастерской, выполненных

художником, примечательно, однако, то, что полотно имеет точную датировку «29 мая 1920 г.» (рис. 5). Эта датировка дает основание утверждать, что работы кубистической мастерской отбирались к выставке, приуроченной к Всероссийской конференции, и специально выполнялись в масляной технике. Произведения мастерской были отобраны в числе наиболее удачных школьных заданий для собрания Московского музея живописной культуры, а вслед за этим, после распределения его коллекций, были разосланы по региональным музеям, что объясняет столь обширную географию образцов Витебской школы.

Рис. 3. Гаврис И.Т. Кубизм. 1920 г.
Краснодарский краевой художественный музей
имени Ф.А. Коваленко [4, с. 273]

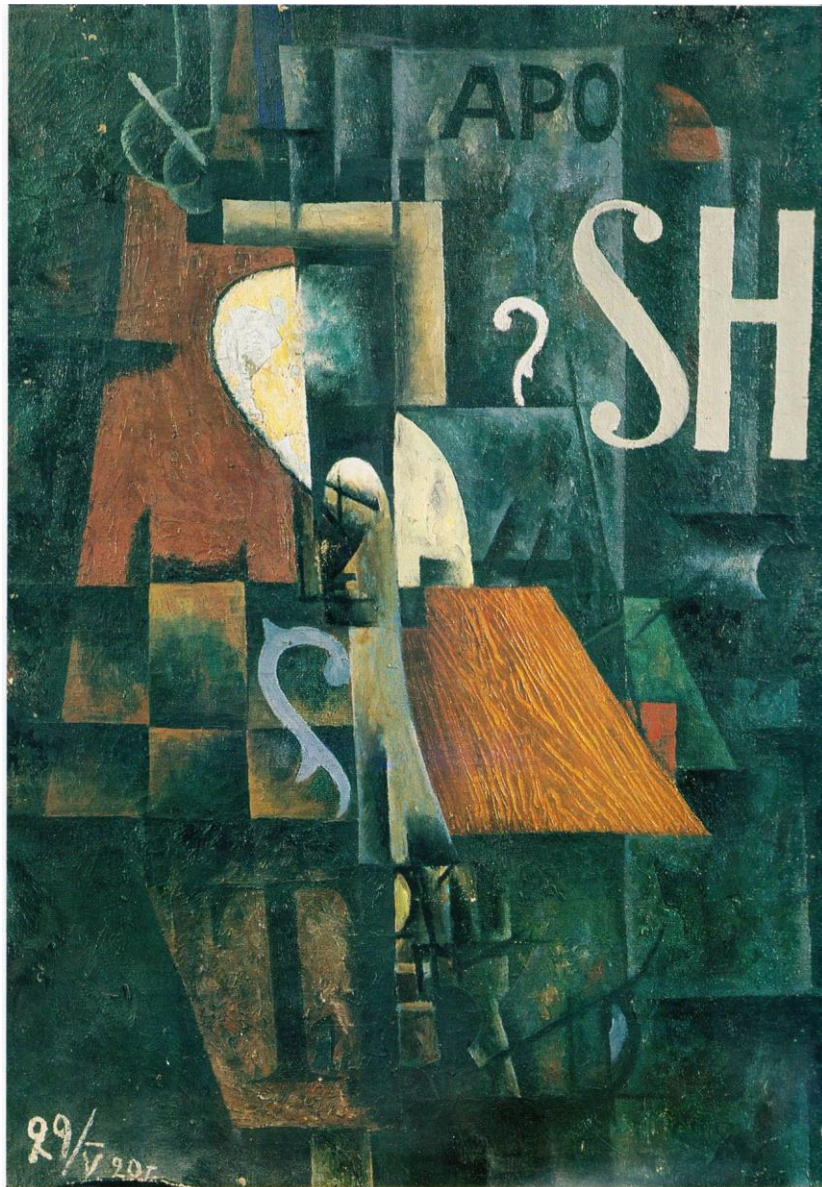

Рис. 4. Юдин Л.А. Скрипка. Композиция. 1920 г.
Ростов-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник [4, с. 274]

Известны также кубистические композиции Д. Санникова, Е. Рояка, Э. Гурович, А. и М. Векслеров и др. учеников мастерской В.М. Ермолаевой.

На «Выставке картин петроградских художников всех направлений», в экспозиции которой в мае 1923 г. были представлены в последний раз произведения витебского УНОВИСа как единой художественной группировки, в разделе «Система кубизма» были выставлены без указания индивидуального авторства следующие произведения: «Курильщик», «Рабочий», «Часы», «Газетчик», «Голова», несколько «Натюрмортов», два «Кубистических построения» и две «Скрипки». Раздел «Система супрематизма» представлял работы, которые стилистически бы-

ли скорее пограничными между кубизмом и супрематизмом («Кубо-супрематические построения») [6, с. 31–32].

*Рис. 5. Циперсон Л.А. Кубизм. 29 мая 1920 г.
Саратовский государственный художественный
музей имени А.Н. Радищева [4, с. 285]*

Успехи учеников витебской мастерской кубизма очевидны, они были оценены во всероссийском масштабе. В свою очередь, переход от кубистической к супрематической ступени оказался для подавляющего большинства учеников непреодолимым препятствием. Даже те, кто были особо отмечены в освоении кубизма, оказались не достаточно для этого подготовлены. Показательны в этой связи рассуждения Л.А. Юдина. На страницах его витебского дневника сохранились записи, которые относятся к январю 1922 г.: «Супрематизм пока оставлен. Я возвратился к кубизму. <...> Зато теперь придется очень остро и внимательно от-

носится к натуре. Ставить натюрморт так, что[бы] в постановке сделать полработы. <...> В супрематизме ответственность ощущалась большая, а силы были малы» [2, с. 168].

Мастерская кубизма под руководством В.М. Ермолаевой в Витебской школе просуществовала на протяжении 1920 – первой половины 1922 гг. Первый принципиальный шаг к беспредметности был успешно сделан ее учениками. Летом 1922 г. К.С. Малевич, а вслед за ним его последователи из числа педагогов и учеников вынуждены были покинуть Витебск. Реализовать программу Малевича на уровне школы за 2,5 года в полной мере не удалось, как не удалось выстроить научный институт. В одной из витебских учебных программ фигурирует название «Художественный Архитектурный Технический институт» [2, с. 161], однако подлинной его реализацией стал Петроградский ГИНХУК (Государственный институт художественной культуры), руководителем которого Малевич стал в 1923 г. Сотрудниками института стали некоторые его наиболее последовательные соратники по Витебску.

Заключение. В Витебских государственных художественных мастерских удалось реализовать на практике освоение учащимися первой ступени педагогической системы Казимира Малевича благодаря не только его собственным усилиям, но и деятельности его единомышленников из числа педагогов школы – Л.М. Лисицкого, В.М. Ермолаевой, Н.О. Коган. Витебский опыт способствовал дальнейшей теоретической и практической разработке системы преподавания Малевича. Без него было бы невозможным создание научного института, осмысление тех проблем, которым посвящены многочисленные теоретические и педагогические тексты основоположника супрематизма.

Список литературы

1. Альманах Уновис № 1: Факсимильное издание / Подготовка текста, публикация, вступительная статья Т. Горячевой. – М.: СканРус, 2003. – 241 с.
2. Демосфенова Г.Л. К истории педагогической деятельности К.С. Малевича // *Техническая эстетика: Труды ВНИИТЭ*. Вып. 59: Страницы истории отечественного дизайна: Исследования и публикации / [Редкол.: Е.В. Сидорина (отв. ред.) и др.; Предисл. Е.В. Сидориной]. – М.: ВНИИТЭ, 1989. – С. 143–170.
3. *Малевич К.С. Собрание сочинений: в 5 т. Том 1. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929* / Общ. ред., вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. – А.С. Шатских; Разд. «Статьи в газете «Анархия» (1918)» – А.Д. Сарабьянов. – Москва: Гилея, 1995. – 393 с.
4. *Неизвестный русский авангард в музеях и частных собраниях* / Автор-сост. А.Д. Сарабьянов; [тексты Н.А. Гурьяновой и А.Д. Сарабьянова]. – М.: Советский художник, 1992. – 352 с.

Список источников

5. Отдел рукописей Государственного Русского музея. Ф. 55. Ед. хр. 1.
6. Каталог выставки картин петроградских художников всех направлений. 1918–1923 / Академия Художеств. – Петроград: Сорабис, 1923. – 42 с.

Старостенко Ю.Д.
ystarostenko@yandex.ru

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры
и градостроительства (Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»),
г. Москва, Россия

УДК: 711.01/.09«193»
ББК: 85.113(2)

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1008

ИДЕИ «ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА» И «ЖИЛОГО КОМБИНАТА» В СОВЕТСКОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ второй половины 1920-х гг. – начала 1930-х гг.

Исследование выполнено за счёт средств Государственной программы Российской Федерации в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН.

Аннотация. В статье предлагается гипотеза появления идей «жилого комплекса» и «жилого комбината», рассматривается взаимосвязь этих идей, прослеживается их влияние на советское градостроительство рубежа 1920–1930-х гг., и в частности – на выработку принципов проектирования жилых кварталов советских городов.

Ключевые слова: жилой комплекс; жилой комбинат; жилой квартал; дискуссия о социалистическом расселении; советское градостроительство.

Введение. Понятие «жилой комбинат» неразрывно связано в отечественной историографии с архитектурно-градостроительными поисками первой пятилетки и дискуссией о социалистическом расселении рубежа 1920-х – 1930-х гг. Именно тогда этот термин появился в арсенале советских архитекторов и впоследствии еще некоторое время применялся, несмотря на критику идеи обобществления быта, с развитием которой было связано его возникновение. Примерно тогда же в профессиональной печати начинает встречаться еще один термин – «жилой комплекс», который активно используется и поныне. Его широкое употребление в настоящее время как при описании современной практики жилищного строительства, так и в текстах по истории архитектуры, представляет собой определенную сложность. Очень часто «жилыми комплексами» в исследованиях по истории советской архитектуры называют то, что в 1920-е – 1930-е гг. называли иначе. Более того, привычность термина стала причиной того, что понятийный аппарат в сфере жилой застройки этого периода практически никогда не становился объектом специального исследования. Одним из немногих исключений может служить анализ понятия «жилой массив», предпринятый А.В. Васильевой [1]. Между тем, без понимания тех метаморфоз, которые претерпели представления о жилой застройке советских городов (в том числе и на уровне их наименования), крайне сложно понять, как именно в начале 1930-х гг. квартал с объектами культурно-бытового и социального обслуживания стал базовой единицей этой застройки.

Настоящая статья не претендует на исчерпывающее решение означенной проблемы. К сожалению, до настоящего времени дошло лишь ограниченное число оригинальных текстов, что существенно сужает возможности проведения анализа. Определенную сложность составляют и различия в понимании одних и тех же понятий различными авторами, которые прослеживаются в сохранившихся текстах.

Тем не менее, выявленные материалы позволяют обозначить проблему и предложить рабочую гипотезу, которая по мере введения в научных оборот новых данных может быть скорректирована или пересмотрена.

Идея «коммунального квартала» в дипломных проектах студентов ВХУТЕМАСа в 1926 г. В 1926 г. одна из тем для дипломного проектирования студентов ВХУТЕМАСа звучала, как «Планировка жилого коммунального городского квартала». Именно такая формулировка зафиксирована в книге, изданной ВХУТЕМАСом [8, с. 36–37], и в статье В.А. Лаврова, приуроченной к выходу этой книги [12]. В некоторых современных изданиях, например, в каталогах Музея архитектуры [2, с. 112–113], дошедшие до настоящего времени дипломные работы студентов И.В. Ламцова и М.А. Туркуса, обозначены, как проекты «жилого комплекса в Москве». Между тем, в 1926 г. понятие «жилой комплекс» еще не встречалось на страницах периодических изданий, а предложенные в студенческих проектах решения не имели аналогов в архитектурной практике тех лет. Именно поэтому они заслуживают особого внимания.

Задание на проектирование, на которое опирались дипломники, судя по всему, не сохранилось. Однако анализ графических листов позволяет сделать вывод, что, как это часто было в 1920-е гг. [6], студенческие проекты жилого коммунального квартала разрабатывались для конкретного участка на Хамовнической набережной в Москве [2, с. 112]. Более того, тот факт, что учебное проектирование велось или параллельно с проведением второго конкурса Моссовета на проект дома-коммуны, или сразу после его завершения [10; 11], позволяет предположить, что именно этот конкурс мог стать отправной точкой для идеи, положенной в основу рассматриваемых дипломных работ. В случае студенческого проектирования задача создания дома-коммуны расширялась до идеи коммунального квартала, включающего разные типы жилых зданий, здания общественного назначения и спортивную площадку.

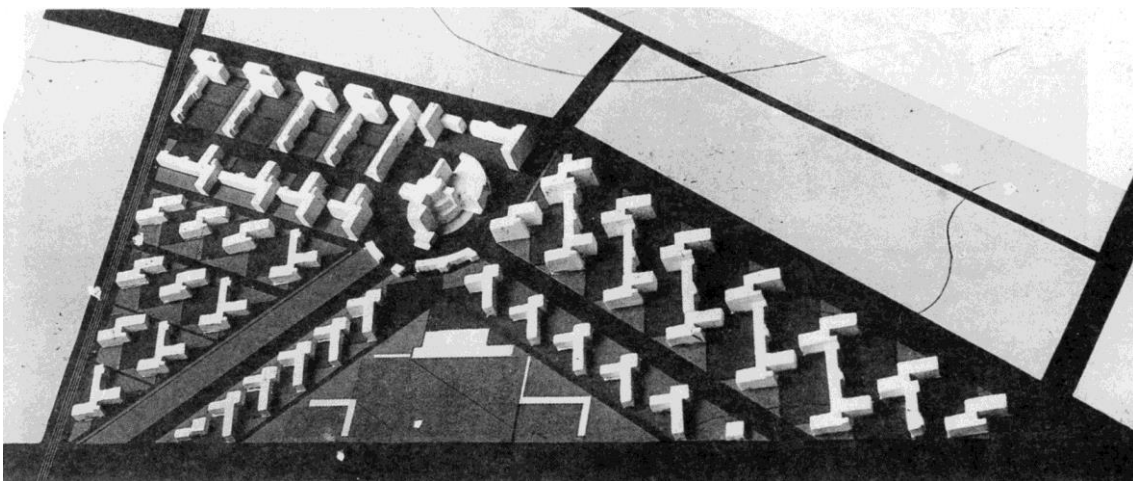

Рис. 1. Дипломная работа «Планировка жилого коммунального городского квартала» студента ВХУТЕМАС И.В. Ламцова. 1926 г. [7, с. 86]

В проекте И.В. Ламцова (рис. 1) разные типы жилых корпусов были расположены между внутренними проездами квартала, причем их этажность повыша-

лась по мере удаления корпусов от набережной, на которую выходила спортивная площадка (или зеленая зона). Центром коммунального квартала мыслилось значительное по объему здание клуба-столовой со сложной пространственной структурой [7, с. 86; 2, с. 112–113]. Проект М.А. Туркуса (рис. 2) предполагал иное решение. Центром квартала была спортивная площадка со вспомогательными сооружениями, расположенная на том же месте, что и в проекте И.В. Ламцова. Вокруг нее компоновалось пять групп зданий. Каждая из этих групп включала небольшие п-образные общественные здания, с которыми переходами соединялись жилые корпуса разных объемов и конфигурации (одно- и двухподъездные дома в два или три этажа и протяженные корпуса в четыре этажа) [7, с. 87]. Каждая такая группа зданий, судя по всему, представляла собой большой дом-коммуну. Во всяком случае, крытые переходы между корпусами, характерные ранее только для больничного строительства, использовались некоторыми авторами на втором конкурсе Моссовета на проект дома-коммуны и могли быть воспроизведены в студенческом проектировании. Как именно М.А. Туркус и И.В. Ламцов именовали предложенные ими решения, неизвестно.

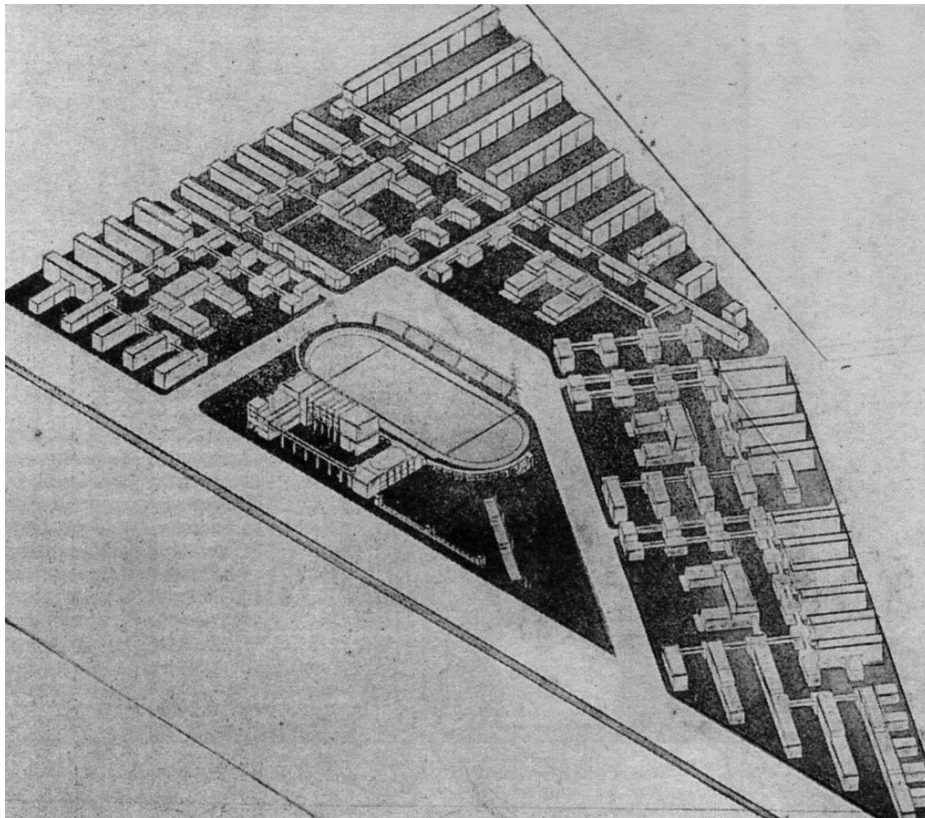

Рис. 2. Дипломная работа «Планировка жилого коммунального городского квартала» студента ВХУТЕМАС М.А. Туркус. 1926 г. [7, с. 87]

От проекта «жилого комплекса» И.Н. Соболева на Первой выставке современной архитектуры (1927) к «жилым комбинатам» в конкурсных проектах новых социалистических городов (1928–1929). Развитие идеи из проекта М.А. Туркуса можно увидеть в проекте И.Н. Соболева, разработанном в рамках

товарищеского соревнования Общества современных архитекторов (ОСА) на проект жилья нового типа для трудящихся и представленном на Первой выставке современной архитектуры в 1927 г. В отличие от других проектов, созданных членами ОСА, которые были ориентированы на поиски новых планировок и объемно-пространственных решений отдельных жилых корпусов, И.Н. Соболев не ограничился этой задачей. Разработав проект протяженного жилого корпуса с многоуровневыми жилыми ячейками, он пошел дальше и предложил «дом-коммуна нашей переходной эпохи, где еще нет абсолютной коллективизации в быту, но уже налицо все данные для быстрого перехода на таковую» [16, с. 142]. Фактически это был проект «организации целого жилого квартала со спортивными площадками, зелеными насаждениями, необходимыми для потребностей большого жилого комплекса». Жилые корпуса, ориентированные с севера на юг, размещались торцами к проездым магистралям для снижения уровня шума. Они были связаны между собой переходами, которые также соединяли их «с общественной столовой, клубом, библиотекой, магазином, детскими яслями и др.» [16, с. 142]. Общественная часть этого комплекса была устроена между жилыми корпусами и выходила на запроектированные в центре квартала стадион, сад и спортивные площадки (рис. 3).

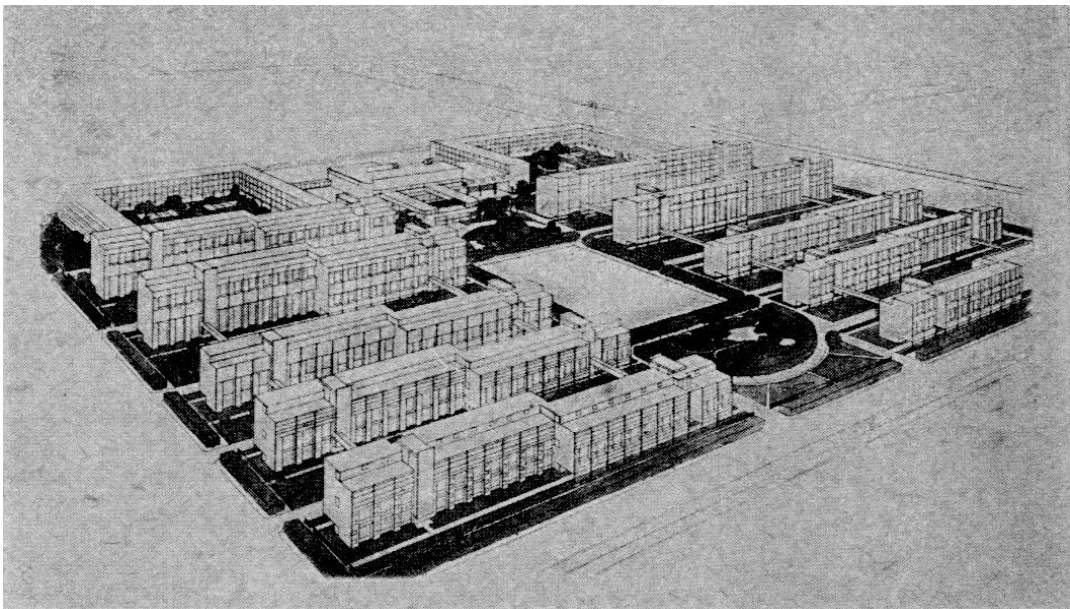

Рис. 3. Проект жилого комплекса, разработанный И.И. Соболевым в рамках товарищеского соревнования ОСА на проект жилья нового типа для трудящихся. 1927 г. [16, с. 143]

Таким образом, этот проект представлял собой прямой прототип тех «типовых жилищных коммун» или «домов-коммун», которые в скором будущем станут основной планировочной единицей жилой застройки новых социалистических городов в конкурсных проектах планировки Магнитогорска, Автостроя, Кузнецка и т.д. Именно так новые жилые единицы были обозначены, например, в конкурсных программах для Магнитогорска [20, с. 196] и Автостроя [13, с. 567]. Однако некоторые участники конкурса называли эти дома-коммуны, включавшие жилые кор-

пуса, здания культурно-бытового и социального обслуживания, соединенные между собой теплыми переходами, – «жилыми комбинатами». Под этим названием этот новый тип жилья стал неотъемлемой частью дискуссии о социалистическом расселении рубежа 1920-х – 1930-х гг. и многочисленных концепций сторонников «урбанизма».

Осмысление идей «жилого комплекса» и «жилого комбината» на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Одна из первых известных попыток описания идеи «жилого комплекса» была предпринята на Первой конференции ОСА в Москве в 1928 г. в докладе представителя казанской группы ОСА – архитектора Еловкина¹. Рассказывая о работе казанских конструктивистов, Еловкин сообщал, что ими разработаны схемы города и жилого комплекса. Последний рассматривался как низовая единица жилого района и мог быть по характеру пространственной организации двух типов: для коллектива небольшой величины в виде одного здания, «удовлетворяющего всем элементам бытового процесса», и для коллектива большой величины в виде совокупности зданий, «отвечающих отдельным элементам бытового процесса». Во втором случае жилые здания могли быть двух типов: 1) для одиночек и малосемейных и 2) для многосемейных [17, с. 119–120].

Опубликованный в журнале «Современная архитектура» текст с изложением доклада Еловкина был, несомненно, доступен многим, как и проект И.Н. Соболева. Именно поэтому однозначно определить, как именно и чьими усилиями «жилые комплексы» в 1929 г. стали именоваться «жилыми комбинатами», крайне сложно. Более того, часто, описывая весьма схожие проекты, одни авторы использовали понятие «жилой комплекс», другие – «жилой комбинат». Это обстоятельство дает основание предположить, что отличия в наименовании не были связаны с типологическими различиями между «комплексами» и «комбинатами», а отражали, скорее, предпочтения конкретных специалистов по части использования терминологии. В этом отношении показательно, что Л.М. Сабсович, активно применявший понятие «жилой комбинат», указывал при описании «основного типа жилого дома» для соцгородов, что это «должен быть большой благоустроенный дом-коммуна, или жилой комбинат (из домов меньших размеров) на 2–3 тыс. взрослых трудящихся» [19, с. 46], что в целом соотносилось с идеями из доклада Еловкина, говорившего о «жилом комплексе». Если обратиться к проектам, которыми Л.М. Сабсович иллюстрировал эти слова, например, к проекту жилого комбината для Сталинградстроя А.А. и Л.А. Весниных, то вполне закономерная близость проекта братьев Весниных – лидеров ОСА – предложениям Н.И. Соболева и Еловкина будет более чем очевидна.

Однако в отличие от проекта И.Н. Соболева, который предлагал организацию жилого квартала путем создания комплекса связанных между собой зданий, «жилые комбинаты» в конкурсных проектах соцгородов уже не были связаны с традиционными представлениями о городском квартале. В программе проектирования рабочего поселка при Автозаводе в Нижнем Новгороде отмечалось, что «кварталы не будут представлять замкнутую единицу капиталистического типа» [13, с. 566]. Реализация этого требования и стремление найти новые принципы планировки соцгородов привели к тому, что жилые комбинаты в конкурсных проектах урбанистов начали рассматриваться как первичный элемент жилой застройки, т.е. фактически заменяли собой кварталы. Проблема заключалась в том, что этот подход, продиктованный конкурсными заданиями, никак не соотносился с

¹ Инициалы Еловкина установить не удалось.

действовавшим на тот момент законодательством, в котором квартал, как и прежде, выступал в качестве одного из ключевых элементов планировки города.

Застройка жилых кварталов в городах регулировалась временной инструкцией НКВД «О планировке и застройке участков, отводимых в пределах городской черты для жилищного строительства» от 23 июня 1925 г., которая содержала указания на возможность осуществления и открытой, и сплошной застройки, на необходимость минимальных разрывов для каменных надворных строений в 5 м и соблюдения плотности застройки при сооружении трех- и четырехэтажных коммунальных домов – от 10 до 30 % [9, с. 76–77]. Несмотря на бурное обсуждение судьбы старых городов и путей создания новых соцгородов в 1928–1929 гг., «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений», утвержденные пленумом Строительной комиссии при ЭКОСО РСФСР 12 января 1930 г., также базировались на идее квартала, как базовой планировочной единицы, хотя принципы его нормирования претерпели существенные изменения. В документе указывалось, что длина стороны квартала не должна превышать 400 м, плотность застройки – 35–40 %, средняя плотность населения предписывалась в 200–300 чел./га. «Установка на проведение в жизнь новых принципов социалистического расселения и на создание условий для коллективного обслуживания населения», которой придерживались авторы документа, отразилась в требовании, согласно которому «жилые кварталы, предназначенные для застройки по коллективному типу, необходимо планировать с учетом удовлетворения основных бытовых условий, как то: общественное питание, детские ясли и сады, детские площадки, площадки для легкого спорта, а также прачечные, души, сараи для хранения автомобилей, мотоциклов, велосипедов, лыж и т.п., станции радио и связи, клубы и читальни, центральные станции отопления, вентиляции, освещения, снабжения горячей водой, газом и т.п.» [18, с. 9].

Несмотря на то, что буквально несколько месяцев спустя, в мае 1930 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» наиболее радикальные положения обобществления быта, которые лежали в основе проектов многих жилых комбинатов, были осуждены, тем же постановлением фактически подтверждалась установка на обеспечение жилой застройки предприятиями культурно-бытового и социального обслуживания. В июне 1931 г. задача обдуманного размещения такого рода предприятий в жилой застройке была акцентирована в постановлении июньского Пленума ЦК ВКП(б) 1931 г. «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР». Еще через год постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1932 г. «Об устройстве населенных мест РСФСР» закрепило требование, согласно которому каждый строительный квартал должен был включать «в свою систему первичные элементы сетей обслуживания населения: столовые, ясли, детские сады, прачечные, физкультурные площадки и т.п.» [15, с. 858]. Эти постановления привели к поискам путей соединения идей «жилого комплекса» и «жилого комбината» с задачей проектирования квартала.

Идеи «жилого комплекса» и «жилого комбината» после сворачивания дискуссии о социалистическом расселении. Одним из самых ярких примеров синтеза идей жилого комбината с требованиями к проектированию жилого квартала была концепция В. Швагеншайдта, приехавшего в СССР в составе группы Э. Мая. По идее немецкого специалиста группа жилых домов с детским садом, яслями и столовой составляли жилой комплекс, четыре таких комплекса формировали квартал, ряд которых складывался в жилой район [3, с. 1146–1148]. И хотя

впоследствии деятельность группы Э. Мая в СССР подверглась разгромной критике, Е.В. Конышева отмечает, что идеи В. Швагеншайдта в дальнейшем активно использовались в работе советского Гипрогора и других проектных организаций [3, с. 1148].

Другим примером такого рода может служить исследование, выполненное в 1931 г. по заданию Планировочно-земельного отдела Мосгорисполкома молодыми архитекторами П.И. Гольденбергом и В.И. Долгановым под руководством В.Н. Семенова. Эти авторы фактически ставили знак равенства между жилым комбинатом и кварталом, поскольку в их трактовке жилой комбинат рассматривался, как совокупность обособленных жилых корпусов и общественных зданий, расположенный в границах одного «квартала-комбината» [5, с. 41–42]. По точному определению М.Г. Мееровича, «жилкомбинат планировочно “рассыпался” на отдельные здания, пространственно и функционально объединяемые лишь границами квартала» [4, с. 334].

На протяжении 1930-х гг. понятия «жилой комбинат» и «жилой комплекс», изредка используемые при описании проектов жилой застройки советских городов, по сути, выступали, как синонимы понятия «жилой квартал». Более того, такое представление о жилом квартале как о жилом комплексе в апреле 1933 г. даже было закреплено в инструкции Наркомата коммунального хозяйства РСФСР «О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г.» [14, с. 338].

Заключение. Суммируя все выше изложенное, можно заключить, что в середине 1920-х гг. при поисках нового типа жилого дома в рамках студенческого и экспериментального проектирования возникла идея создания комплексной застройки жилого квартала с введением в жилую застройку объектов культурно-бытового и социального обслуживания, которые были призваны обеспечить реализацию концепции обобществления быта. Этот вариант застройки квартала комплексом зданий получил наименование «жилой комплекс».

Синонимом этого названия во время дискуссии о социалистическом расселении 1920-х – 1930-х гг. стало определение «жилой комбинат». Однако утвердившееся в рамках конкурсного проектирования новых социалистических городов представление о жилом комбинате, как планировочной единице, заменяющей жилой квартал, не соотносилось с действующим законодательством. Результатом шедших дискуссий стало формирование установок на проектирование жилых кварталов советского города с обязательным включением в их застройку объектов культурно-бытового и социального обслуживания.

И хотя поиски архитектурно-пространственной организации жилого квартала в соответствии с этими требованиями и с учетом новых эстетических идеалов советской архитектуры растянулись на все 1930-е гг., а понятия «жилой комплекс» и «жилой комбинат» практически вышли из употребления, именно благодаря развитию идей жилого комплекса и жилого комбината в начале 1930-х гг. сложились ключевые принципы проектирования жилых кварталов советских городов, существовавшие многие десятилетия.

Список литературы

1. Васильева А.В. Жилой массив как самостоятельный вид жилой застройки первой трети XX века // *Культурное наследие России*. – 2018. – № 2. – С. 59–65.

2. ВХУТЕМАС. Мысль материальна: каталог коллекции студенческих работ ВХУТЕМАС из собрания Государственного музея архитектуры им. А.В. Щусева / составитель и научный редактор И.В. Чепкунова. – М.: Государственный музей архитектуры им. А. В. Щусева, 2011. – 192 с.

3. *Коньшьева Е.В.* Европейские архитекторы в советском градостроительном проектировании первых пятилеток // *Советское градостроительство, 1917–1941: в 2-х книгах. Книга 2* / автор концепции издания и ответственный редактор Ю. Л. Косенкова. – М.: Прогресс-традиция, 2018. – С. 1107–1157.

4. *Меерович М.Г.* От городов-садов к соцгородам: основные архитектурно-градостроительные концепции в СССР (1917 – первая половина 1930-х гг.): дисс. ... докт. архитектуры. Т. 1. – М., 2015. – 488 с.

5. *Старостенко Ю.Д.* Архитектор П.И. Гольденберг и его вклад в формирование принципов архитектурно-пространственной организации жилого квартала в СССР в 1930-е годы // *Academia. Архитектура и строительство*. – 2020. – № 3. – С. 39–47.

6. *Старостенко Ю.Д.* Вклад студентов ВХУТЕМАСа в реконструкцию Москвы // *Архитектура. Строительство. Дизайн*. – 2011. – № 4 (65). – С. 32–36.

7. *Хан-Магомедов С.О.* Высшие государственные художественно-технические мастерские ВХУТЕМАС: в 2-х кн. Кн. 2 / С.О. Хан-Магомедов. – М.: Ладыя, 2000. – 488 с.

Список источников

8. Архитектура. Работы Архитектурного факультета ВХУТЕМАСа, 1920–1927 / предисловие: П. Новицкий; вступительный текст: Н. Докучаев. – М.: ВХУТЕМАС, 1927. – 45 с.

9. *Васильев Н.И.* Строительное законодательство: систематизированный сборник действующих декретов, постановлений, инструкций, циркуляров и пр. / вступительная статья В. Вельмана. – Л.; М.: Государственное издательство, 1928. – 644 с.

10. *Вендеров Б.* Второй конкурс Московского Совета Р.К. и К.Д. на проект Дома-Коммуны // *Строительство Москвы*. – 1926. – № 6. – С. 1–7.

11. Второй конкурс Московского совета РК и КД на проект дома-коммуны / Моск. совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – М.: Б.и., 1925. – 12 с.

12. *Лавров В.* Архитектура Вхутемаса (Работа Архитектурного факультета Вхутемаса 1920–1927 гг.) // *Строительство Москвы*. – 1927. – № 11. – С. 15–17.

13. *Никаноров И.* Автострой // *Строительная промышленность*. – 1930. – № 6-7. – С. 566–573.

14. О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г. Инструкция НККХ РСФСР № 135 от 29 апреля 1933 г. // *Наше строительство*. – 1933. – № 13-14. – С. 338–347.

15. Об устройстве населенных мест РСФСР. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1932 г. // *Наше строительство*. – 1932. – № 17-18. – С. 857–859.

16. Пастернак А.Л. Товарищеское соревнование ОСА – проект нового жилья трудящихся // *Современная архитектура*. – 1927. – № 4-5. – С. 140–143.

17. Первая конференция общества современных архитекторов в Москва // *Современная архитектура*. – 1928. – № 4. – С. 116–123.

18. Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений. Постановление Пленума Строительной комиссии при ЭКОСО РСФСР от 12 января 1930 г. // *Наше строительство*. – 1930. – № 1-2. – С. 7–37.

19. *Сабсович Л.М.* Социалистические города / Л.М. Сабсович. – М.: Московский рабочий, 1930. – 121, [3] с.

20. Социалистический город Магнитогорск / [К.] // *Строительная промышленность*. – 1930. – № 3. – С. 195–199.

Духанов С.С.
 ssd613@ngs.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры,
 дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
 г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036(571.1)
 ББК: 85.113

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1009

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1920-х – первой половины 1930-х гг.

Аннотация. Рассматривается научный потенциал памятного фотоальбома, составленного в 1935 г. выпускниками Сибирского строительного института (Новосибирск). Альбом содержит две основные группы фотографий, связанные с разными хронологическими периодами и географическими пунктами: середины 1920-х гг. (Томск) и первой половины 1930-х гг. (Новосибирск). Вторая группа наиболее многочисленна: здесь представлены коллажи с фотографиями преподавателей, студентов, учебных аудиторий, новосибирских зданий и проектов, а также памятников Ленинграда. Большой научный интерес имеют фотографии дипломников вместе с их руководителями и фотокопии проектов зданий Сибстрина 1930 г.

Ключевые слова: архитектурно-художественное образование; Западная Сибирь; Сибстрин.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проведения научного исследования по теме «ВХУТЕМАС в образах мировой культуры XX-XXI вв.: Наследие и современность» (проект № 19-012-00193 А).

Введение. Фонды учебных организаций в архивах и музеях и газетные публикации тех лет – как правило, это все, чем располагает сегодня исследователь, изучающий центры архитектурно-художественного образования Западной Сибири 1920–1930-х гг. Личные архивы преподавателей и студентов были тесно связаны со своими владельцами и, как правило, утрачивались вскоре после их смерти. Между тем, здесь хранились уникальные документы, редко откладывавшиеся в официальных фондах учебных учреждений. Представленный в них личный взгляд на переживаемые события важен для понимания исторической специфики архитектурно-художественного образования того времени. К числу таких документов личного характера относятся и памятные альбомы выпускников, один из которых, чудом дошедший до наших дней, рассматривается в настоящей статье.

Материалы и методы. Анализируется памятный фотоальбом инженеров-архитекторов Сибирского строительного института (Сибстрина) выпуска 1935 г., хранящийся в Музее истории архитектуры Сибири (МИАС) имени С.Н. Баландина [4]. Альбом «безмолвен»: он не содержит текста, который пояснил бы замысел и обстоятельства его создания. Метод исследования: сравнительный анализ материалов альбома с целью выявления его хронологической и тематической структуры, взаимосвязей между разными сериями фотографий, а также идентификации преподавателей и студентов.

Результаты. Альбом представляет собой переплетенную книгу формата А 4 и содержит 17 пронумерованных страниц с фотографиями. Судя по качеству исполнения, книга для альбома была изготовлена в специальной мастерской.

О назначении альбома свидетельствует его титульный лист, оформленный тиснением под золото. Там указано: «НКТП. Инженерно-строительный институт им. Куйбышева. Выпуск инженеров-архитекторов 1930–1935 [г]г. На память доценту Г.А. Парамонову. Н-Сибирск» [4, титул]. Архитектор Г.А. Парамонов присутствует на многих фотографиях альбома [4, с. 1–3, 5, 9, 11, с. 15, фото 1, с. 16, фото 6, с. 17, фото 4]. О том, что альбом был именованным, свидетельствует и дружеская подпись под одной из фотографий: «Всех выше Парамонов» [4, с. 11]. На последней странице сделана рукописная пометка о том, что в МИАС имени С.Н. Баландина альбом был передан вдовой архитектора Г.А. Парамонова – Галиной Григорьевной Парамоновой в марте 2018 г. [12, с. 18]. Таким образом, перед нами памятный альбом, выполненный студентами-выпускниками Сибстрина 1935 г. для своего руководителя – архитектора и доцента Сибстрина Г.А. Парамонова.

Сибстрин был переименован в Новосибирский инженерно-строительный институт (НИСИ) имени В.В. Куйбышева постановлением Президиума ЦИК СССР от 5 марта 1935 г. [1, с. 29], соответственно, титульный лист был оформлен после этой даты.

Увы, неизвестно, было ли вручение подобных памятных альбомов традицией Сибстрина или перед нами единичный случай, связанный с выпуском 1935 г. Также неясно, были ли подарены аналогичные альбомы другим руководителям дипломантов – Т.Я. Бардту, И.А. Бурлакову, А.Д. Крячкову и Н.С. Кузьмину. На такую возможность указывает фирменное оформление титульного листа (где именной указатель выделен в отдельный, легко сменяемый, блок) и наличие в альбоме целой серии памятных групповых фотографий дипломантов с их руководителями – названными выше пятью архитекторами [4, с. 9, 10, 12–14].

Казалось бы, судя по надписи на титуле, в альбоме должен быть представлен выпуск инженеров-архитекторов только 1935 г. Однако, внимательное изучение альбома показывает, что он содержит материалы, относящиеся, по меньшей мере, к двум разным выпускам, и не к одному, а к трем разным хронологическим слоям.

1) Фотографии середины 1920-х гг. Сразу же обращает на себя внимание небольшая группа из трех фотографий, сделанных в Томске, в помещениях предшественника Сибстрина – Томского технологического института (ТТИ), переименованного в 1925 г. в Сибирский технологический институт (СТИ).

Первая фотография датирована 25 марта 1925 г. и подписана: «Группа студентов-общежитцев ТТИ» (на ней 13 чел.) [4, с. 1]. В центре фотографии мы видим Г.А. Парамонова – он за журнальным столиком, с книгой руках. Вторая фотография имеет подпись: «Президиум инженерно-строительного факультета Сибирского технологического института. В день 25-летнего юбилея Института 22 октября 1925 г.». Подписаны все запечатленные на ней люди: член президиума Н.С. Макиров, декан факультета, профессор Г.В. Ульянинский и член президиума, студент Г.А. Парамонов [4, с. 5]. Третья, торжественная фотография преподавателей и студентов (всего на ней 30 чел.) в одном из парадных залов ТТИ–СТИ, имеет краткую подпись («Всех выше Парамонов») и не датирована [4, с. 11]. Увы, с каким событием она связана (25-летним юбилеем института, выпуском дипломников и т.д.), неизвестно. Соответственно, неизвестно, присутствуют ли на этой фотографии студенты одного или нескольких выпусков. Очевидно только, что эта фотография связана с двумя предыдущими. На ней присутствует ряд студентов-общежитцев с первой фотографии, включая Г.А. Парамонова, а также легко узна-

ются Г.В. Ульянинский и Н.С. Макеров, запечатленные на второй. Кроме них, среди преподавателей можно идентифицировать также В.И. Шумилова, Н.И. Молотилова и К.К. Лыгина. Смешение названий института в подписях к фотографиям в данном случае не должно нас смущать, поскольку, как хорошо известно, ТТИ был переименован в СТИ почти сразу после празднования своего 25-летнего юбилея.

С этими тремя фотографиями, видимо, тесно связан еще один примечательный документ, представленный в альбоме – вклеенный на обороте титульного листа листок с памятными автографами. Из 11 подписей нам удалось разобрать 5: Д. Беневоленского, В. Осетрова, И.В. Столярчука, В.Р. Хохлова (при его подписи стоит пометка, сделанная другим почерком – «веселый парень!!!») и Е. Шеломенцевой. Эти фамилии отсутствуют среди тщательно поименованных фотографий выпускников 1935 г., помещенных в альбоме. Соответственно, обнаруживается, что это не подписи составителей альбома, как можно было думать вначале. Специфический листок с автографами, напоминающий черно-белую светокопию, идентичен листкам с подписями, размещенными под тремя фотографиями середины 1920-х гг.

2) Фотография второй половины XX в., которую условно можно назвать «Встречей выпускников». Она не подписана и может быть датирована лишь приблизительно – по одежде запечатленных на ней людей пожилого возраста [4, с. 8].

Наличие этих документов, не связанных напрямую с 1935 г., конечно, сразу ставит ряд вопросов, на которые сейчас невозможно определенно ответить: когда, кто и с какими целями поместил их в альбом, как они связаны с основным содержанием? Пока что очевидна только одна нить, объединяющая две группы фотографий (середины 1920-х гг. и первой половины 1930-х гг.) – личность архитектора Г.А. Парамонова, владельца альбома, в 1925 г. – еще студента, а в 1935 г. – уже преподавателя.

3) Фотографии 1930–1935 гг. являются самой многочисленной группой в альбоме и составляют его основное содержание. Эти фотографии связаны с выпуском 1935 г. и по тематике могут быть разделены на две основные части (фотографии с людьми и фотографии с архитектурой), каждая из которых, в свою очередь, состоит из нескольких подтем. В отличие от фотографий 1925 г., которые подписаны тушью на отдельных листках бумаги, большинство фотографий 1930–1935 гг. подписаны карандашом – прямо на страницах альбома.

Люди запечатлены на коллажах, однотипных по композиции и составленных из отдельных фотопортретов преподавателей и дипломантов (*рис. 1*), а также на памятных групповых фотографиях дипломантов с их руководителями (*рис. 2*).

В альбоме представлены коллажи с фотопортретами руководителей института и архитектурно-строительного факультета [4, с. 2], преподавателей архитектурных [4, с. 3] и инженерных [4, с. 4] дисциплин, дипломантов по промышленной [4, с. 6] и гражданской [4, с. 7] архитектуре. Все портреты были подписаны при печати. Здесь впервые можно увидеть лица значимых для истории архитектуры и изобразительного искусства Сибири специалистов 1920–1930-х гг.: архитектора И.А. Бурлакова, художника И.А. Беляева, искусствоведа Р.В. Кутепова, скульптора С.Р. Надольского [4, с. 3] (*рис. 1*).

Тот факт, что альбом содержит фотокопии коллажей, а не их оригиналы, позволяет предполагать возможность изготовления других таких фотокопий, а, следовательно, и других копий рассматриваемого фотоальбома, которые могли быть вручены как выпускникам, так и другим руководителям.

Рис. 1. Сибстрин. Преподаватели архитектурных дисциплин. Коллаж 1934–1935 гг. Сверху вниз, слева направо. Первый ряд: ассистент П.К. Ваганов, преподаватель И.А. Беляев, доцент В.М. Мизеров, скульптор С.Р. Надольский. Второй ряд: доцент Г.А. Парамонов, профессор А.Д. Крячков, профессор Р.В. Кутепов. Третий ряд: доцент Н.С. Кузьмин, архитектор Т.Я. Бардт, архитектор И.А. Бурлаков, архитектор В.С. Масленников [4, с. 3]

Большую научную ценность имеют групповые фотографии дипломантов с их руководителями. Г.А. Парамонов и А.Д. Крячков запечатлены вместе со своими студентами во время консультаций – перед ними на столах лежат подрамники с чертежами [4, с. 9, 10]. Эти снимки, судя по обстановке, сделаны в чертежном зале. Фотографии И.А. Бурлакова, Н.С. Кузьмина и Т.Я. Бардта с их дипломантами имеют более традиционный, портретный, характер и сделаны в одном помещении, видимо, в одно время [4, с. 12–14] (рис. 2).

Увы, неизвестно, были ли дипломанты в 1935 г. у В.С. Масленникова, который на коллаже портретов преподавателей архитектурных дисциплин назван так же, как Т.Я. Бардт и И.А. Бурлаков – «архитектором». С.Н. Баландин указывает, что с октября 1934 г. В.С. Масленников «вел курсовое и дипломное проектирование» [1, с. 32].

Благодаря наличию в альбоме подписанных фотопортретов выпускников, нам удалось идентифицировать большинство дипломантов на фотографиях с руководителями и таким образом установить их распределение по руководителям (табл. 1). О роли руководителя дипломным проектированием в формировании профессиональных взглядов будущего архитектора свидетельствует пример архитектора А.В. Баранского, который во второй половине 1930-х – конце 1950-х гг. активно развивал идеи АСНОВА [3, с. 242–243], сторонником которых в 1920-х – начале 1930-х гг. был его учитель, архитектор И.А. Бурлаков [2, с. 28–29].

Рис. 2. Сибстрин. Архитектор И.А. Бурлаков со своими дипломантами. Фотография 1935 г. Слева направо. Верхний ряд: А.А. Колмаков, А.В. Баранский, В.Н. Успенский. Нижний ряд: М.Я. Комарова, И.А. Бурлаков, В.Л. Казаринов [4, с. 12]

Таблица 1

Распределение дипломантов по руководителям в Сибстрине в 1935 г.
Реконструкция: Духанов С.С. [4, с. 9, 12–14]

Дипломанты:	Руководители:
а) По промышленной архитектуре:	
Вершинин И.А. Куликов И.А. Шагаров М.Н.	Архитектор Бардт Т.Я.
Захарченко А.А. Плугин Н.С. Чернаков Н.К. Шаров П.М.	Доцент Парамонов Г.А.
б) По гражданской архитектуре:	
Баранский А.В. Казаринов В.Л. Колмаков А.А. Комарова М.Я. Успенский В.Н.	Архитектор Бурлаков И.А.
Гулин И.Н. Калико Е.Л. Калимуллин Б.Г. Лейфер Я.А.	Доцент Кузьмин Н.С.

Тематика фотографий с архитектурой: учебные аудитории Сибстрина, проекты и постройки Новосибирска, памятники Ленинграда и Петергофа. Для архитектурного цикла характерно то, что при размещении на отдельных листах фотографии разных тем были связаны между собой и с фотографиями людей.

В альбоме представлены три аудитории Сибстрина: рисовальный кабинет [4, с. 15, фото 1] (рис. 3), кабинет начертательной геометрии [4, с. 16, фото 6] и чертежный зал [4, с. 17, фото 4]. На них запечатлены студенты, преподаватели и учебный процесс. Это фотографии большого формата, каждая из них размещена на отдельном листе в окружении меньших по размеру фотографий с ленинградскими объектами. Примечательно, что среди последних представлены памятники барокко и неоклассицизма, но отсутствуют хорошо известные в то время образцы современной архитектуры – ленинградские здания периода авангарда. Очень удачно соединены в один коллаж фотография кабинета рисунка с его гипсовыми слепками с античных скульптур (учебными пособиями) и перекликающиеся с ней фотографии Большого каскада в Петергофе. Смысловая связь фотографий на этих коллажах представляется очевидной: в ходе обучения будущие инженеры-архитекторы вдохновляются памятниками классической архитектуры.

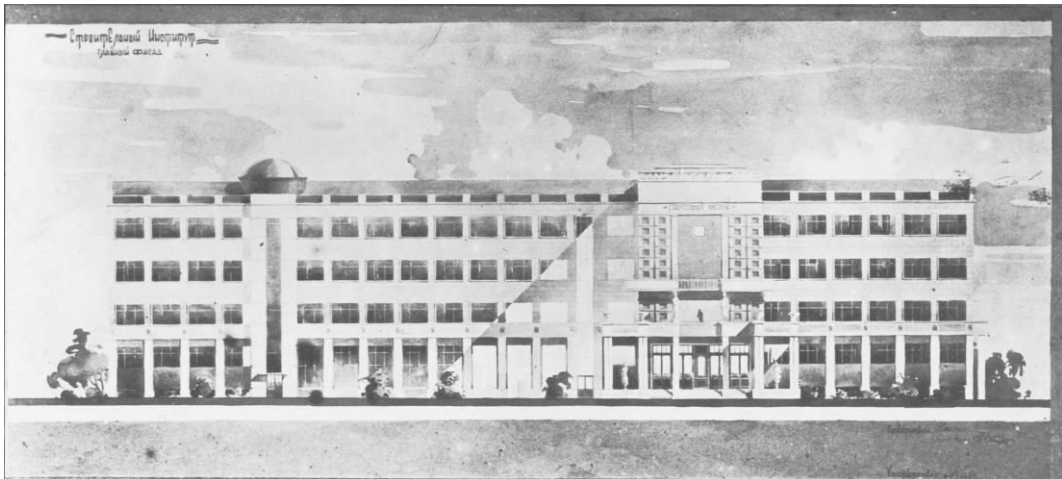

Рис. 3. Сибстрин. Преподаватели архитектурных дисциплин (А.Д. Крячков, Г.А. Парамонов, Р.В. Кутепов) и студенты в кабинете рисунка. Фотография 1930–1935 гг. [4, с. 15, фото 1]

Большинство фотографий новосибирских зданий (Сибревкома, Крайисполкома и др.) и проектов (Дома науки и культуры, железнодорожного вокзала), напротив, размещено на одних листах с преподавателями и, таким образом, прежде всего, связано с ними [4, с. 2–4].

Среди фотокопий проектов новосибирских зданий выделяются две сравнительно большие по размеру фотографии проекта Сибстрина 1930 г. (рис. 4), имеющие большую научную ценность. В альбоме представлены две проекции: общая перспектива комплекса и главный фасад учебного корпуса [4, с. 2, фото 3, 4]. В графе «проектировали» видны подписи двух инженеров-архитекторов, из них может быть идентифицирована первая – Н.С. Кузьмина. Здесь же стоит едва разли-

чимая дата, возможно, это 25 июля 1930 г. [4, с. 2, фото 3]. В графе «консультировал» на обеих проекциях стоит подпись А.Д. Крячкова.

*Рис. 4. Проект Сибстрина. Главный фасад. Авторы: Н.С. Кузьмин и др.
Консультант: арх. А.Д. Крячков. 1930–1932 гг. [4, с. 2, фото 4]*

Выводы. Фотоальбом, подаренный в 1935 г. на память доценту Сибстрина Г.А. Парамонову его дипломниками, является важным источником по истории архитектурно-художественного образования Западной Сибири 1920–1930-х гг.

Альбом имеет достаточно сложную структуру, что позволяет предположить наличие у него своей собственной истории, пусть и не до конца понятной сейчас. Материалы альбома охватывают не менее десяти лет (1925–1935 гг.) жизни Сибстрина и относятся к двум основным этапам его существования: ТТИ–СТИ в Томске (1925 г.) и собственно Сибстрина в Новосибирске (1930–1935 гг.).

Подписанные фотопортреты преподавателей и выпускников 1935 г., несомненно, помогут их идентификации на других фотографиях 1930-х гг. Не менее важны сведения о творческих взаимосвязях руководителей дипломным проектированием и дипломантов. Важным свидетельством той переломной эпохи является отраженный в альбоме специфический взгляд на историко-культурное наследие и современную архитектуру.

Список литературы

1. Баландин С.Н., Пустоветов Г.И. Из истории архитектурного образования в Сибири. – Новосибирск: ВО Наука. Сибирская изд. фирма, 1993. – 87 с.: ил.
2. Добкин И.В. Творчество инженера И.А. Бурлакова в Новосибирске // *Будущее памятников конструктивизма: Материалы научно-практической конференции* (г. Новосибирск, 17–18 ноября 2016 г.) / Отв. ред. А.Е. Гашенко, Т.Ю. Тайченачева. – Новосибирск: НГУАДИ, 2017. – С. 25–31.
3. Духанов С.С. Преподаватели-архитекторы Западной Сибири и идеи авангарда 1920-х – начала 1930-х годов // *Теория и история архитектуры. Выпуск 2: IV Хан-Магомедовские чтения: материалы научной конференции* / отв. ред. и сост. И.А. Бондаренко; Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». – Москва; Санкт-Петербург: Коло, 2020. – С. 230–248.

Список источников

4. Музей истории архитектуры Сибири (МИАС) им. С.Н. Баландина. Инв. № 2856. Э. 154. В. 4. Зал 1.

Кузеванов В.С.

kuzevanovvs@omsu.ru

Омский государственный университет (ОмГУ)
имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, РоссияУДК 930.2+908
ББК: 85.113

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1010

**МАТЕРИАЛЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО АРХИТЕКТОРА А.И. ГЕГЕЛЛО
ПЕРИОДА ЭВАКУАЦИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1941–1943 гг.)**

Аннотация. В статье рассматриваются материалы, собранные одним из основателей Ленинградского филиала Академии архитектуры СССР, ленинградским архитектором А.И. Гегелло, во время эвакуации в Новосибирске в годы Великой отечественной войны, и сохраненные в архиве Музея архитектуры им. А.В. Щусева в Москве. Автор изучает состав документов, их характер, дает краткую характеристику наиболее значимым и редким документам, которые отражают специфику эпохи, особенности ведения научной работы в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: источниковедение; Великая Отечественная война (1941–1945 гг.); эвакуация; история Академии архитектуры; А.И. Гегелло.

Введение. В личной беседе, в декабре 2010 г., Аркадий Федорович Крашенинников (1922–2016 гг.) – авторитетный историк архитектуры русского классицизма – предостерегал молодых начинающих исследователей о том, что не надо «гнаться за громкими именами. Как Растрелли... – это мало продуктивно, надо искать своих». Эти слова становятся понятными при изучении, как ни странно, советской архитектуры.

В 1920–1930-е гг. в архитектурных конкурсах на лучший проект общественных и административных зданий для крупных городов участвовали крупные специалисты – лидеры движений и школ, видные архитекторы. В провинции не хватало квалифицированных специалистов, поэтому московские и ленинградские архитекторы активно включались в проектирование значимых объектов в городах СССР. Первоначальный проект мог быть составлен именитым архитектором, но из-за неразвитого строительного производства первоначальный замысел достаточно часто искажался под влиянием местных условий (отсутствие строительных материалов, нехватка квалифицированной рабочей силы и т.д.).

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) на восток были эвакуированы архитектурные мастерские, которые работали вместе с местными проектировщиками над насущными проблемами. Кроме того, были эвакуированы и научные работники, которые помогали развивать фундаментальные дисциплины для улучшения качества застройки городов. Одним из таких социальных институтов был Ленинградский филиал Академии архитектуры СССР во главе с Александром Ивановичем Гегелло (1891–1965 гг.).

Одним из первых, кто назвал именитых архитекторов, работавших в эвакуации в Сибири, был С.Н. Баландин [1, с. 122]. Однако его упоминание довольно тезисно и не отражает степени участия ленинградской группы в деятельности Новосибирского союза архитекторов и в процессе градостроительства. Позже историк градостроительства Б.И. Оглы привел цитату из одного из докладов ленинградского гостя об архитектурном облике города [5, с. 44]. Подробности докладов и оценок Гегелло оставались неизвестными для широкого круга исследователей.

Профессор В.Г. Рыженко впервые обнаружила стенограмму доклада А.И. Гегелло [11, л. 1–5] в личном фонде Е.А. Ащепкова во время работы в архиве для написания докторской диссертации. Валентина Георгиевна провела анализ этого уникального источника [8, с. 138–139], таким образом, был дан импульс для исследования отраслевым историкам [6; 2]. В фонде Новосибирского отделения Союза архитекторов, хранящемся в Государственном архиве Новосибирской области, С.С. Духанову удается найти легендарный (прощальный) доклад «Архитектурное лицо Новосибирска» от 5 ноября 1943 г. [12, л. 1–6], на который иносказательно ссылался в своих трудах Б.И. Оглы.

В музейных собраниях и частных коллекциях остаются не изученными материалы по Великой Отечественной войне. К сожалению, количество статей по этой тематике возрастает, в основном, лишь в юбилейные годы празднования Великой Победы. Военный период жизни А.И. Гегелло является крайне малоизученным в биографии академика. В официальных академических биографических справках новосибирский период его работы не упоминается [7, с. 245–248]. Возможно, в юбилейный год новосибирские общественники, историки архитектуры, музейные работники могли бы объединить усилия для увековечивания пребывания в Новосибирске в годы войны член-корреспондента Академии архитектуры СССР Александра Ивановича Гегелло.

Визуальные источники. Регулярная работа по обработке фондов позволяет более качественно и планомерно прорабатывать области научных практик. В 1988 г. сотрудниками музея архитектуры им. А.В. Щусева (г. Москва) был составлен каталог работ Александра Ивановича, в который вошло внушительное количество документов и проектов из московского и ленинградского фондов (Музей истории города Ленинграда). Составители сделали упор на архитектурных объектах, а не на научных трудах. Так, например, в каталоге представлены результаты работ А.И. Гегелло в годы эвакуации в Новосибирск 1942–1943 гг.: жилые дома для индивидуального строительства – планы застройки квартала в двух вариантах [17; 18]; Доска Почета колхозников-передовиков – перспектива [15], варианты фасадов [19–22], планы [14; 22; 21]. Уровень проработки чертежей разный (от эскизной до «парадной»), но манера и профессионализм автора узнаваемы. Некоторые планы отсылают своей стилистикой к градостроительной постановке значимых объемов в аксонометрическом чертеже площади у Дома Советов в Ленинграде (арх. А.И. Гегелло, при участии Б.С. Ребортовича, Л.С. Косвена, С.Т. Деженкова, инж. А.Д. Каца) [3, с. 42].

В не представленной в каталоге коллекции музея хранится акварельный рисунок – архитектурная фантазия будущего Новосибирска, на котором центральное место занимает восьмиколонный портик с треугольным фронтоном, увенчанный по углам статуями [13]; как своеобразная реминисценция спустя время он проявится в проекте Дворца культуры им. М. Горького. В своем проекте авторы (арх. А.С. Михайлов и др.) использовали классицистические приемы построения фасада [4, с. 342–355].

При всей скудности представленных в каталоге новосибирских проектов в биографии академика отмечается: «Эвакуированный в конце 1941 г. в Новосибирск, А.И. Гегелло активно включается в архитектурно-строительную жизнь города, под его руководством разрабатываются альбомы типовых проектов жилых домов, строятся жилые поселки (для рабочих стрелочного завода НКПС и других предприятий)» [9, с. 9].

Некоторые чертежи были представлены широкой публике на выставке в 2019 г. [25]. Куратор «монографической» выставки И.Е. Финская в аннотации отметила, что наш герой «не принадлежит к числу главных звезд русской архитектуры XX века» [10]. Возможно, его неизвестность и личная скромность привели к тому, что до сих пор не издано ни одного труда по его биографии. Это полностью оправдывает тот факт, что на «персональной» выставке было представлено творчество преимущественно ленинградского периода жизни академика.

Письменные источники. На данный момент в архивных фондах не удалось обнаружить рукописи научных докладов мастера в период 1941–1945 гг. Информационная открытость музейных фондов стала возможной благодаря публикации данных во ФГИС «Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации». В ходе системных поисков благодаря информационной платформе «Госкаталога» во внутреннем архиве музея им А.В. Щусева удалось обнаружить два уникальных дела, которые были нами исследованы.

Первое дело – это заключение-консультация по схеме планирования г. Новосибирска 1946 г. [24, л. 1–67].

Второе дело – это материалы, собранные А.И. Гегелло в период эвакуации в Новосибирске [23, л. 1–252].

Первое дело не вызвало особых сомнений по времени составления, содержания и характера самих документов, т.к. отраслевым историкам известны оценки, которые давал академик. В упомянутых выше научных исследованиях встречается информация о сотрудничестве А.И. Гегелло с сибирскими коллегами.

Это дело состоит из семи листов, написанных от руки чертежным карандашом. В тексте Гегелло анализирует положение дел в архитектуре и в конце делает заключение о том, что работа над новым генеральным планом Новосибирска идет «замкнуто в стенах Новосибирского городского отдела по делам архитектуры, несмотря на то что в Новосибирске крупный коллектив архитекторов» [24, л. 7].

Второе дело является более сложным по составу источником для изучения профессиональной деятельности военных лет. Название дела, возможно, было дано самим архитектором, когда документы хранились еще в семейном архиве.

Состав этой папки условно можно разделить на *три блока* по характеру источников: *первый блок* – доклады и работы самого А.И. Гегелло, *второй* – конспекты, стенограммы выступлений коллег на совещаниях, *третий* – работы по проектированию и архитектуре грунтоблочных зданий и использованию местных строительных материалов. В деле встречаются «случайные» находки, которые «не поддерживаются» никакой другой сопроводительной информацией – ни пояснительными записями, ни другими подобными документами. Например, экземпляр Устава дома науки и техники при комитете ученых (типографский лист, Новосибирск, 1943 г.) мог быть передан представителями научной интеллигенции в благодарность за участие академика в 1942 г. в разработке знака Новосибирского ДНиТ [16]. Судя по материальным источникам, академик поддерживал дружеские отношения с сибирскими коллегами.

Доклады и тексты статей были напечатаны на машинке с точечными правками ручкой. Научные работы и чертежи выполнены, как правило, в карандаше без использования линейки или трафаретов. Эскиз и наброски чертежей выполнены с точностью и без существенных поправок. Это говорит о внутренней научной культуре ученого: строгость и точность по отношению к тексту, ответственность за свои слова и их обдуманность (печать сурового времени).

В рамках данной работы из-за ограничений объема остановимся на наиболее значимых документах из этого дела и их кратком содержании.

Начинается папка с доклада профессора А.И. Гегелло «Жилищное строительство в Новосибирске в условиях военного времени» (стенограмма, машинопись). Сам профессор внес ручкой правки и уточнения. В докладе четко прослеживается главное назначение всей научной работы этого периода: «Опыт массового жилищного строительства должен и будет иметь большое значение не только для районов глубокого тыла, но, конечно, будет иметь большое значение в развитии строительства в районах освобожденных от врага» [23, л. 8]. Строительство жилья становится первоочередной задачей в отрасли, поэтому любые способы ускорить процесс требуют своего внимания. После доклада идут предложения для Новосибирского облисполкома для усовершенствования территориальной политики и контроля качества строительства. Следом идут тезисы (хорошо отпечатанные, с учетом правок и без существенных ошибок), возможно, для предоставления в вышестоящую организацию, такую как Академия Архитектуры СССР или Облисполком.

Далее имеется документ, содержащий приглашение Александру Ивановичу в юбилейную комиссию по празднованию 50-летия Новосибирска и для выступления с докладом. Затем идет доклад самого академика. На основе всех представленных докладов А.И. Гегелло делается заключение: «Новосибирск должен быть достойным своего предназначения, превратиться в ведущий культурный центр всей Западной Сибири, всего советского Востока». Удивительно, насколько были дальновидны эти слова, т.к. современный Новосибирск – третий город по численности населения в стране. Еще один комплект документов этого дела относится к подготовке и проведению XI Пленума правления Союза советских архитекторов (16–18 августа 1943 г.). В папке размещены резолюции по докладом не только самого Александра Ивановича, но и его коллег: А.Г. Мордвинова, И.Е. Маркелова и других.

Необходимо отметить особенности документальных источников. Некоторые доклады и резолюции были напечатаны на машинке, что свидетельствует об официальнойности этих документов. Если вышеназванные источники, безусловно, носят официальный статус, то многочисленные рукописные тексты, написанные карандашом, требуют особой интерпретации. Часть материалов – это доклады на собраниях Союза советских архитекторов. Другая часть рукописей – это конспекты выступлений коллег.

Статистические источники. Анализ фонда показывает, что архитектор не закрывался мантией академика от своих региональных коллег и искренне хотел помочь в решении насущных проблем. Примечательна статистика, которую он собирал по городам Западной Сибири. Один из таких сводных показателей, который ему удалось собрать, это предполагаемая жилая площадь, подлежащая вводу в 1942 г. (Табл. 1). Можно предполагать, что в графах Томской железной дороги и Запсибзолота приводятся данные не по всему жилищному строительству этих ведомств, а лишь по их жилым поселкам в Западной Сибири. В конце списка А.И. Гегелло делает пометку: «Первое полугодие 42 г. Ход по местному строительству Облкомхоза: план – 3.359 т.р., факт 500 т.р.» [23, л. 61об.]. Ленинградец делает вывод, что средства отпущены, но полностью реализация не происходит.

Материалы заканчиваются серией листов, на которых он описывает положение дел в проектной отрасли, социальные условия. По ним можно проследить,

как в тылу выполняли требования для обеспечения фронта, госпиталей, заводов. Заканчивает архитектор эту серию пронизательно: «А основная забота <—> это выполнение плана хлебосдачи государству. <...> Наш план хлебосдачи, срок которого истек вчера <,> выполнен только на 42 % и наша задача в ближайшие нам дни это дело выполнить. У нас здесь люди и работники в целом [зачеркнуто в оригинале. – В.К.] общем хорошие, а есть работники отличные» [23, л. 252].

Таблица 1
*Площади, подлежащие вводу в эксплуатацию в 1942 г.
(приводится в оригинальной орфографии) [24, л. 61об.]*

	Кв. метров всего	Кв. метров временного жилого строительства
Новосибирск	385 т	158 т
Сталинск	114 т	51 т
Ленинск	27,5 т	17 т
Томск	35,5 т	19 т
Кемерово	79 т	31 т
Анжеро-Судженск	12 т	6 т
Прокопьевск	18 т	11 т
Киселевск	7 т	1,5 т
Осинники	6 т	3,5 т
Белово	17 т	3 т
Юрга	39 т	19 т
Томск. ж.д.	6,5 т	–
Запсибзолото	2 т	–
	750 т	320 т

Выводы. Папка с материалами, которую удалось собрать Александру Ивановичу Гегелло за период его эвакуации в Новосибирске (1941–1943 гг.), является комплексным источником не только по истории советской архитектуры, региональному градорегулированию, но может рассматриваться как источник личного происхождения. Гегелло собрал и скомпоновал документы так, как он это видел. В ходе анализа можно понять «психологию профессии», решавшиеся при этом задачи, особенности интеллектуальной работы.

Однако при сопоставлении визуальных источников (проектов, чертежей, эскизов, рисунков) становится понятно, что есть еще не изученные вопросы в биографии архитектора, которые требуют своих источников для всестороннего исследования. Каждый документ, даже простой клочок бумаги, может раскрыть один из процессов архитектурной жизни периода войны. Архитектурные и градостроительные процессы проходили на фоне тяжелой военной реальности, которая оставила свой след в судьбах архитекторов. Возможно, именно поэтому архитектурное творчество и научные труды после войны стали более эмоционально окрашенными.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Зап.-Сиб. книжное изд-во, 1978. – 135 с.

2. Духанов С.С. Развитие архитектурно-градостроительной мысли в Западной Сибири в период великой отечественной войны [Электронный ресурс] / С.С. Духанов // *Архитектон: известия вузов*. – 2015. – № 1 (49). – URL: http://archvuz.ru/2015_1/11 (дата обращения 11.01.2021).
3. Ленинградский Дом Советов. Архитектурные конкурсы 1930-х годов: каталог / Комитет по культуре Правительства Санкт-Петербурга, Гос. музей истории Санкт-Петербурга; [авт.-сост.: В.Г. Авдеев, при участии Т.В. Лобановой]. – Санкт-Петербург: [ГМИ Санкт-Петербурга], 2006. – 108 с.
4. Невзгодин И.В. Советский неоклассицизм в архитектуре Новосибирска / И.В. Невзгодин. – Новосибирск: [б.и.], 2021. – 392 с.
5. Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему / Б.И. Оглы. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство 1991. – 120 с.
6. Петренко С.Д. Архитектурно-художественные качества строительства в Новосибирске в 1945–1954 годах. От проекта до воплощения [Электронный ресурс] // *Архитектон: известия вузов*. – 2014. – № 3 (47). [Режим доступа] http://archvuz.ru/2014_3/15/9 (дата обращения 06.06.2021).
7. Пожарский А.Е., Рабинович В.И. <Александр Иванович Гегелло> // *Мастера советской архитектуры об архитектуре*. В 2 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1975. – С. 245–248
8. Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект). – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. – 340 с.
9. Филокова Н.Н. А.И. Гегелло (Биографический очерк) // *Архитектор Александр Иванович Гегелло (1881–1965)*. Каталог творчества. – Москва: ГНИМА им. А.В. Щусева, 1988. – 150 с.

Список источников

10. Аннотация к выставке «Александр Гегелло: между классикой и конструктивизмом» // Личная коллекция автора «Фотографии выставок и экспозиций музея архитектуры им. А.В. Щусева». Фотография №1205 (Москва, 05.06.2019).
11. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 60.
12. ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21.
13. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева (ГНИМА). Р Ia-8306/7.
14. ГНИМА. Р Ia 7985/1, 2.
15. ГНИМА. Р Ia 8216/2.
16. ГНИМА. Р Ia 8315/21.
17. ГНИМА. Рнв I 180/1.
18. ГНИМА. Рнв I 180/2.
19. ГНИМА. Рнв I 7985/3.
20. ГНИМА. Рнв I 8216/1, 3, 4.
21. ГНИМА. Рнв Ia 101/1-2.
22. ГНИМА. Рнв Ia 88/1-3.
23. ГНИМА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 58.
24. ГНИМА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 76.

Список интернет-источников

25. Государственный музей архитектуры имени А.В. Щусева представляет выставочный проект «Александр Гегелло: между классикой и конструктивизмом» (Куратор – Ирина Финская) [Электронный ресурс]. – URL: <http://muar.ru/item/1545-alexandr-gegello-between-classic> (дата обращения 02.05.2019).

Филонов С.В.

*sergei.filonov2016@yandex.ru*Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, РоссияУДК: 72.007+72.036
ББК: 85.113

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1011

**КОЛЛЕКЦИЯ АРХИТЕКТОРА Б.И. ОГЛЫ В МУЗЕЕ ИСТОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ СИБИРИ имени С.Н. БАЛАНДИНА**

Аннотация. Статья посвящена коллекции архитектора Б.И. Оглы, которая хранится в Музее истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина (НГУАДИ, Новосибирск), ее происхождению, истории поступления в музей и содержанию. Основу коллекции составили учебно-методические материалы, которые с начала XX в. собирались преподавателями архитекторами вначале в Томском технологическом институте, а затем, с начала 1930-х гг. в Сибирском строительном институте в г. Новосибирске. В формировании коллекции принял участие не только Б.И. Оглы, но также архитекторы К.К. Лыгин и А.Д. Крячков. Значительную часть коллекции составляют фото-материалы, в том числе на стеклянных фотопластинках. Коллекция имеет большое значение для изучения архитектуры и градостроительства Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: Б.И. Оглы; сибирские архитекторы; коллекции.

Введение. Борис Иосифович Оглы (1923–1989 гг.) – ведущий педагог сибирской архитектурной школы, доктор архитектуры, профессор, заслуженный архитектор РСФСР (*рис. 1*). Теоретик-урбанист, практикующий архитектор, внесший большой вклад в развитие сибирского градостроительства. Долгие годы работал на архитектурном факультете Новосибирского инженерно-строительного института (НИСИ) имени В.В. Куйбышева, был деканом и заведующим кафедрой Планировки городов и сельских населенных пунктов. Входил в состав руководства Новосибирского отделения Союза архитекторов СССР, был членом других общественных и творческих организаций СССР [3, с. 642]. Оставил значительное научное наследие [1; 2].

В Музее истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова находится коллекция Б.И. Оглы [4], значительную часть которой составляют фотографические материалы (*рис. 2–3*).

На основе анализа инвентарных книг музея, где указаны даты, состав и количество поступивших предметов, и материалов самого фонда, нам удалось реконструировать историю формирования и поступления предметов коллекции в музей.

Цель настоящей статьи: представить предварительные результаты изучения коллекции Б.И. Оглы и раскрыть ее значение для изучения истории архитектуры и градостроительства Сибири и Дальнего Востока и сохранения местного историко-культурного наследия.

Задачи статьи:

- Реконструировать основные этапы поступления коллекции в музей и работы с ней.
- Выявить состав коллекции: типы носителей и тематику материалов.

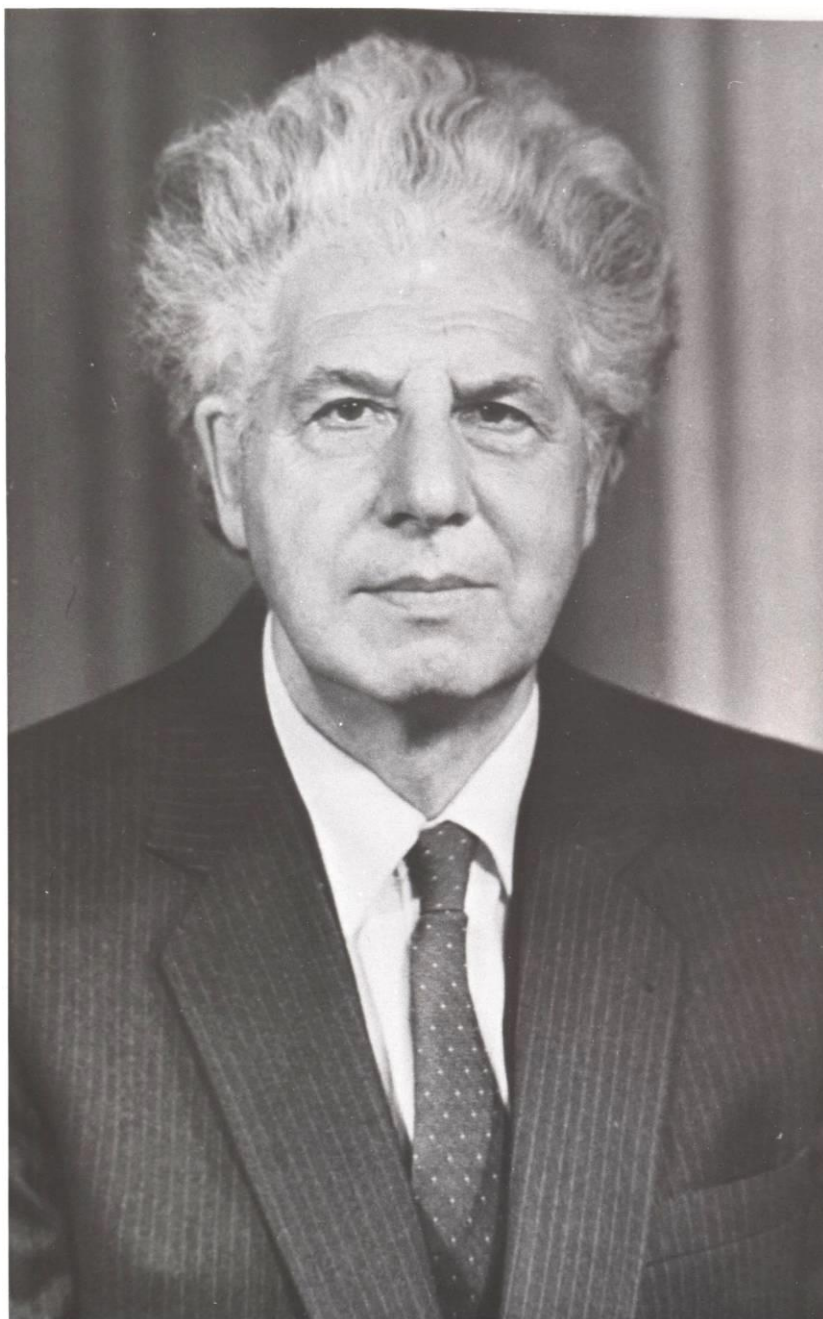

Рис. 1. Борис Иосифович Оглы (1923–1989 гг.) [4, фото б/н]

Результаты. Коллекция состоит из четырех частей, поступивших в музей в разное время.

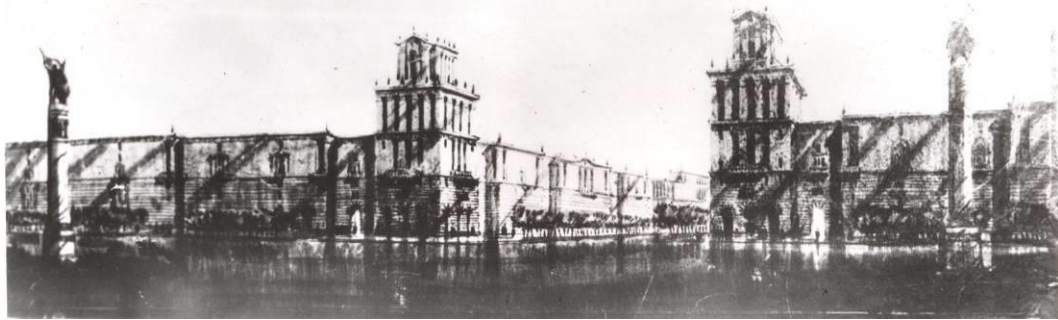
Первая часть коллекции попала к профессору С.Н. Баландину (1930–2004 гг.) возможно еще при жизни Оглы, либо вскоре после его смерти, поскольку поздние прижизненные документы датируются 1989 г. Она состоит из сборников статей, методической литературы, фотографий. Работа с коллекцией видимо началась во второй половине 1990-х гг. В 1998 г. коллекция была внесена в Главную инвентарную книгу музея, а в 2007 г. – каталогизирована (работа была вы-

полнена С.Н. Баландиным и Т.Н. Тарновской) [6]. Первая часть коллекции содержит 89 предметов и включена в экспозицию 3-го зала музея.

Вторая часть коллекции первоначально хранилась в 207 комнате Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии – на кафедре Основ архитектурного проектирования, истории архитектуры и градостроительства (ОАПИИАиГ), а затем, в 2002 г., в связи с ремонтом этого помещения, была перенесена в другие комнаты кафедры ОАПИИАиГ.

Основной состав этой части коллекции представлен фотопластинками, в том числе – дореволюционными, с видами и планами городов Азиатской части России. Кроме того, в этой части коллекции есть фотопластинки с проектами гражданских зданий (домов, особняков и т.д.) дореволюционного периода, с проектами А.Д. Крячкова 1920-х гг. и дипломными проектами студентов-архитекторов Сибстрина разных лет.

Откуда эта часть коллекции поступила в Новосибирский архитектурный институт неизвестно. С.Н. Баландин не успел атрибутировать предметы второй части коллекции. После его кончины она была передана в музей НГАХА вместе с третьей частью, которая, скорее всего, принадлежала С.Н. Баландину. В процессе хранения (2002–2006 гг.) до передачи в музей, предметы этой части коллекции были сильно перепутаны, так как материалы были складированы в коробках без описи.

*Рис. 2. Проект планировки Кировского района г. Новосибирска. Парадный въезд в район. Перспектива. Авторы: архитекторы М.А. Аронштам, Г.Я. Гладштейн, 1952 г.
[4, фото б/н]*

Вторая и третья части коллекции в основном состоят из фотоматериалов – фотографий, фотопластинок и фотопленок, плоских и в рулонах.

Четвертая часть поступила в НГАХА от семьи Б.И. Оглы в 2008 г., а в музей – в 2012 г. [7]. Четвертая часть коллекции оказалась особенно разрозненной (физически). В целом, материалы четвертой части коллекции можно разделить на четыре тематических блока:

- 1) Первый блок: материалы диссертации Б.И. Оглы (тексты, биография, отзывы, переписка, аннотации, статьи из сборников и газет, 2554 фотографии, 795 негативов на фотопластинках и пленке).

- 2) Второй блок: материалы по деятельности Новосибирского отделения Союза архитекторов СССР (отчеты, буклеты и прочее).
- 3) Третий блок – методические материалы: книги, журналы, каталоги, методические пособия, документы по научно-исследовательской работе, сборники статей, тезисы, чертежи, слайды.
- 4) Четвертый блок: открытки, рисунки, слайды.

Фотографии в основном являются иллюстрациями к кандидатской и докторской диссертациям Б.И. Оглы. Кроме того, есть фотокопии и оригиналы студенческих проектов Сибстрина. Наиболее ценные, с научной точки зрения, материалы относятся к 1920-м – 1930-м гг., периодам авангарда и освоения классического наследия, а также к периоду Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). При этом не известно кто делал фотографии проектов. Если это Оглы, то значит, что именно ему принадлежат как фотокопии, хранящиеся в музее, так и заслуга в сохранении важнейшей историко-архитектурной информации. Благодаря изучению этих фотоматериалов, стали известны детали некоторых проектов (авторство, даты выполнения, руководители и т.д.).

В фотоколлекции есть слайды (черно-белые и цветные). Тематика – история архитектуры и градостроительства, мирового и русского искусства (портреты, репродукции и т.д.); хронология – от Древнего мира до XX в. Слайды не подвергались учету. Некоторые из них самодельные, некоторые – фабричного производства («Рим», «Греция» и т.п.). Материал был атрибутирован скорее всего самим Оглы. Практически все коробки подписаны, например: «Новосибирск и дерево», «Италия», «Малые города» и т.д. Часть слайдов поступила в рассыпанном виде, поэтому необходима дополнительная атрибуция.

Многие материалы уникальны с исторической точки зрения и позволяют реконструировать фрагменты научной биографии Б.И. Оглы.

Показателен интерес Б.И. Оглы не только к общепризнанным течениям первой половины XX в. (авангард, неоклассика), но и к модернизму, как зарубежному, так и отечественному (рис. 3). Можно предполагать, что Оглы одним из первых среди отечественных архитекторов поднял тему изучения модернизма. Судя по материалам коллекции, Оглы интересовала проблема влияния модернизма на градостроительство, взаимосвязь исторической и модернистской застройки.

Анализ материалов коллекции позволил предположить следующее: к Б.И. Оглы попала часть общей коллекции сибирских педагогов-архитекторов, которую начали собирать в Томском технологическом институте еще А.Д. Крячков и К.К. Лыгин и продолжили их коллеги. История этой коллекции – это отдельная тема, которая выходит за рамки данной статьи. Ядро общей коллекции составили дореволюционные архитектурные альбомы, журналы и фотопластинки, которые использовались в качестве методических пособий. Затем коллекция была перевезена вместе с Сибстрином в Новосибирск, где в 1930-е гг. дополнилась работами студентов. Был образован, так называемый, методический фонд кафедры архитектуры. Что представлял собой этот фонд – неизвестно, так как отсутствуют каталоги. В определенный момент, часть этого фонда попала к Оглы и была им частично копирована (сфотографирована). Оригиналы многих рисунков и чертежей, видимо, физически не сохранились. Кроме того, Б.И. Оглы собирал свои материалы для научной и педагогической работы. Таким образом, мы имеем представление о проектах студентов 1920–1970 гг.

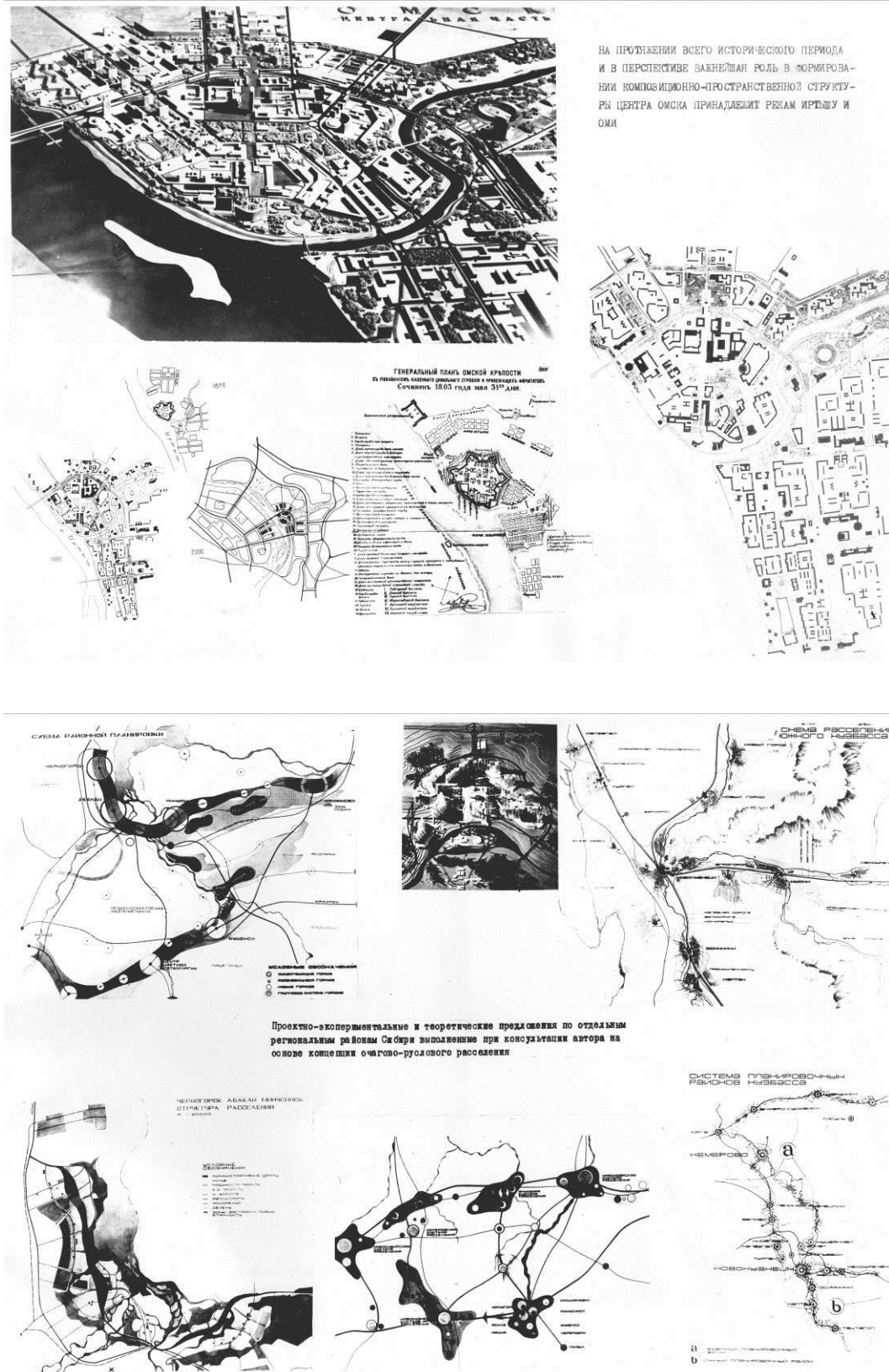

Рис. 3. Материалы экспозиции из II-го тома диссертации Б.И. Оглы на соискание ученой степени доктора архитектуры [5, с. 66, 44]

Заключение. Коллекция Б.И. Оглы имеет большое научное значение, особенно фотографические материалы, и нуждается в дальнейшей обработке, изучении исследователями и специалистами, а также в введении ее материалов в научный оборот. Заслуга Б.И. Оглы в том, что он сыграл важнейшую роль в сохранении этих материалов и этим внес свою лепту в сохранение важнейшей и уникальной информации о зарубежном и отечественном историко-архитектурном наследии.

Сегодня необходимо понимать, что в то время возможности преподавателей-архитекторов по сохранению подобного рода материалов были крайне ограничены (не было помещений, шкафов и т.д.), свою роль играл идеологический пресс и частая смена официальных подходов к архитектуре. Однако именно тогда в Сибири сложилась традиция сохранения и донесения до потомков историко-архитектурных материалов. Этот труд требовал определенной смелости и напоминал эстафету: человек уходил, но его труд не исчезал, так как его коллеги-преподаватели продолжали общее дело.

Б.И. Оглы, как А.Д. Крячков, К.К. Лыгин и С.Н. Баландин хорошо понимал научное и историческое значение подобного рода материалов. Тот факт, что фонд сохранился до наших дней, свидетельствует о высоком уровне профессиональной и гражданской этики представителей сибирской архитектурной школы того времени.

Список литературы

1. *Оглы Б.И.* Строительство городов Сибири / Б.И. Оглы. – Л.: Стройиздат: Ленингр. отделение, 1980. – 272 с.
2. *Оглы Б.И.* Формирование центров крупных городов Сибири: Градостроит. и соц.-культур. аспекты / Б.И. Оглы; Отв. ред. И. Оглы. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – 168 с.
3. Новосибирск: энциклопедия / Редкол.: гл. ред. В.А. Ламин и др. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. – 1071 с.

Список источников

4. Музей истории архитектуры Сибири (МИАС) им. С.Н. Баландина. Фонд архитекторов. Опись 15. Коллекция Б.И. Оглы.
5. МИАС им. С.Н. Баландина. Фонд Б.И. Оглы. Докторская диссертация Б.И. Оглы. Том 2.
6. Оглы Борис Иосифович. Витрина 10. Зал 3. Педагоги-основатели Архитектурной школы Сибири. Фонд архитекторов Сибири. Каталог-путеводитель: [инвентарная книга на витрину 10]. Сост.: С.В. Филонов, А.Н. Мосолова; ред.: Т.Н. Тарновская. – Новосибирск: НГАХА, 2007. – 20 с.
7. Протокол № 7 от 15.02.2013 заседания экспертной фондово-закупочной комиссии Музея истории архитектуры имени С.Н. Баландина НГАХА.

Галикберова А.В.

anna-artdis@mail.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1012

ББК: 85.113

**ВЛИЯНИЕ ТЕМПОВ РОСТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ
СРЕДЫ НОВОСИБИРСКА 1920–1930-х гг.**

Аннотация. Рассматривается влияние высоких темпов развития на формирование городской среды и архитектурного облика Новосибирска в 1920–1930-х гг. С одной стороны, быстрый рост населения и территории не благоприятствовал реализации наиболее значимых проектов: генпланов и крупнейших зданий. Чем меньше были объекты строительства, тем более широкое распространение они получали. С другой стороны, высокая динамика строительной активности в Новосибирске способствовала тому, что в архитектуре города нашло отражение большинство архитектурных течений того времени. В своем развитии город обгонял процесс реализации проектов. Отсюда характерная черта Новосибирска – здания с переходными архитектурными формами и активная трансформация центральной части города в 1930-е гг.

Ключевые слова: городская среда; история советской архитектуры; соцгород; архитектурный авангард; Новосибирск.

Введение. Из факторов, которые определяли формирование архитектурно-градостроительного облика Новосибирска в 1920–1930-х гг., исследователи, как правило, основную роль отводили транспортному, административному и промышленному значению города. В настоящей статье рассматривается другой фактор – стремительные темпы увеличения населения и территории Новосибирска. Рассматриваются два аспекта: градостроительный (генпланы) и архитектурный. Анализируется влияние быстрого роста на степень реализации архитектурных и градостроительных проектов, а также на представленность в архитектуре Новосибирска ведущих архитектурных течений того времени.

1. Градостроительный аспект. Рождение будущего Новосибирска связано со строительством Транссибирской магистрали: железная дорога привела к его появлению и стимулировала дальнейший рост. В октябре 1905 г. население Новониколаевска составляло 26 тыс. чел., а в феврале 1926 г., к моменту переименования его в Новосибирск, в городе проживало уже 120 тыс. чел. [7]. В короткий срок городское население выросло в 5 раз и продолжало расти. Неуправляемый рост сопровождался острым жилищным кризисом и стремительным ростом селитебных территорий, которые не имели четкой планировочной структуры и застраивались хаотично, без генпланов. Широкое распространение получила трущобная, суррогатная, застройка, не имевшая должного благоустройства и отличавшаяся низким качеством. Как отмечает Н.П. Журин, «освоение новых селитебных территорий происходило стихийно, без должной инженерной подготовки и учета ландшафтных особенностей местности» [4, с. 35].

Несколько более упорядоченный характер носила застройка центральной части города, формировавшаяся вокруг своей композиционной оси – Николаевского проспекта. В 1910-е гг. наиболее значимыми зданиями проспекта были Тор-

говый корпус, Реальное училище (арх. А.Д. Крячков, 1910–1912 гг.) и Собор Св. Александра Невского (рук. строительных работ – инж. Н.М. Тихомиров, 1895–1899 гг.). К 1920 г. Новониколаевск имел 11 промышленных предприятий, медицинские учреждения, культовые сооружения четырех религиозных конфессий, развитую школьную сеть (в том числе 12 школ, возведенных по проекту арх. А.Д. Крячкова в 1909–1912 гг.), магазины, аптеки, один летний театр (театр Чиндрина в саду «Альгамбра», 1909 г.).

Город продолжал расти быстрыми темпами, что вызывало необходимость в планировании территории и, соответственно, требовало разработки генерального плана. К середине 1920-х гг. была проведена подготовительная работа по сбору данных и предложено несколько проектных решений. Одним из них стал генплан инженера И.И. Загрявко, представленный в ноябре 1925 г. на рассмотрение в Новониколаевское отделение Всероссийской ассоциации инженеров (ВАИ). В проекте прослеживается влияние идей города-сада Э. Говарда. Проект был рассмотрен и в целом одобрен. В качестве положительных сторон отмечались удобная транспортная связь с центром города, наличие подходов из центра к реке Оби, обилие зеленых насаждений, и структура плана в целом, предусматривавшая планомерное расширение городских территорий. Критики проекта считали, что проектировщик не учел в должной мере рельеф местности и климатические условия. Как отмечает С.Н. Баландин, схема, разработанная И.И. Загрявко, не опиралась на точные расчеты: «мало связанная с действительным ходом экономического развития, демографическим процессом и особенностями развития социальной жизни города, [она] не могла быть жизненной и осталась скорее только теоретической попыткой решения проблемы перестройки города в новых исторических условиях» [1, с. 66].

Более точным по прогнозам роста численности населения города стал следующий генплан – проект планировки «Большого Новосибирска», разработанный бригадой Бюро планировки городов Картоиздательства НКВД РСФСР: инж. Б.А. Коршунов, Ю.К. Гринвальд, Д.Е. Бабенков (1929 г.). Авторы проекта тщательно изучили перспективы развития города, опираясь на статистические данные, которые свидетельствовали о значительном среднегодовом приросте населения в Новосибирске – 14–15 % (нормальным считался прирост в 2,5 %) [2, с. 128]. Прогноз проектировщиков оказался точен. В какой мере это способствовало реализации генплана? Увы, как отмечает Е.Н. Блинов, «схема планировки «Большого Новосибирска», утвержденная президиумом крайисполкома 29 июня 1929 г., осталась незавершенной». При этом «отдельные ее положения вошли в последующие проекты генпланов регионального центра, а ход исторического развития подтвердил обоснованность значительной части гипотез, выдвинутых в процессе ее разработки» [2, с. 129].

В годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) в Новосибирске планировалось разместить до 70 новых промышленных производств, что, безусловно, привело бы к новому значительному притоку населения. Согласно концепции социалистического расселения, градообразующая роль отводилась промышленности, при которой должны были создаваться города нового типа – так называемые социалистические города (соцгорода). В полном соответствии с принципами соцгорода бригадой ВОПРА был выполнен проект «Левобережного Новосибирска» (арх. Д.Е. Бабенков, А.В. Власов, Н.Х. Поляков, 1930 г.). Расчетная численность населения левобережного города была определена в 150 тыс. чел. Этот проект соцго-

рода во многом был образцовым. Все новое жилищное строительство планировалось в виде жилых комбинатов. Первые 12 строчных жилых домов соцгорода были построены на основе измененных типовых проектов бригады проектировщиков Цекомбанка, которую возглавлял известный немецкий архитектор Э. Май [1, с. 96–97; 6, с. 16–18].

Несмотря на то, что строительство соцгорода на левом берегу Новосибирска началось уже в 1930 г., в полной мере этот проект, как и его предшественники, осуществлен тоже не был. Как и в случае с «Большим Новосибирском», были реализованы лишь отдельные элементы проекта: определено расположение общественного центра, создан каркас уличной сети, намечены направления основных магистралей, построен ряд жилых и общественных зданий.

Таким образом, ход реализации генпланов Новосибирска 1920–1930-х гг. свидетельствует о том, что влияние градостроительных проектов на развитие города в это время было в целом ограниченным: удавалось реализовать или наметить лишь отдельные запроектированные фрагменты, остальное осталось на бумаге. При этом город продолжал стремительно расти, соответственно, многое построенное возводилось без увязки с генпланами. То есть, в то время как при осуществлении очередного генплана удавалось сделать шаг, город в своем развитии делал несколько огромных скачков. В этом смысле Новосибирск 1920–1930-х гг. словно бы обгонял сам себя.

2. Архитектурный аспект. В сфере архитектуры высокие темпы развития способствовали появлению следующих характерных явлений.

Во-первых, в реализованных в Новосибирске постройках было представлено большинство основных архитектурных течений (символический романтизм, конструктивизм, рационализм) и новых типов общественных и жилых зданий того времени. В результате архитектурных конкурсов, в которых участвовали ведущие советские архитекторы, в том числе представители архитектурного авангарда, появились Доходный дом (арх. Д.Ф. Фридман, 1926 г.), 1-я поликлиника (арх. П.А. Щекин, 1927 г.), созданный на основе материалов конкурса Государственный банк (арх. А.Д. Крячков, 1929 г.) и ряд других зданий.

Конструктивистский облик получили контора Госэлектросиндиката (арх. И.А. Бурлаков, 1929 г.), Крайисполком (арх. А.Д. Крячков, Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, 1933 г.), спортклуб «Динамо» (арх. Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев и др., 1933 г.) и др. Первые клубы, Дом Ленина (арх. И.А. Бурлаков, инж. И.И. Загривко, М.А. Купцов, 1925 г.) и Дворец Труда (арх. С.А. Шестов, 1925 г.), относятся к символично-романтическому направлению. Эти здания созвучны симметричными композициями фасадов и монументальными формами. Клуб Союза Совторгслужащих (арх. И.А. Бурлаков, 1927 г.) и Дом науки и культуры (арх. А.З. Гринберг и др., 1930 г.) относятся к рационализму.

В 1920-х – начале 1930-х гг. в Новосибирске получило распространение жилищное строительство нового типа: многоквартирных домов с обобществленным бытом (переходного типа) и так называемых «кварталов-садов». Как отмечает Е.В. Хиценко, в то время многоквартирная застройка квартального типа считалась «наиболее выгодным типом жилой застройки с точки зрения таких социально-экономических и градостроительных аспектов, как увеличение плотности населения, укрупнение застройки, повышение уровня благоустройства, коллективизация быта с крупным централизованным домовым хозяйством (столовая, детсад, прачечная и др.)» [5, с. 406]. Проекты подобного жилища были связаны с деятельностью

жилищных кооперативов и товариществ («Печатник» и др.). В 1931–1934 гг. многоквартирное жилье активно строилось различными организациями. Таковы, жилой комбинат «Кузбассуголь», дом-комбинат ОГПУ, жилой дом Крайснабсбыта, жилой комплекс «Динамо» и др.

Однако, отмечая эти несомненные успехи, необходимо помнить, что в целом профессиональная архитектура не поспевала за стремительным развитием города. В Новосибирске 1920–1930-х гг. немногочисленные каменные здания почти терялись в море массовой одноэтажной неблагоустроенной деревянной застройки, возводимой силами самого населения. То есть, если судить по масштабам реализации, трущобная малоэтажная застройка за высокими темпами развития Новосибирска того времени успевала, поэтому и доминировала, образуя основной жилой фонд города.

Во-вторых, быстрые темпы развития города способствовали активной трансформации архитектурной среды Новосибирска, которая к концу 1930-х гг. представляла собой не нечто целое, а случайное смешение незавершенных фрагментов, принадлежавших к самым разным стилистическим направлениям: историзм, модерн, эклектика, различные течения авангарда, а затем ар-деко и неоклассика. При этом развитие главной магистрали Новосибирска, Красного проспекта, в 1930-е гг. сопровождалось сносом и перестройкой значительной части располагавшихся на нем старых дореволюционных построек. Аналогичная участь постигла в 1930-е гг. и новосибирские постройки периода авангарда. Лишь небольшая их часть дошла до нашего времени в первоначальном виде. На площади Ленина таковыми являются лишь три здания из шести: Госбанк (арх. А.Д. Крячков, 1929 г.), Доходный дом (арх. Д.Ф. Фридман, 1928 г.) и Сибкрайсоюз (арх. А.Д. Крячков, 1925 г.). Дом науки и культуры, Промбанк и здание Госучреждений были перестроены в 1930-е гг.

В-третьих, стремительное, скачкообразное развитие стимулировало смешение разных течений. Характерная черта Новосибирска 1920–1930-х гг. – наличие большого числа зданий, решенных в переходных архитектурных формах. Примерами такого типа построек для 1920-х гг. являются здания Государственных учреждений Сибири и Сибкрайсоюза (арх. А.Д. Крячков, 1925–1926 гг.). Их архитектура имела черты неоклассики (классическая планировочная структура, некоторые детали) и рационалистического модерна с элементами революционного романтизма.

Другой пример переходных архитектурных форм дают общественные и административные здания, построенные в 1920-х – начале 1930-х гг., и реконструированные в 1930-х гг. – либо вскоре после постройки, либо уже в процессе строительства. В последнем случае, как и в градостроительстве, реальное развитие резко обогнало ход разработки и реализации проектов. Так сформировался окончательный архитектурный облик Дворца Труда, Дома науки и культуры (ДНК), Железнодорожного вокзала и ряда других зданий. Здесь переходность архитектурных форм сложилась не в ходе проектирования, а в ходе перестройки зданий в 1930-х гг. Результат взаимодействия исходной основы с позднейшими «наслоениями» (проекты реконструкции сами постоянно перерабатывались) был различным: от органичной увязки до конфликтного столкновения. Как отмечает С.С. Духанов, архитектурный облик рационалистского ДНК почти не «пострадал» в процессе украшения его фасадов. Напротив, конструктивистские здания «с их асимметричной объемно-пространственной композицией и развитой конструкти-

вистской пластикой фасада приняли ордерные элементы классики в большинстве случаев с ущербом для своего облика» [3, с. 55].

Выводы. Высокие темпы развития Новосибирска в 1920–1930-х гг. оказали активное по характеру и разноплановое по результатам воздействие на формирование градостроительной среды и архитектурного облика города.

1) Быстрый рост населения и территории не благоприятствовал реализации наиболее значимых для города проектов: генпланов и крупнейших зданий. Чем крупнее был объект, тем меньше у него оставалось шансов на реализацию, тем более по первоначальному замыслу. И, напротив, чем меньше были объекты строительства, тем более широкое распространение они получали. Соответственно, можно говорить о том, что Новосибирск в 1920–1930-х гг. в известной степени обогнал развитие собственной архитектуры и градостроительства.

2) Интенсивная строительная активность способствовала тому, что в архитектуре Новосибирска нашло отражение большинство архитектурных течений 1920-х – начала 1930-х гг., прежде всего, архитектурного авангарда (символический романтизм, конструктивизм, рационализм), а также основные типы новых жилых и общественных зданий. Развитие города в этот период постоянно обгоняло процесс реализации проектов. Отсюда фрагментарность застройки, ее разнохарактерность, незавершенность, активная трансформация центральной части города и большое число зданий, решенных в переходных архитектурных формах.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. Изд-во, 1978. – 135 с.
2. Блинов Е.Н. Сибирское градостроительство на рубеже 1920–1930-х гг. // *Региональные архитектурно-художественные школы*. – 2017. – № 1. – С. 127–131.
3. Духанов С.С., Журин Н.П. Опыт изучения стиля и метода архитектурного проектирования советской эпохи (1917–1955 гг.): на примере рабочих клубов и Дворцов культуры Новосибирска / С.С. Духанов, Н.П. Журин; НГАХА. – Новосибирск: НГАХА, 2009. – 160 с.
4. Журин Н.П. Градостроительство в Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: Учебное пособие / Н.П. Журин; НГАХА. – Новосибирск: НГАХА, 2000. – 107 с.
5. Хиценко Е.В. Проблемы развития жилой застройки Новосибирска послереволюционного десятилетия // *Региональные архитектурно-художественные школы*. – 2016. – № 1. – С. 404–408.
6. Хиценко Е.В. Формирование архитектуры жилых многоквартирных зданий Новосибирска в 1921–1933 гг.: автореф. дис. ... канд. арх.: 18.00.01 / Новосиб. гос. архитектур.-худож. акад. – Новосибирск, 2006. – 26 с.

Список источников

7. Официальный сайт города Новосибирска. О Новосибирске. История 1920–1940 [Электронный ресурс]. – URL: <https://novo-sibirsk.ru/about/history/1920-1940/> (дата обращения: 24.11.2020).

Блинов Е.Н.

1041954@rambler.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, РоссияУДК: 72.036/.038(571.1)
ББК 85.113 (253)

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1013

**АРХИТЕКТУРА СИБИРСКОГО ГОРОДА ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ**

Аннотация. Анализируются архивные документы и публикации в профессиональной печати 1920–1930-х гг., которые содержат профессиональные оценки архитектуры сибирских городов этого времени. Сложность анализа этого материала определяется его многослойностью, отрывочным характером и зачастую – крайней пристрастностью респондентов. Большинство таких оценок давались в открытой печати и на общественных мероприятиях – то есть изначально было рассчитано на непрофессиональную аудиторию и государственного заказчика.

Ключевые слова: история советской архитектуры; город-сад; соцгород; Сибирь.

Введение. Суждения и оценки архитектурного облика сибирских городов 1920–1930-х гг., оставленные современниками, – важный источник по истории архитектуры Сибири того времени. До сих пор этот сложный для анализа, неоднозначный и противоречивый материал, не рассматривался с точки зрения изменений, происшедших в архитектуре сибирских городов в довоенный период.

Материалы и методы. Источником исследования послужили публикации в открытой печати 1920–1930-х гг. и документы того времени, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО). Сопоставляются оценки архитектурно-градостроительных экспериментов в Сибири, принадлежавшие профессиональному сообществу (архитекторам и инженерам), представителям государственных структур и местному населению.

Результаты. Одно из самых первых и наиболее известное упоминание сибирского города рубежа 1920–1930-х гг. содержится в строках стихотворения Владимира Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929 г.): «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвезть, когда такие люди в стране советской есть!». Постоянным рефреном в этом стихотворении звучит строчка «Через четыре года здесь будет город-сад», которую повторяет замерзающий рабочий [6, с. 2].

Характерно, что в 1929 г., в период расцвета идей авангарда, будущий город воспринимался современниками (и рабочими и Маяковским) именно как город-сад. Не менее поразителен и рисунок художника А.А. Дейнеки, сопровождавший первую публикацию этого стихотворения в журнале «Чудак» (1929 г.). На рисунке изображены не коттеджи города-сада, а многоквартирные дома авангардной архитектуры с обобществленным бытом (рис. 1), характерные, скорее, для соцгорода. Архитектурный образ Дейнеки так же мало связан с реальным обликом городов Сибири того времени (рис. 2), как и с архитектурой собственно города-сада (в его исконном понимании).

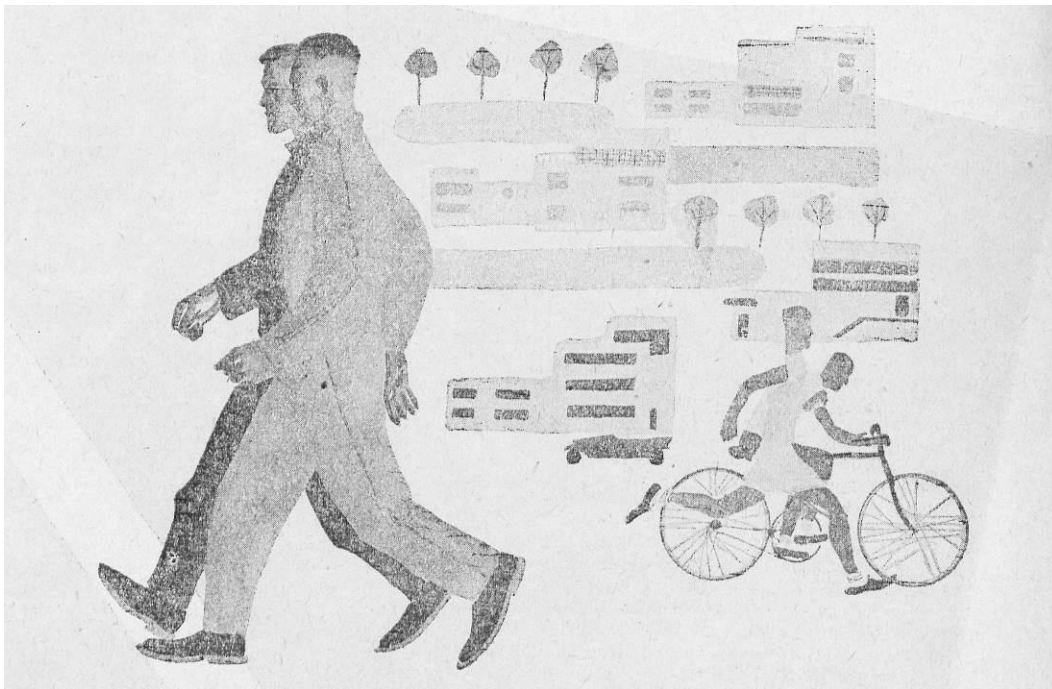

Рис. 1. Иллюстрация художника А.А. Дейнеки к стихотворению В.В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929 г.) [6, с. 2]

Рис. 2. Семья строителей (землекопов-грабарей) Кузнецкого металлургического комбината у своего жилища. Фотография 1929–1932 гг. [12]

Отмеченные нами противоречия между изображением, текстом и стоящими за последним мечтами рабочих Кузнецкстроя, отражают стремительное изменение представлений об архитектуре того времени. Характерная черта эпохи: архитектурная идея в стихотворении Маяковского начинает жить своей особой жизнью, приобретает самостоятельную ценность, куда более значимую для рабочих

Кузнецкстрой, чем окружающая их архитектурно-градостроительная действительность. Вопиющее расхождение прекрасного образа будущего на рисунке с трагической реальностью, возможно, объясняет роль концептуальных проектов в то время.

Во второй половине 1910-х гг. «по типу городов-садов» в Сибири были разработаны проекты рабочего поселка для рабочих и служащих нового металлургического завода в Кузбассе у станции Туштулеп (1916–1918 гг.), города-сада в северной части Барнаула (1917 г.), города-сада при Управлении Кольчугинской железной дороги на станции Кузнецк (1916 г.), хутора кооперативного товарищества в Омске, переработанного по инициативе санитарного врача К.М. Гречищева «по идеям города-сада» (1918–1919 гг.). В начале 1920-х гг. их ряды пополнили проекты планировки Колонии семейных рабочих Киселевского рудника (1921 г.), города Щегловска (1921 г.) и эскизный проект планировки Новониколаевска – будущего Новосибирска (1925 г.).

Подавляющее большинство этих проектов, ориентированных на создание условий для «спокойной, удобной и здоровой жизни» [8, с. 35], так и не было реализовано. Примечательно, что достигаемые при попытках воплощения таких новаторских для того времени идей, результаты, как правило, редко оправдывали ожидания современников.

Реализация разработанного П.А. Пармоновым проекта планировки города-сада Щегловска, продолжавшаяся до конца 1920-х гг., одним из самых ярких поборонок идеи городов-садов в Сибири, сибирским инженером А.И. Петровым, была оценена в 1929 г. достаточно негативно: «Вместо монументальных зданий даже на главной площади для советских учреждений строятся деревянные здания; вместо зеленых зон и насаждений – пока громадные пустыри» [9, с. 101].

Наличие «обширных земельных участков» и отсутствие строгой регламентации и контроля над индивидуальной застройкой позволяли осуществлять последнюю «так, как каждому заблагорассудилось». Владельцы индивидуальных участков, из-за «экономической своей маломощности», обычно довольствовались тем, что ставили «на усадьбе хибару, наружную уборную и даже, в большинстве своем», не ограждали «как следует усадьбу забором, ограничиваясь жердяной загородкой». Подобная практика распространялась и на «щегловские учреждения», которые строились «так же, как и частные владельцы – кто [и] где хотел, и также захватывали обширные земельные участки, не задумываясь об их дальнейшем использовании» [3, л. 49].

Авторы разработанного в 1930 г. нового проекта перепланировки города считали трагедией Щегловска тот факт, что «ни на одной усадьбе» невозможно было найти «ни кустика», а на месте намеченного в плане «зеленого кольца» в действительности не было высажено «ни одного дерева». Нереализованная часть города-сада П.А. Пармонова захватывалась «нахаловками», застраивалась «землянками, тесовыми и полубревенчатými хибарами» [3, л. 50]. Все это очень далеко отстояло от идеала города-сада: аккуратных участков с палисадниками и идиллическими коттеджами заводского производства.

На рубеже 1920–1930-х гг. в Сибири нашли отражение новые архитектурно-градостроительные концепции и идеи, связанные с архитектурным авангардом. Наиболее известной интерпретацией принципов социалистического города (соцгорода) для сибирского региона стал выполненный А.А. и Л.А. Весниными проект рабочего поселка при Тельбесском (Кузнецком) металлургическом заводе,

оставшийся ярким памятником градостроительной мысли, но не получивший реального воплощения. В сложившейся ситуации первых пятилеток наиболее актуальными для Сибири зачастую оказывались не реализованные проекты, а так называемая «бумажная архитектура», позволявшая выразить самые радикальные предложения. Судьбу этого авангардного проекта братьев Весниных для Сибири можно считать счастливой и в этом отношении уникальной: нам не удалось обнаружить в публикациях довоенного периода критических отзывов о нем.

Иначе сложилась судьба разработанного в 1928 г. студентом Томского технологического института Н.С. Кузьминым дипломного проекта «Дома-коммуны Анжеро-Судженских горняков», который получил широкую известность благодаря публикации в 1930 г. его основных положений в журнале «Современная архитектура» под заголовком «Проблема нового быта». Изначально воспринятый в позитивном ключе и поддержанный признанными лидерами конструктивизма, с середины 1930-х гг. проект стал объектом ожесточенной критики, в которой приняли участие его бывшие апологеты и сторонники из лагеря конструктивистов – Р.Я. Хигер и М.Я. Гинзбург. Последний в 1934 г. сравнил проект Н.С. Кузьмина с «общежитием» и «прусской казармой» [2, с. 142].

Похожей оказалась и судьба частично воплощенных в жизнь проектов застройки для новых сибирских городов (Новокузнецка, Тургана, Щегловска и Ленинска), выполненных бригадой немецкого архитектора Эрнста Мая. Непременным атрибутом всех градостроительных проектов бригады была строчная застройка, воспринимавшаяся в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в нашей стране достаточно позитивно. Об этом свидетельствуют благожелательные отзывы в архитектурной периодике и примеры использования строчной застройки в отечественном градостроительстве. Однако, к середине 1930-х гг. отношение к работам бригады Э. Мая и строчной застройке радикально изменилось. Отныне она характеризовалась как «образец голой функциональности, серой однотонности и убийственного однообразия», «убогий «ящичный» примитив» [11, с. 163], как «пример глубокого падения архитектурной культуры на Западе» [7, с. 62, 63].

Негативная оценка строчной застройки принадлежит и соотечественнику Э. Мая, немецкому архитектору Рудольфу Волтерсу, который был сторонником ретроспективного направления и активно симпатизировал нацизму. В изданной в 1933 г. в Берлине книге «Специалист в Сибири», Волтерс в целом положительно оценивал профессиональные заслуги бригады Э. Мая в СССР. Однако и он называл строчную застройку «до смерти заезженной», язвительно говоря о ее «зачатках», которые «печально-предупреждающе торчат во всех концах России над морем деревянных изб» [1, с. 124].

Более резко о результатах работы бригады Э. Мая говорил в 1938 г. на съезде Советских архитекторов сибирский архитектор А.Д. Крячков: «...с 1930 г. в Сибири имела место вредительская деятельность германского архитектора Мая. Именно по его проектам начали строиться новые сибирские города – Сталинск, Прокопьевск, Белово» [10, с. 105].

Претворенные в жизнь проекты жилых и общественных зданий в Кемерове, созданные голландским архитектором Йоханнесом Бернадусом ван Лохемом, – руководителем архитектурного отдела Автономной индустриальной колонии (АИК) «Кузбасс», также получили у современников неоднозначную оценку. Со стороны рабочих использование принципа блокировки («дома-колбасы») натолкнулось на резкое неприятие. Сегодня такая негативная оценка может показаться

невероятной: как хорошо известно, ван Лохем тщательно изучал местные строительные и бытовые условия и стремился организовать удобное и экономичное жилище для рабочих.

Эвакуированный в годы Великой Отечественной войны из Ленинграда в Новосибирск архитектор А.И. Гегелло, в 1943 г. на примере Новосибирска обратил внимание на негативную тенденцию в архитектуре региона: низкое качество строительных работ. Гегелло подчеркивал, что особый урон этим наносился зданиям конструктивистской направленности, и в результате создавалось «впечатление о низком уровне архитектурной культуры» в городах Сибири [5, л. 2–2об.].

Оценка качества застройки сибирских городов содержится в ряде документов, принятых центральными органами управления СССР в конце лета – начале осени 1932 г.

В постановлении СНК РСФСР № 806 от 1 августа 1932 г. «О ходе жилищного, коммунального и социально-культурного строительства гор. Сталинска» констатировалось, что «состояние коммунального и жилищного хозяйства и культурно-бытового строительства» в городе «является неудовлетворительным, резко отстает от промышленного строительства и роста населения» [4, л. 17]. Постановление Совета Труда и Оборона № 1163 от 17 сентября 1932 г. «О ходе жилищно-коммунального и социально-культурного строительства г. Сталинска» требовало «признать необходимым, чтобы строительство жилых домов 1932 г. в тех случаях, когда положение работ это позволяет, в архитектурном отношении было улучшено, однако без задержки строительства» [4, л. 33].

Выводы. Таким образом, противоречивость суждений об архитектуре сибирских городов довоенного периода, что называется, бросается в глаза, и побуждает найти этому явлению объяснение.

Стремительной сменой архитектурных подходов, на основе которых архитекторы пытались заглянуть в будущее, дать прогноз развития городов и с этой точки зрения смотреть на идеи недавнего прошлого, объясняются полярные оценки архитектурно-градостроительных разработок для городов региона в довоенный период. Для городов Сибири в 1920–1930-х гг. было разработано достаточно большое число новаторских проектов – как градостроительных, так и архитектурных. Вначале, на проектной стадии, все они встречали самую активную поддержку и положительную оценку – как на местах, так и в центре. Однако, уже в ходе реализации практически все такие проекты, как реализованные, так и в большинстве своем оставшиеся нереализованными, получили негативную оценку современников. Негативной была и общая оценка осуществлявшейся в городах Сибири массовой застройки. Достижимый результат в 1920–1930-х гг. всегда отставал от быстро менявшегося идеала.

Помимо объективных факторов рассматриваемого периода необходимо учитывать и субъективные факторы, определявшие каждое конкретное высказывание. Зачастую мы сталкиваемся не только с оценкой сиюминутного состояния дел в архитектуре сибирского города, но, и в значительной мере, с представлениями конкретного человека и специалиста о дальнейших путях развития архитектуры и градостроительства.

Во второй половине 1920-х гг. неизбежный отпечаток на оценки накладывала «групповая» принадлежность того или иного архитектора и исповедуемые им и его соратниками убеждения. Примером может служить беспощадная критика ар-

хитекторов «старой школы», А.Д. Крячкова и К.К. Лыгина и их построек, архитекторами-конструктивистами на страницах журнала «Современная архитектура».

Говоря об изменении позиции советских архитекторов во второй половине 1930-х гг., необходимо иметь в виду, что в своих публичных высказываниях они были вынуждены неукоснительно следовать «генеральной линии партии». Отсюда мотивы «раскаяния», «самобичевания» в оценке собственных работ, громогласное развенчание совершенных «ошибок». Такие выступления носили не профессиональный, а политический характер.

Поэтому в ряде случаев высказывались прямые обвинения в политической неблагонадежности и «вредительстве». Отчетливо прослеживается стремление найти «виновных», списать на их счет неизбежные «издержки роста». И такие оценки сегодня не должны восприниматься буквально. Тот же Крячков, на словах обвиняя Мая, этим, по сути, спасал своих сибирских коллег-градостроителей, которые в отличие от Мая остались в СССР, и вполне могли попасть под маховик репрессий.

Список литературы

1. *Волтерс Р.* Специалист в Сибири / Р. Волтерс; [пер. с нем. Д.С. Хмельницкого; рис. Г. Лаутера]. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007. – 255, [2] с.

Список источников

2. *Гинзбург М.Я.* Жилище = die wohnung = l'habitation: опыт пятилетней работы над проблемой жилища / М.Я. Гинзбург. – М.: Гос. научно-техническое изд-во строительной индустрии и судостроения, 1934. – 190, [2] с.

3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2075.

4. ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 109.

5. ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21.

6. *Маяковский Вл.* Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка // *Чудак*. – 1929. – № 46 (ноябрь). – С. 2.

7. *Мостаков А.* Безобразное «наследство» архитектора Э. Мая / А. Мостаков // *Архитектура СССР*. – 1937. – № 9. – С. 60–63.

8. *Петров А.[И].* Опыт постройки городов-садов в Западной Сибири / А.И. Петров // *Коммунальное дело*. – 1923. – № 1 (4). – С. 35–36.

9. *Петров А.И.* Планировка городов Сибирского края / А.И. Петров // *Коммунальное дело*. – 1929. – № 2 (97). – С. 98–102.

10. *Планировка и строительство городов СССР.* Материалы III пленума правления Союза советских архитекторов СССР, 7–11 июля 1938 г. – М: Изд-во ВАА, 1938. – 142 с.

11. *Светлов Ф., Горный С.* Социалистический город в бесклассовом обществе / Ф. Светлов, С. Горный // *Плановое хозяйство*. – 1934. – № 2. – С. 153–172.

12. Сталинск. Семья землекопа [Электронный ресурс]. – URL: <https://pastvu.com/p/262679> (дата обращения: 09.12.2020).

Блинов Е.Н.

1041954@rambler.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036/.038(571.14)

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1014

ББК: 85.113 (2Рос-4Нос)

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБРАЗ НОВОСИБИРСКА ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

Аннотация. Анализируются сведения архивных документов и публикаций 1920–1930-х гг., характеризующие восприятие современниками изменений в архитектурном облике Новосибирска того времени. В 1920-е гг., на начальном этапе бурного роста города, современники пытались осмыслить архитектурный образ Новосибирска через зарубежные аналогии («Сибирский Чикаго»). К концу 1930-х гг. все более обнаруживалось расхождение воображаемого и реального Новосибирска. В послевоенный период архитекторы фактически признали невозможность осмыслить архитектурный образ реального Новосибирска в профессиональных категориях того времени.

Ключевые слова: история советской архитектуры; образ города; Новосибирск.

Введение. Тема архитектурного образа Новосибирска XX в. в оценках современников широко представлена в научной литературе. Публиковавшиеся в периодической печати материалы об архитектуре Новосибирска приводятся в работах историка архитектуры Сибири, профессора С.Н. Баландина [2; 3]. Значительно внимание уделено суждениям о нашем городе 1920–1930-х гг. в монографии И.В. Невзгодина [7]. Благородной целью собрать воедино максимальное число высказываний известных деятелей о Новосибирске на всех этапах его существования задался Е. Ларин [16]. Тем не менее, перечисленные работы не исчерпывают данного вопроса.

Материалы и методы. Источник исследования: публикации довоенного периода и документы, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО). Выявляются и систематизируются сведения об архитектурном облике Новосибирска 1920-х – начала 1940-х гг.

Результаты. Тема архитектурного образа Новосибирска за сто с небольшим лет его истории неоднократно возникала в профессиональном дискурсе (публикациях и выступлениях архитекторов), прозе, поэзии, песнях и музыкальных произведениях. Воспоминания о нем оставили выдающиеся деятели истории и культуры, а также простые горожане.

Очень широк диапазон высказываний о начальном периоде существования города: от сухого упоминания В.И. Лениным: «Окрестности Западно-Сибирской дороги, которую я только что проехал всю (1300 верст от Челябинска до Кривощёва, трое суток), поразительно однообразны: голая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редкие дороги, изредка лес, а то всё степь. Снег и небо – и так в течение всех трех дней...» [6, с. 22–23] до «...и героем вернись с победой в славный город Новосибирск» в поэзии Бориса Богаткова.

Особое место в попытках определения характерных особенностей архитектурного образа молодого Новосибирска занимает постоянно возникающая идея о его сопоставлении с городами США, особенно с Чикаго.

По итогам первого визита в будущий Новосибирск (тогда Новониколаевск), нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский для характеристики города использует аллюзии с американской историей: «...пока этот 25-летний юноша-город весьма непрезентабелен, грязен, плохо застроен, отдельные каменные здания, между ними очень недурные школы, которые кажутся какими-то сложенными для будущего фундамента камнями. Все пространство между ними заполнено провинциального типа домиками. Так, вероятно, выглядели разные Клондайки в первые годы своего существования. Архитектурно при нынешних условиях Новониколаевск растет замедленно, зато в смысле населения бурно. Отсюда страшная теснота» [8, с. 129–130]. По итогам следующего посещения Сибири в 1928 г., А.В. Луначарский прямо называет Новосибирск «Сиб-Чикаго» [17, с. 12].

Косвенное сравнение Новосибирска с Чикаго можно найти и у Теодора Драйзера, посетившего в конце 1927 г. СССР и проведшего в поездках по стране два с половиной месяца. Обратив внимание на популярность в России «города из края Великих Озер» – Чикаго, он тут же перечисляет девять городов, «...которые в будущем [выд. мной – Е.Б.] могли бы поспорить с Чикаго. Это – Чита, Харьков, Сталино, Новосибирск, Баку, Владикавказ, Пермь, не говоря уже о Москве и Ленинграде» [5, с. 24].

К образу «Сибирского Чикаго» обращается Франц Карл Вайскопф, автор книги «Пересадка в XXI столетие. (Впечатления иностранца, побывавшего в СССР)» (Umsteigen ins 21. Jahrhundert. Episoden einer Reise durch die Sowjetunion), которая была переведена на русский язык и издана в СССР в 1928 г. [12].

Отметим здесь важный для нас, принципиальный, момент. Как следует из рассмотренных публикаций, сравнение Новосибирска с городами США было для современников авансом Новосибирску на его возможное будущее, а вовсе не констатацией существующего положения дел.

Американские параллели возникают и у Ильи Эренбурга в «Дне втором» (1934 г.): «На окраинах люди рыли землю, и редактор «Советской Сибири» острит: «В Америке небоскребы, а у нас землескребы». Город мечтал о новой Америке. Начали строить большие дома: это был Новый Свет – каким его показывают на экране» [9, с. 243]. Таким образом, И.Г. Эренбург донес до нас важное свидетельство. Оказывается, некоторые современники хорошо понимали разницу между американской архитектурной мечтой и реальным Новосибирском того времени, который, по сути, был антиамериканским городом («землескребы»).

В 1928 г. в Новосибирске побывал американский журналист М. Гайдус, давший следующую оценку: «для меня Новосибирск особенно интересен как попытка пролетарского строительства городов. Ведь что хотят сделать нынешние новосибирские правители – это превратить большую деревню в современную столицу... Все новые постройки созданы для общественных целей. Эти здания представляют довольно внушительный вид нового строительства...» [3, с. 109].

Немецкий архитектор Рудольф Волтерс, проработавший некоторое время в Новосибирске и издавший в 1933 г. в Берлине книгу «Специалист в Сибири», один из ее разделов озаглавил: «Сиб-Чикаго. Красный проспект. Большая деревня. Что есть и что должно быть». Волтерс не без сарказма подмечает: «На низком,

плавно поднимающемся противоположном берегу железнодорожные пути и хаотическое море деревянных хижин. За ними, немного выше пара кирпичных зданий: «Сиб-Чикаго»... Улица замощена булыжником, тротуары с обеих сторон сделаны из толстых досок. В центре бульвар – песчаная дорожка, зажатая между кривыми берегами. Неподалеку от гостиницы обрамляют проспект новые большие кирпичные дома – правительственное здание, банк и недостроенный гигантский театр, на сцене которого могла бы целиком уместиться шарлоттенбургская Опера. Застройка улицы то высокая, то низкая, все еще не готово. Но есть в Красном проспекте, который прямо как стрела пересекает весь город, что-то грандиозное благодаря его неслыханной длине» [4, с. 61, 66, 104, 210].

И во взвешенной оценке Гайдуса, и в ядовито-публицистической Волтерса, есть общие черты. Их впечатляют размеры города и его отдельных элементов, а также контрасты между массовой застройкой и единичными объектами столичного масштаба. Уничижительные термины, употребляемые Волтерсом («хижины [туземцев]») дают отсылку к европейским колониальным городам-столицам того времени. Достаточно вспомнить Преторию (ЮАР) или Нью-Дели (Индия), где в первой трети XX в. грандиозные здания-монументы стояли на пустырях, а островки капитальной застройки соседствовали с морем хижин.

Неоднозначность оценок архитектурного образа реального Новосибирска у большинства современников резко расходится с ясными образами будущего города, который представлен во многих проектах довоенного времени.

В качестве примера можно привести проект планировки социалистического города у Новосибирска на левом берегу Оби («Левобережного Новосибирска»), разработанный в 1930 г. архитекторами Д.Е. Бабенковым, А.В. Власовым и Н.А. Поляковым. В роли экспертов выступили архитекторы В.А. и Л.А. Веснины, С.Е. Чернышев, Б.П. Дмитриев, А.В. Щусев и инженер В.П. Поморцев, выступавшие на заседании научно-технического совещания Картоиздательства НКВД РСФСР 27 августа 1930 г. А.В. Щусев отмечал со стороны авторов проекта «серьезность подхода к проблеме социалистического города и достаточную углубленность обследовательской работы». В.А. Веснин писал: «в очень короткой, но бурной и богатой идеями истории социалистических городов – настоящий проект является, безусловно, вкладом. Он подытоживает пройденный путь – все ценное, интересное, что было в проектах социалистических городов – нашло отражение в данном проекте» [10, л. 38].

Однако интересные и яркие проекты, такие как проект Левобережного Новосибирска, оставались на бумаге, а то, что строилось, не способствовало формированию ясного архитектурного образа Новосибирска. К концу 1930-х гг. новосибирских архитекторов все более волновал вопрос: насколько ценен и интересен с архитектурной точки зрения реальный Новосибирск?

Так, в 1940 г. Новосибирское отделение Союза советских архитекторов (ССА) обратилось в редакцию «Строительной газеты» с просьбой «организовать в порядке творческой помощи отзыв мастеров Москвы о работе архитекторов Новосибирска». В ответ на страницах этого издания со своей оценкой проектов сибирских архитекторов трижды высказался архитектор Н.Я. Колли (в апреле–мае 1940 г.) [13–15]. Сами названия этих статей Колли («Больше творческой самостоятельности», «Упорно повышать свое мастерство» и «Учесть традиции народного деревянного зодчества») свидетельствуют о его в целом негативной оценке новосибирской архитектурной практики того времени. О шаблонности решений,

стремлении некритично повторять столичные образцы и нежелании выявлять местную специфику. В результате город не получил своего яркого архитектурного лица.

С докладом «Архитектурное лицо Новосибирска», содержащим разбор работ Новосибирского отделения ССА, перед членами последнего 5 ноября 1943 г. выступил ленинградский архитектор А.И. Гегелло, находившийся в это время в Новосибирске в числе 24 эвакуированных из европейской части страны архитекторов. Гегелло отметил, что «для новосибирского строительства вообще характерно, особенно для строительства до 30–35 годов, низкое [его] качество». Кроме того, реализованные постройки формировали в целом «впечатление о низком уровне архитектурной культуры» в Новосибирске. Гегелло констатировал, что «на сегодня нет ни одного куска, который мог бы действительно образовать новый ансамбль города». Из возведенных в городе зданий он выделил лишь работу новосибирского архитектора К.Е. Осипова – «Генеральский дом», назвав его «одним из лучших жилых домов, построенных за последние годы» [11, л. 1об., 2, 2об., 4].

Обобщающая профессиональная характеристика архитектурного образа города рассматриваемого периода содержится в изданной в 1951 г. статье А.Д. Крячкова «Архитектура Новосибирска за 50 лет». Крячков, наблюдавший развитие Новониколаевска-Новосибирска с конца XIX в., отмечает: «Архитектура города имеет все характерные особенности новой эпохи. Это был период упорных исканий новых путей в советской архитектуре. Новосибирск на своих улицах последовательно отражал, вместе со всеми городами СССР, архитектурные направления: романтики, формализма, конструктивизма, символизма и социалистического реализма. Это вносило разноречивость в стилих, создавало пестроту в характере его архитектуры... Не приходится возражать, что немало в молодой архитектуре Новосибирска дискуссионного, не увязанного, несовершенного. В некоторых зданиях видны недостатки архитектурной культуры и провинциальная примитивность, но при всем этом на фоне пестрой архитектуры Новосибирска нельзя не видеть общего, органически присущего ей колорита свежести, бодрости, стремления к новому. Архитектура Новосибирска ближе к новаторству и простоте, чем к декоративности и изысканности» [1, с. 36].

Анализ суждений, высказанных современниками, позволяет составить представление о динамичном изменении восприятия архитектурного образа «столицы Сибири» в 1920–1930-х гг. При этом, как следует из цитированных высказываний, устойчивая тенденция осмысления архитектурного образа города не сопровождалась выявлением в последнем новых положительных черт.

Выводы. Стремительные темпы роста Новосибирска в 1920–1930-х гг. способствовали активному интересу современников к будущему архитектурному образу Новосибирска. В 1920-х гг. у современников формировался образ нового поселения «американского» типа. Многие из них были уверены, что сходное начало приведет в будущем и к аналогичному результату – к возникновению «Сибирского Чикаго», которое будет мало отличаться от своего прототипа. Однако некоторые проницательные современники еще в начале 1930-х гг. вплотную подошли к мысли, что Новосибирск город не американский и даже антиамериканский.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. понимание архитектурного образа города, основанного на типологической идентичности, постепенно вытеснялось понятием «советский город». Однако в отличие от «американского города», понятие «совет-

ский город» еще менее поддавалось профессиональному осмыслению. В результате в течение 1930-х гг. все попытки архитекторов осмыслить архитектурный образ реального Новосибирска в профессиональных категориях заканчивались неудачей: город явно не соответствовал желаемому идеалу. Признаком этого кризиса осмысления, на наш взгляд, было обращение к количественным (размерам и т.п.), а не качественным критериям оценки.

Таким образом, реальный архитектурный образ Новосибирска постоянно ускользал от современников. В послевоенный период они отказались от принципа аналогий, и фактически признали свое бессилие понять архитектурную природу и специфику Новосибирска. В дальнейшем эта неопределенность архитектурного образа, прежде казавшаяся чем-то временным и случайным, стала постоянной чертой нашего города в XX в.

Список литературы

1. Архитектура Новосибирска: к 70-летию образования Новосибирского Союза архитекторов России: [альбом] / Союз архитекторов России; [авт.-сост. И.В. Поповский]. – Новосибирск: Бизнес-пресса, 2004. – 45 с.
2. Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства 1893–1945 гг. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 135 с.
3. Баландин С.Н. А.Д. Крячков. Сибирский архитектор: Докум. очерк / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. – 159 с.
4. Волтерс Р. Специалист в Сибири / Р. Волтерс; [пер. с нем. Д. Хмельницкого; рис. Г. Лаутера]. – Новосибирск: Свинья и сыновья, 2007. – 255, [2] с.
5. Драйзер Т. Драйзер смотрит на Россию / Пер. с англ. О. Кириченко // Драйзер Т. Собр. соч. в 12 тт. Т. 12. – М., 1998. – С. 7–234.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55: Письма к родным. 1893–1922 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1965. – 618 с.
7. Невзгодин И.В. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. – Новосибирск: Изд-во НГАХА, 2013. – 320 с.
8. Новосибирск. 100 лет. События. Люди: 1893–1993 / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука, 1993. – 472 с.
9. Эренбург И.Г. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3: Бурная жизнь Лазика Ройтшванца; День второй; Книга для взрослых: Романы / И.Г. Эренбург; [Сост., подгот. текста И.И. Эренбург]. – М.: Худож. лит., 1991. – 605, [2] с.

Список источников

10. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1914.
11. ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21.
12. Вайскопф Ф.К. Пересадка в XXI столетие: (Впечатления иностранца, побывавшего в СССР) / Предисловие: И.Ц. – Москва: Рабочая Москва, 1928. – 57 с., [6] с.
13. Колли Н.Я. Больше творческой самостоятельности // *Строительная газета*. – 1940. – 8 апреля.
14. Колли Н.Я. Учесть традиции народного деревянного зодчества // *Строительная газета*. – 1940. – 16 апреля.
15. Колли Н.Я. Упорно повышать свое мастерство // *Строительная газета*. – 1940. – 8 мая.
16. Ларин Е. Чикаго на Оби. Краткая история Новосибирска в цитатах [Электронный ресурс]. – URL: <https://nsknews.info/materials/chikago-na-obi-kratkaya-istoriya-novosibirska-v-tsitatakh/> (дата обращения: 18.03.2021).
17. Луначарский А.В. Месяц по Сибири. По среднему Поволжью / А.В. Луначарский. – М.: Красная газета 1929. – 93 с. +72с.

Шамец А.А.

*shamets154@yandex.ru*Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, Россия

Научный рук.: канд. арх., проф. Журин Н.П.

УДК: 72.036

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1015

ББК: 85.113

НЕОКЛАССИКА В АРХИТЕКТУРЕ НОВОСИБИРСКА 1920-х – начала 1940-х гг.

Аннотация. Рассматривается неоклассическое направление в архитектуре Новосибирска 1920-х – начала 1940-х гг. Выявлены следующие характерные черты этого направления. Наиболее полно неоклассика представлена в постройках начала 1920-х гг. С середины 1920-х – начале 1940-х гг. неоклассика почти всегда применялась в синтезе с другими архитектурными направлениями: рационалистическим модерном, авангардом и ар-деко. Такой синтез определил облик многих новосибирских зданий периода авангарда, реконструированных во второй половине 1930-х гг., а также проектный подход ряда архитекторов.

Ключевые слова: история советской архитектуры; неоклассика; Новосибирск.

Введение. В советской архитектуре 1920-х – начала 1940-х гг. освоение классического наследия было одним из важнейших направлений творческой деятельности архитекторов. При этом сама неоклассика прошла сложный путь: от расцвета в начале 1920-х гг. («красная дорика»), через отрицание в период авангарда (в середине 1920-х – начале 1930-х гг.), до нового возрождения интереса к ней в середине предвоенного десятилетия. Новосибирск в это время был одним из важнейших архитектурных центров Сибири, однако влияние на его архитектуру неоклассического направления до сих пор изучено недостаточно полно.

Материалы и методы. Исследование основано на натурных обследованиях и анализе фотографий. Выявлялись приемы и элементы неоклассики в архитектуре Новосибирска, а также ее соотношение с другими направлениями того времени в ходе разработки и реализации проектов.

Результаты. Октябрьская революция 1917 г. потребовала новой архитектуры. В первые послереволюционные годы, когда авангард в архитектуре только зарождался, архитекторы старшего поколения и их ученики закономерно обращались к хорошо знакомым им мотивам классицизма конца XVIII – начала XIX вв. В классический декор вводилась советская символика, ордерная система перерабатывалась в сторону большей строгости и лаконичности. Новой архитектуре в наибольшей мере соответствовал своим аскетизмом дорический ордер. На этой основе в начале 1920-х гг. в Ленинграде сформировалось архитектурное направление, получившее название «красной дорики».

Сходные явления наблюдаются и в архитектуре Новосибирска (тогда – Новониколаевска). Так, сибирский архитектор А.Д. Крячков в первые послереволюционные годы продолжал активно использовать мотивы неоклассики. Начав свой путь в архитектуре с рационального модерна, зодчий перешел к новому этапу трактовки классицистических приемов композиции и архитектурных форм в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Для послереволюционных лет характерны

построенные по его проектам неоклассические здания Сибдальгосторга (1923 г.) и Сибревкома (1926 г.). Симметричная объемно-пространственная композиция и лаконичный декор отсылают к первоисточнику – неоклассицизму. Но если в первом случае мотивы классицизма выражены более ярко (благодаря полуколоннам ионического ордера и массивному карнизу), то второму объекту колорит «красной дорики» придают упрощенные пилястры и агитационные скульптуры – фигуры рабочего и крестьянина (рис. 1, 2).

Рис. 1. Здание Сибдальгосторга.
Фото 1920–1930-х гг. [7]

Рис. 2. Здание Сибревкома. Современное фото: Шамец А.А. [8]

Другую работу мастера – здание Сибкрайсоюза (1926 г.) – можно рассматривать как синтез форм неоклассицизма и модерна. Симметричные фасады унаследованы от неоклассики, при этом большие оконные проемы имеют черты рационального модерна начала XX в.

Подход, основанный на синтезе рационального модерна и неоклассики, А.Д. Крячков применял в большинстве своих проектов 1920-х гг. Его первоначальный проект здания Госучреждений имел в оформлении фасадов и интерьеров черты рационального модерна и неоклассики. Особый интерес вызывают дорические колонны в залах первого этажа. Колонны имеют упрощенные, «архаизированные», капители. В 1933–1937 гг. здание было надстроено до пяти этажей и реконструировано. Фасады были украшены классицистическим декором. В настоящее время здесь располагается Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ), который с 2019 г. носит имя отца-основателя архитектурного образования в Сибири – А.Д. Крячкова и является наглядным учебным пособием по советской неоклассике (рис. 3).

а) До реконструкции. Фото 1920–1930-х гг.
[3]

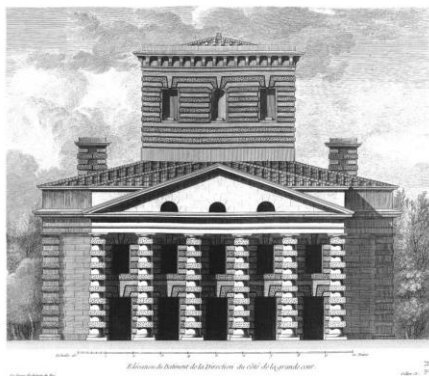

б) После реконструкции. Современное фото: Шамец А.А. [9]

Рис. 3. Здание Госучреждений до и после реконструкции 1930-х гг.

Интересный и оригинальный пример «красной дорики» представляет Дом Ленина (арх. И.А. Бурлаков, инж. М.А. Купцов, И.И. Загривко, 1925 г.). Изначально проект задумывался как колоссальный дом-памятник вождю: здание должно было воплотить передовые технические достижения того времени, стать уникальным образцом архитектуры и общественно-политическим центром города. Предлагалось широко использовать синтез искусств (архитектуры, скульптуры и живописи) и полностью отказаться от украшений «в виде классических шаблонов» [1, с. 75]. Однако в ходе перестройки здания в 1925–1926 гг. зодчие пошли по пути синтеза неоклассики с формами авангарда: симметричная трехчастная композиция, портик с упрощенными дорическими колоннами без капителей, лопатки и кубические формы мавзолея [1, с. 76].

Некоторые приемы «красной дорики» были заимствованы из европейского классицизма. Архитектура эпохи Великой французской революции с ее революционными экспериментами сыграла важную роль в развитии советской неоклассики. Интерес во многом был вызван монументальностью проектов и экспериментальным подходом к классическому наследию. Таковы, например, проекты французского архитектора К.-Н. Леду. Один из специфических приемов Леду – круглые в плане колонны с прямоугольными вставками по высоте, какие можно видеть в проектах зданий для города Шо – нашел отражение и в постройках Новосибирска 1930-х гг. (рис. 4).

а) Проект Королевской соляной фабрики в г. Арк-э-Сенане. Автор: арх. К.-Н. Леду, 1775 г. [8]

б) Здание 1930-х гг. по ул. Урицкого, 37 в г. Новосибирске. Современное фото: Шамец А.А. [9]

Рис. 4. Приемы архитектора К.-Н. Леду в архитектуре Новосибирска 1930-х гг.

В середине 1930-х гг., в связи с изменением направленности советской архитектуры, начался возврат к освоению классического наследия. Одновременно широкое распространение получил советский вариант ар-деко, распространенного в те годы в США и Европе. Ар-деко в его «советской» трактовке стал переходным этапом к сталинской послевоенной неоклассике («сталинскому ампиру»). Советское предвоенное ар-деко так же, как и «красная дорика», имело свой исторический контекст, но при этом было совершенно новым направлением в отечественной архитектуре.

В середине 1930-х гг. А.Д. Крячков снова возвращается к неоклассике. В 1937 г. был реализован наиболее известный проект мастера в Новосибирске – дом работников Крайисполкома, так называемый «Стоквартирный дом». Стокквартир-

ный дом – яркий пример сочетания неоклассического декора с приемами и деталями ар-деко.

Целый ряд новосибирских зданий, первоначально запроектированных как авангардистские, во второй половине 1930-х гг., в ходе достройки или реконструкции, получили неоклассическую стилистику. Один из примеров – железнодорожный вокзал «Новосибирск-Главный», проектный облик которого неоднократно менялся. Первый вариант был разработан архитектором Н.Г. Волошиновым в предельно упрощенных конструктивистских формах (1929 г.). Затем Киевское отделение Гипротранса запроектировало конструктивистское здание с обильным остеклением (1931 г.). Затем проект дорабатывался группой архитекторов под руководством Б.А. Гордеева: это был один из первых образцов постконструктивизма (проект середины 1930-х гг.). В конце 1930-х гг. был объявлен конкурс на разработку нового проекта архитектурного оформления. В 1939 г. реконструированное здание вокзала, получившее неоклассическую трактовку, было, наконец, принято в эксплуатацию (рис. 5).

а) Проект реконструкции середины 1930-х гг. [4]

б) Реализованный проект 1939 г.
Современное фото [8]

Рис. 5. Железнодорожный вокзал «Новосибирск-Главный»

А.Д. Крячков так охарактеризовал архитектурный облик построенного вокзала: «Легкие и измельченные формы верхних этажей вокзала, неуверенные профили не вяжутся с размерами здания и сильным его низом. Хочется видеть их более выразительными для этого сооружения, являющегося монументальными воротами большого города. Архитектура вокзала в длительный период его постройки претерпела ряд изменений, связанных с неоднократной сменой авторов и заданий. В связи со столь сложными влияниями архитектура его фасадов потеряла остроту, характер и авторское лицо» [5, с. 15].

Еще более насыщенной с точки зрения стилистики была история здания Новосибирского театра оперы и балета. За период проектирования и строительства претерпели изменения архитектура здания и его функциональное назначение. В начале 1930-х гг. Дом науки и культуры (ДНК) решался в формах авангарда, большой зал проектировался многофункциональным, трансформирующимся. В середине 1930-х гг. была взята установка на достройку здания в качестве традиционного оперного театра; было разработано множество проектов, в том числе конкурсных. Автором окончательного проекта стал архитектор В.С. Биркенберг, который работал в мастерской архитектора А.В. Щусева. К 1941 г. этот проект был в основном осуществлен. Колоннада театра имеет общие мотивы с колоннами гостиницы Моссовета («Москва»), перестроенной по проекту А.В. Щусева, который, как и В.С. Биркенберг, имел дело с первоначальным авангардистским проектом (рис. 6).

а) Новосибирский театр оперы и балета.
Современное фото [6]

б) Гостиница Моссовета (г. Москва). Современное фото: Шамец А.А. [9]

Рис. 6. Оформление фасадов зданий Новосибирского театра оперы и балета (арх. В.С. Биркенберг) и гостиницы Моссовета (арх. А.В. Щусев)

Выводы. Таким образом, неоклассика была достаточно широко представлена в архитектуре Новосибирска 1920-х – начала 1940-х гг. В наиболее «чистом» виде она проявилась в проектах А.Д. Крячкова начала 1920-х гг. (Сибдальгосторг). В дальнейшем, в середине 1920-х – начале 1940-х гг., специфической чертой неоклассики в архитектуре Новосибирска стало то, что она почти всегда применялась в синтезе с другими архитектурными направлениями: рационалистическим модерном, авангардом, ар-деко. Другой пример такого синтеза представляют крупные объекты эпохи авангарда, реконструированные в 1930-е гг.

Способность неоклассики к синтезу с другими направлениями, а также многочисленные примеры такого синтеза в архитектуре Новосибирска 1920-х – начала 1940-х гг., представляют несомненный научный интерес, прежде всего для изучения и сохранения историко-культурного наследия нашего города.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства 1893–1945 гг. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 135 с.

Список источников

2. Дом Ленина [Электронный ресурс]. – URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/336> (дата обращения: 09.11.2020)
3. Здание государственных учреждений Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <https://pastvu.com/p/311356> (дата обращения: 10.01.2021)
4. История строительства вокзала «Новосибирск-Главный». Часть 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://gelio.livejournal.com/65773.html> (дата обращения: 11.01.2021)
5. Крячков А.Д. Архитектура Новосибирска за 50 лет // *Архитектура Сибири. Ежегодник Новосибирского отделения Союза советских архитекторов*. – Новосибирск, 1951. – С. 5–24.
6. Новосибирский государственный театр оперы и балета [Электронный ресурс]. – URL: <https://gelio.livejournal.com/168334.html> (дата обращения: 11.01.2021)
7. Сибдальгосторг (новосибирская консерватория им. М.И. Глинки) [Электронный ресурс]. – URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/343> (дата обращения: 10.01.2021)
8. Фото Новосибирска – столица Сибири с высоты [Электронный ресурс]. – URL: <https://gelio.livejournal.com/254201.html> (дата обращения: 11.01.2021)
9. Шамец А.А. Личный архив.
10. Wilkinson T. Typology: Factories [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.architectural-review.com/essays/typology/typology-factories?blocktitle=typology-excl-17&contentid=18925> (дата обращения: 10.01.2021)

Самарина Н.Д.
samarinanadezhda@mail.ru
 Новосибирский государственный университет архитектуры,
 дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
 г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036
 ББК: 85.113

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1016

АРХИТЕКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НОВОСИБИРСКА 1940–1950-х гг. В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ: ЛЕВЫЙ БЕРЕГ

Аннотация. На материале застройки левого берега Новосибирска рассматривается изменение архитектурного облика жилых зданий 1940–1950-х гг. в современных условиях. Натурные обследования зданий зафиксировали сходные тенденции – активная трансформация собственниками и арендаторами своих частей фасадов с целью извлечения выгоды: получение дополнительных площадей и отказ от сохранения функциональных, пластических и декоративных элементов (окна, портики, лоджии, балконы, лепной декор, орнамент) в аутентичном состоянии. На авторских фотографиях показаны примеры варварского отношения жильцов и арендаторов помещений зданий к их архитектурному облику и внешней и внутренней сохранности.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; история советской архитектуры; Новосибирск; Н.Ф. Храненко.

Введение. У Новосибирска относительно короткая история. От появления поселка мостостроителей до наших дней прошло не так уж много времени, однако из архитектуры деревянного Новониколаевска-Новосибирска начала XX в. мало что сохранилось до наших дней. Что-то уничтожили пожары, что-то снесли ради нового строительства, для чего-то не нашлось денег на капитальный ремонт и т.д. Каждый год приносит новые потери: исчезают двухэтажные деревянные бараки, а в последние годы, и образцы сталинской архитектуры. На их месте быстро появляются другие, «современные» по облику здания, как правило, многоэтажные жилые дома, равнодушные к окружающей исторически сложившейся среде, иногда с интересной архитектурой, чаще – безликые. Настоящая статья посвящена архитектурным утратам другого рода: изменению архитектурного облика еще существующих зданий 1940–1950-х гг. в результате их современной эксплуатации.

Материалы и методы. Анализируется современное состояние фасадов многоэтажных зданий Новосибирска конца 1940-х – середины 1950-х гг. по улицам Титова, Станиславского, Котовского и Ватутина (на левом берегу). Статья основана на натурных обследованиях, проведенных нами в последние годы (*рис. 1–5*). Фиксировалось современное состояние зданий, выявлялись изменения в их архитектурном облике, связанные с утратой элементов первоначального архитектурного оформления и внедрением новых элементов предметной среды, проводилось сравнение с проектными материалами (*рис. 1*). Цель исследования: раскрыть характер изменений внешнего облика зданий послевоенного десятилетия в реалиях начала XXI в.

Результаты. застройка 1940-х – первой половины 1950-х гг., несомненно, является украшением нашего города. Она выгодно выделяется своей комплексностью, а архитектура зданий этого периода – высоким уровнем проектирования и

строительства. Как архитектура этого периода существует и выживает в наши дни?

Владельцы многочисленных учреждений, занимающие первые этажи таких зданий, оформляют (по сути – меняют) свои «кусочки» фасадов как им вздумается и без увязки друг с другом. При этом зачастую вносится диссонанс в первоначальный архитектурный замысел и стилистику: используются несвойственные для этих зданий цвет и дизайн, в том числе, рекламы. Жильцы также не церемонятся с архитектурой своего дома. Без системы проводятся работы по застеклению балконов и лоджий. Люди одного и того же дома, соседних квартир, обращаются в разные фирмы и фасад оказывается загроможден безобразными образцами всевозможных форм и размеров. Лепные архитектурные детали окрашиваются в несвойственные им цвета или просто убираются как ненужные. Такая самодетельность негативно отражается на общем впечатлении от архитектуры города, делает его безликим и уродливым. Достаточно пройти по любой из улиц Новосибирска, где сохранилась застройка 1940–1950-х гг., чтобы убедиться в том, что дело обстоит именно так.

Когда-то улицы Станиславского и Титова проектировалась как главные магистрали левобережной части Новосибирска. Они проектировались, как подчеркивал С.Н. Баландин, «по принципу магистральной застройки, где большее внимание уделялось внешней стороне архитектуры» [1, с. 61]. Вдоль улиц-магистралей строились здания, богато украшенные классическим декором. По такому принципу была застроена ул. Станиславского и начинала застраиваться ул. Трамвайная (ныне – ул. Титова). Ул. Станиславского была застроена в 1940-х – начале 1950-х гг. и не попала под постановление об устранении излишеств в проектировании и строительстве; ул. Трамвайную начали застраивать в 1959–1960 гг. и полностью реализовать первоначальный проект не успели.

Многие здания с обеих сторон ул. Станиславского были запроектированы талантливым новосибирским архитектором Николаем Федоровичем Храненко. Благодаря сохранившимся фотографиям проектов мы можем узнать, как архитектор представлял себе облик своих будущих построек и сравнить с тем, как они выглядят сейчас. Авторов домов по ул. Трамвайной установить не удалось. По качеству исполнения они несколько не уступают предыдущим (рис. 3) Потому ли, что проектирование и строительство этих зданий началось задолго до 4 ноября 1955 г. или по другим причинам, эти дома, построенные в конце 1950-х гг. сохранили свой классическое оформление и декор. В отличие от домов № 3, 4, 6 и 7 по ул. Станиславского (рис. 1), они не вошли в перечень памятников архитектуры. Несмотря на разный охранной статус, архитектурный облик и тех и других подвергся буквально издевательствам в наши дни. Вот как это выглядит.

Изящно изогнутые ограждения балконов зашили деревом и пластиком, балконы остеклили, классические портики облепили безвкусными вывесками и рекламой. Положение только усугубил недавний некомпетентный ремонт фасадов, после которого здание потеряло исходный цветовой строй и архитектурный образ, лишилось ряда важных декоративных элементов (орнамент). Особенного осуждения заслуживает внедрение черного цвета в застройку городской магистрали – он противоестественен для жизнерадостной по смыслу архитектуры 1940–1950-х гг., олицетворявшей Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В результате здание не только потеряло свой первоначальный стиль и стало безликим, но и не воспринимается как единое целое (рис. 1).

Так же обстоят дела с домами 1950-х гг. по ул. Котовского (рис. 2), проект которых был разработан группой архитекторов под руководством И.В. Жолтовского. Стены покрыты вывесками, окрашены в неестественные цвета или просто

разрушаются без необходимого ремонта. Балконы и лоджии остеклены с использованием самых разнообразных систем и материалов (дерево, металл и пластик), совершенно не соответствующих архитектурному стилю и облику здания.

Из четырех неоклассических зданий по ул. Трамвайной (ныне – ул. Титова) одни были достроены со всеми архитектурными деталями, другие – без них. Все эти здания монументальны и нестандартны по своему архитектурному решению: колонны гигантского ионического ордера в лоджиях, лепные барельефы на основе растительного орнамента, арочные оконные проемы (рис. 3).

Увы, и здесь налицо старания жильцов «исправить», «улучшить» внешнюю архитектуру дома, в котором они живут. В лоджиях, в том числе и тех, где сохранились красивые парные ионические колонны, сооружены остекленные объемы – «сарайчики». Сами колонны никто и не думает реставрировать. Двухъярусные летние террасы либо превращены в комнаты путем остекления, либо просто защищены, став помещениями непонятного назначения без окон (рис. 4). Отношение вандалов к памятникам архитектуры и искусства Древнего Рима давно стало нарицательным и сегодня вандализм в отношении классической архитектуры выглядит, по меньшей мере, странным.

Рис. 3. Дома по ул. Титова, № 6, 7, 12. Фотографии Н.Д. Самариной [4]

Рис. 4. Дома № 11, 13 по ул. Титова. Фотографии Н.Д. Самариной [4]

В доме № 12 по той же улице на первом этаже в свое время размещался магазин, торговавший джинсами, поэтому портик дорического ордера, украшающий торцевой фасад здания, однажды был покрашен в интенсивный синий цвет (рис. 5). Когда магазин закрылся, новые хозяева продолжили «модернизацию» портика: над входом устроили навес, разделивший портик на две отдельные части, и перекрасили низ колонн в розовый цвет. Сегодня фасады несчастного здания «украшены» различными типами пластиковых окон и остекления балконов. Впечатлительные варварского отношения к архитектуре усиливают торчащие из стен кондиционеры.

Рис.5. Портик дома № 12 по ул. Титова. Фотография Н.Д. Самариной [4]

Этот список может быть продолжен, так как аналогичные процессы происходят по всему городу. Какие можно сделать выводы?

Выводы. Кажется бы, здания неоклассической архитектуры имеют все шансы на дальнейшее существование: они комфортны для проживания, отличаются достаточно высоким качеством строительства и уровнем архитектурного решения. Однако, с одной стороны, сегодня уже некому восстанавливать их разрушающиеся элементы – утрачены технологии лепных работ, исчезли специалисты, которые могли это сделать. С другой стороны, архитектурный облик таких зданий зачастую уничтожается «архитектурной» самодеятельностью жильцов, а здания – их собственниками, которые стремятся снести их, чтобы освободить место для многоэтажной коммерческой застройки, редко отличающейся оригинальностью архитектуры. Масштабы их деятельности разные, но исходный посыл

один – извлечение личной выгоды – в ущерб общим интересам города. В результате с каждым днем мы теряем свою историю. Искажение и трансформация архитектурного облика исторических зданий явление не безобидное – так обесценивается их архитектурно-художественное значение и этим, по сути, подводится моральная основа под их дальнейшее уничтожение – мол, что в них такого ценного?

Ни одно время нельзя назвать простым. Новосибирск развивался неравномерно и застраивался почти без системы. Так было с военным городком, обоими соцгородами, жилыми массивами в разных частях города и т.д. Б.И. Оглы отмечал: «Пересеченная местность и прокладка через город железнодорожных магистралей оказали существенное влияние на предвоенный Новосибирск, который представлял собой значительный комплекс отдельных жилых и промышленных районов, не подчиненных единой планировочной сетке. Их планировка и застройка носила локальный характер» [2, с. 24]. С.Н. Баландин писал, что многоэтажное жилищное строительство «распылялось» по городу, в котором, в результате отсутствовали «полностью законченные улицы, площади, благоустроенные ансамбли» [1, с. 21]. Единого стиля не было и не сложилось. Некоторые здания меняли облик в процессе строительства (Театр оперы и балета), другие – в результате ремонтов, как, например, многие школы архитектора А.Д. Крячкова начала XX в.

В нашем городе такое неуважительное отношение к архитектуре стало считаться нормой, преподноситься как некая «традиция». Здания достраивались и перестраивались другими архитекторами – при живом авторе. В непосредственной близости от памятников историко-культурного наследия сооружались объекты, резко отличавшиеся от исторической среды по стилю и масштабу. Так постепенно мы получили «город без лица», где на одной относительно небольшой территории соседствуют враждебные друг другу здания и сооружения разных времен – разномасштабные, разностильные, словно спорящие друг с другом.

Неуважение к истории города и его архитектуре делают его безликим и некомфортным для проживания. Один из доступных нам методов борьбы с современным варварством – просвещение. Постоянное напоминание о том, что в том же самом Новосибирске когда-то были запроектированы и построены совершенно иные по облику здания – созданные для людей и олицетворявшие Победу нашей страны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. объекты неоклассической архитектуры, достойные заботы и сохранения для потомков.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1945–1985 гг. / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. – 155, [3] с.
2. Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему / Б.И. Оглы. – Новосибирск: Кн. Изд-во, 1991. – 117, [2] с.

Список источников

3. Музей истории архитектуры Сибири (МИАС) им. С.Н. Баландина. Инв. № 700. Э-16. В-9. Зал 1.
4. Самарина Н.Д. Личный архив.

Голодяев К.А.
golod62@mail.ru
 МАУК «Музей Новосибирска»
 г. Новосибирск, Россия

УДК: 687.016+658.512.2+908 DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1017
 ББК: 30.18+37.20+87.852.4

НОВОСИБИРСКИЙ ДОМ МОДЕЛЕЙ: ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Аннотация. Рассматривается история Новосибирского Дома моделей. Прослежены корни его создания, смена локаций на территории Новосибирска, показаны особенности работы конструкторов одежды, модельеров, манекенщиц. Выделены знаковые работники коллектива разных лет: Л.Я. Скурят, Н.Д. и В.Э. Грицюки и др. Показаны динамика развития предприятия, выявлены показатели в области конструирования и представления моделей одежды, выход его в национальные лидеры, участие во всесоюзных и зарубежных выставках. Исследование основано на архивных источниках.

Ключевые слова: Новосибирский дом моделей; конструирование одежды; модельный бизнес; Н.Д. Грицюк.

Введение. Как оказалось, история такого важного для понимания художественной культуры Новосибирска и статусного предприятия как Новосибирский Дом моделей (НДМ), фактически не изучена. Есть лишь небольшая заметка в энциклопедии города [2, с. 613]. Настоящая статья на основе архивных документов, воспоминаний работников коллектива разных лет восполняет этот пробел в истории культуры Новосибирска, раскрывает детали внутренней жизни, трудности и достижения Новосибирского Дома моделей.

Результаты. Большую часть своей жизни предприятие располагалось в известном доме на Красном проспекте. В 1937 г. вплотную к Дому Центроспирта (Красный пр-т, 41) строят Дом «Мехторга» Союзоптгалантереи: «1 января сдается в эксплуатацию новый пятиэтажный жилой дом «Мехторга» (угол Красного проспекта и ул. Романова). В первом этаже дома открывается магазин меховых изделий, второй и третий этажи займут производственные мастерские «Мехторга», в четвертом и пятом этажах – квартиры рабочих и служащих» [14]. Через несколько лет к Красному проспекту, 39 пристроили крыло по ул. Романова, 27. В 1951 г. здание было реконструировано – надстроен угловой 6-й этаж, прорублен въезд во двор. В 1963 г. меховая фабрика Союзоптгалантереи отсюда съехала, и здесь обосновался Новосибирский Дом моделей, пробывший здесь до 2002 г.

Необходимо отметить, что модельное производство одежды существовало в Новосибирске задолго до появления Дома моделей. Так, например, зафиксирован факт, что в годы Великой Отечественной войны Ателье мод Райпромкомбината (директор т. Голос) поддержало Неделю усиленной помощи Ленинграду (24–31 января 1943 г.) и взяло обязательство дать 25 % сверхплановой продукции: «Фактически январский план был выполнен досрочно 19 января с.г., в целом за месяц план выполнен на 154,3 проц., в том числе по ширпотребу на 141 проц. В ателье мод – 48 рабочих двадцатников и 22 двухтысячника» [1, с. 352].

Новосибирский Дом моделей был организован 22 сентября 1948 г. решением Новосибирского горисполкома № 531 от 12 августа 1948 г. в соответствии с По-

становлением Совета Министров СССР № 804 от 15 марта 1948 г. «О мероприятиях по улучшению качества и ассортимента швейных изделий» [10, л. 3]. Он создавался путем переподчинения Горпромторгу швейно-обувных мастерских № 7 Горлегпрома [8, д. 1, л. 1], которые по информации сотрудницы музея Новосибирска Ирины Хлебниковой, находились по адресу Красный пр-т, 30. Сегодня на этом месте угол Октябрьской магистрали (рис. 1).

Рис. 1. Одноэтажное здание Дома Моделей. Фотография 1950-х гг. [4, фото б/н]

После войны Дома моделей также были открыты в Горьком, Ростове-на-Дону и Свердловске. В функции и задачи нового предприятия входило формирование промышленных коллекций, пропаганда культуры одежды, выпуск мелкосерийной продукции высокого качества.

Реформирование озадачило наш коллектив, но, тем не менее, было принято с должным энтузиазмом. Протокол первого партийного собрания уже Дома Моделей от 15 марта 1949 г.: «Наша задача: Дом моделей должен занять одно из первых мест в системе предприятий легкой промышленности, мы должны дать удобные, красивые и экономные модели» [8, д. 2, л. 1]. Первые работники как в воду глядели. Вскоре высокий творческий и культурный потенциал вывел Новосибирский Дом моделей на третье место в СССР (после Москвы и Ленинграда).

Тот же архивный документ оставил нам фамилии первых работников. Среди них было 10 членов партии, 3 кандидата и 5 комсомольцев: Серова В.Г., Назаренко М.С., Теплых, Горячих, Мордохович, Гутмахер. В новой организации поменялось руководство. Место директора Соболевой [8, д. 1, л. 10] занял Митрофан Васильевич Алексеев [8, д. 3, л. 10], партийного секретаря З.И. Козлову переизбрали на И.И. Бессонову [8, д. 2, л. 7].

В 1949 г. в коллектив, состоящий лишь из специалистов-практиков, приезжают семь дипломированных модельеров московского техникума легкой промышленности: Л. Архипкина, В. Ветрова, А. Тимофеева, Селедцова [15]. В том же

году в наш дом моделей пришла беспартийная ленинградка Лидия Яковлевна Скурят, сначала главным инженером, потом заведующей производства и художественным руководителем. Она заложила методический кабинет с уникальной библиотекой раритетных художественных изданий, среди которых «Описание всех обитающих в российском государстве народов» (1794 г.), «Орнамент всех времен и стилей» (1898 г.), «История внешней культуры» (1911 г.) [15].

В 1950 г. было выпущено 545 новых моделей одежды [8, д. 26, л. 175]. Организуется основное производство (150 чел.), налаживаются связи со смежниками. На ул. Рабочей (ныне Чаплыгина, 27) был открыт филиал Дома моделей [8, д. 4, л. 33, 41]. Бывший парторг Зинаида Ивановна Козлова стала заведующей демонстрационной частью. Начали проводиться показы мод – не только в городе, но и на селе. По сохранившимся воспоминаниям на первые показы выезжали на небольшом автобусе «ПАЗ», который мог поместить только людей, а багаж, в том числе большой деревянный короб с костюмами плелся сзади на телеге, запряженной лошадей. В 1950-е гг. Дом моделей выпускал сезонные «Альбомы мод НДМ» (рис. 2), а позже журнал с выкройками.

Как и в любой организации в Доме моделей был комитет ВЛКСМ. Протоколы собраний открывают внутренние странички жизни коллектива. К концу 1949 г. в комсомольской организации было 23 чел. (из 59 молодежи), а к 1962 г. ячейка выросла вдвое [7, д. 713, л. 91, 93; 6, д. 503, л. 10].

Документы отражают дух эпохи. Например, в резолюции протокола специального собрания от 15 декабря 1949 г. сказано: «Комсомольцы и молодежь Дома моделей единодушно, все как один, приняли текст письма тов. Сталину, и взяли обязательство, что они закончат месячную программу декабря месяца ко дню рождения И.В. Сталина. Лучшим подарком дорогому вождю и учителю в день его семидесятилетия будут наши новые трудовые успехи» [7, л. 91, 93, 93об.].

Молодежь работала с подшефным детдомом, детскими садами, собирала книги для сельских библиотек, организовывала художественную самодеятельность, спортивную работу, катания на лыжах и коньках, дежурила на охране общественного порядка. У Дома моделей был и свой подшефный колхоз – «Новый путь» Чернявского сельсовета в Карасукском районе. Работницы выезжали туда на уборку урожая, собирали книги для сельской библиотеки [8, д. 2, л. 27, 29]. В 1962 г. собрали 5 т металлолома, провели воскресники на Чернореченском цементном заводе в Искитиме, на стадионе «Труд», в пионерском лагере, организовали политкружок, прочитали несколько лекториев, в т.ч. «о направлении моды», организовали соревнования за звание Ударника и Бригады коммунистического труда, сделали 20 выходов в театр, кино, цирк. Некоторые работники перевыполнили план до 126 % [6, д. 503, л. 14].

Одно из собраний называлось очень романтично – «О весне и девушках» [6, д. 505, л. 3]. Но в выступлениях было не все так мило: «Манекенщицы вольно ведут себя на показах, а также на улицах» [6, д. 505, л. 7].

Наконец, в 1956 г. Дом моделей переезжает в новое помещение по ул. Советской, 7. Хотя производству и здесь было тесновато (приходилось работать в две смены), но зато значительно расширился демонстрационный зал.

Городские показы стали достопримечательностью Новосибирска. Их проводили специально для зарубежных гостей. Пока мужья, приехавшие в официальных делегациях, посещали промышленные предприятия, ГЭС, Академгородок, их супругам показывали советскую и сибирскую моду. На таких закрытых показах

побывали г-жа Тельма Никсон, иранские принцессы династии Пехлеви и многие другие иностранные гости.

Первых манекенщиц называли «демонстраторами одежды». Их находили как среди молодых актрис местных театров, так и среди модниц на стилижном «бродвее» (нечетная сторона Красного пр-та между ул. Ленина и Октябрьской).

НДМ всегда славился своими сильными художниками и конструкторами, технологами и мастерами-портными. Среди его сотрудников выпускники Московского текстильного института, Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В.И. Мухиной, Ивановского текстильного института. Среднетехническими кадрами Дом моделей постоянно «подпитывался» и в нашем техникуме легкой промышленности, который находился в соседнем квартале (ныне Новосибирский технологический институт (филиал) «Московский государственный университет дизайна и технологии»). В 1952–1957 гг. в НДМ работал художником знаменитый Николай Демьянович Грицюк. Его супруга, искусствовед Валентина Эдуардовна, долгие годы была ведущей показов.

В 1953 г. директором коллектива становится В.М. Овечкин, художественным руководителем Макарова, организована регулярная подписка на журналы мод. В конце 1950-х гг. происходит массовый «бум» моды. Если еще несколько лет назад потребителю вполне хватало 600–800 моделей в год, то в 1960 г. даже 1600 было уже недостаточно [8, д. 26, л. 76]. Ежегодный выпуск продукции составляет около 40 000 шт., внедряются конструирование, экспериментальные разработки.

С 1964 г. проектирование стало рентабельным производством. В декабре 1961 г. был организован филиал НДМ – экспериментальный цех, в котором трудилось 135 чел. [8, д. 27, л. 61]. Он располагался на ул. Авиастроителей, 5 и 7. При цехе сразу же открылось ателье, которое к концу марта 1962 г. получило 233 заказа [8, д. 27, л. 64]. Здесь производились опытные модели для молодежи из популярных материалов, в т.ч. спортивного стиля. В год цех выпускал более 80 остро-модных изделий сериями от 20 до 300 шт. «Даже если модель пользовалась успехом и шла нарасхват, мы не имели права выпускать партии свыше 300 единиц», – говорит последний директор НДМ Валентина Дмитриевна Кравец [13].

В сентябре 1966 г. оборудовали новый демонстрационный зал [12, д. 21, л. 65], а в 1969 г. НДМ переехал на Красный проспект, занимает дом № 49, а также помещения по ул. Романова, 27 и 25. Дом № 27 в 1986 г. был переведен из жилого фонда в производственный и стал расселяться. К 1992 г. из четырнадцати его квартир оставалась только одна с двумя проживающими [10, л. 39].

С 3 января 1966 г. по 22 мая 1975 г. предприятие входит в Управление швейной промышленностью Западно-Сибирского совнархоза (рис. 3). Постепенно Дом моделей переходит из 3-й категории во 2-ю, а в 1972 г. – в 1-ю. Для проработки коллекций создаются малый и расширенный Художественные советы.

Дом моделей постоянно перевыполнял плановые показатели. В 1948 г. производственный план был выполнен на 109,4 % [8, д. 2, л. 10], в 1966 г. – на 105% [12, д. 21, л. 62], в 1974 г. – на 114,7%. Перевыполнялись планы по производству, ассортименту, качеству (сортности). При плане 1800 ед. было создано 2111 новых моделей, из них Худсовет утвердил 2066, из которых 1145 (55,4 %) была присвоена высшая категория качества [12, д. 300, л. 59]. Эта тенденция сохранялась и в последующие годы. Из отчета в отчет мы видим стабильное перевыполнение пла-

на и рост числа моделей, достигших к 1990 г. 2749 видов, из которых Худсовет утвердил 2696 (98 %) [11, д. 1153, л. 40].

НДМ имел многолетние связи с Домами моделей и швейными предприятиями Сибири и Дальнего Востока. Он получал от коллег из европейской части страны выкройки новых моделей одежды и образцы новых тканей. Организованный при НМД методический центр по проектированию одежды предоставлял квалифицированные консультации. Технической документацией обеспечивались более ста предприятий Запсибшвейпрома: фабрики им. ЦК Союза швейников, «Северянка», «Детская одежда», «Горнячка» (Прокопьевск), «Берёзка» (Новокузнецк), «Авангард» (Барнаул) [9, л. 4].

В 1971 г. была открыта лаборатория по испытанию тканей [12, д. 300, л. 75]. НДМ прорабатывал новые ткани текстильным предприятиям: Черногорскому ПКСО, Барнаульскому ХБК, Улан-Удинскому ТСК, Ленинск-Кузнецкому КСК, работал с домом модели обуви НПКО «Обь». Новосибирский завод радиодеталей изготавливал для НДМ пуговицы и различную металлическую фурнитуру.

Рис. 2. Иллюстрация из «Альбома мод НДМ» (1950–1960-е гг.) [9, л. 10]

Рис. 3. Логотип НДМ [9, л. 10]

Ежегодно в НДМ создавалось до 2 тыс. и более моделей мужской, женской и детской одежды. Это был крупнейший в Сибири центр школы моделирования, которую отличал хороший вкус и высокая культура, смелый поиск и сохранение традиций народного костюма. Подавляющее число моделей (более 95%) создавалось для массового производства. К сожалению, при запуске в серию потери были неизбежны – и ткани подешевле, и детали попроще: «от созданной тобой модели мало что оставалось, очень тяжело было пережить это», – вспоминает модельер Галина Лежепекова (Юстус) [5].

НДМ имел и собственную сеть фирменных магазинов и отделов сети Ростекстильшвейторга, где продавалась его продукция: «Мода», «Молодежный», «Мужская одежда», «Северянка», ЦУМ.

Долгие годы директором Новосибирского Дома моделей был Рудольф Андреевич Кошелев. Сначала он работал портным в ателье обкома партии на Красном пр-те, 16. Потом перешел в Дом моделей, сначала художником-модельером верхнего мужского платья [8, д. 27, л. 3], потом главным конструктором, потом директором. Окончил техникум легкой промышленности, потом такой же институт. Его супруга вспоминала: «Он был очень востребован по всему Советскому Союзу, потому что Дом моделей был третий по значимости после Ленинграда и Москвы. На бирже труда Рудольфа на части рвали. Он везде и всюду участвовал, ездил по всем городам. Даже много раз предлагали за рубеж поехать поработать, но я не отпускала. Муж мой был очень талантливый! Он получил серебряную медаль ВДНХ за свои работы» [3].

Создавались также творческие коллекции, которые были необходимы для прогнозирования моды. Каждый год модельеры НДМ выезжали в командировки в крупные города европейской части СССР, в столицы союзных республик. Была даже организована творческая поездка в Париж, где наши сотрудники смогли посетить лучшие модные дома. Результатом стали уникальные модели, единственные в своем роде, которые можно было приравнять к произведениям искусства. Костюм переставал быть просто товаром, он становился произведением искусства – оригинальным, высокохудожественным. Это была уже не просто дань моды, а потребность в более высокой эстетике одежды.

С 1973 г. модели НДМ экспонировались в 18 странах мира, где завоевали немалое количество международных наград. Франция, Дания, Бельгия, Англия, Турция, Иран, Болгария, Венгрия, Чехословакия, Польша, Индия, Австрия и др. В 1977 и 1985 гг. НДМ работал на международной Лейпцигской ярмарке в ГДР, в 1987 г. проводил показы в Дели (Индия), в 1988 г. в Вене (Австрия), в 1990 г. в Пекине (Китай), а в 1991 г. в Саппоро (Япония).

Коллекции неоднократно экспонировались в Москве, на главной выставке страны – на ВДНХ. В 1985 г. большой успех имел показ во Всесоюзном институте легкой промышленности. Коллекция весенне-летнего сезона поразила москвичей частью «Сибирские узоры» – образцами одежды с национальным орнаментом алтайских и северных народов и частью «Фестиваль» – моделями для молодёжи художников А. Сивковой и И. Вагиной [15]. На 1-м всесоюзном фестивале «Мода-1987» НДМ занял призовое место и получил диплом «За высокий профессионализм и творческий поиск». В 1990 г. в Москве на фестивале «Российский текстиль» призовое место заняла «Белая коллекция» М. Еремеевой.

К 40-летию организации, 26 апреля – 26 мая 1988 г. в Картинной галерее Новосибирска прошла выставка «От эскиза к модели», которую подготовила старший художник Маргарита Тотменина [9, л. 16] (рис. 4).

Среди экспонатов особенно была отмечена серия А. Зиньковской «Русь». В этих выразительных моделях в различных силуэтных формах явно просматривались народные традиции, мотивы старинных игрушек, деревянной резьбы. Помимо собственно костюма, НДМ выставил на выставке и станковые произведения: акварели Н. Захаровой, графику Н. Капцовой, натюрморты Л. Казаковцевой, макраме Т. Неделько. Специалисты НДМ участвовали в различных городских и областных выставках творческих работников, а также в Ленинграде, Москве, других городах СССР. Неоднократными призерами становились художники Э. Мальцев, С. Овчарук, Н. Захарова, Н. Раковская, Е. Веденяпина, матера детских моделей М. Катковская, Т. Козырева, В. Толстых, Ю. Пазенкова.

Рис. 4. Фрагмент выставки «От эскиза к модели» (г. Новосибирск, 1988 г.) [9, л. 19]

Производство всегда включало прогноз тенденций развития ассортимента и создание опытных образцов одежды – от рабочей и повседневной до уникальных образцов. Здесь активным пропагандистом современной культуры одежды выступали показы моделей, которые собирали аншлаги в демонстрационном зале само-го НДМ, в зале Дома быта, даже на предприятиях, в институтах и селах.

В магазинах (ЦУМе и др.) практиковались торговые показы. Проводились показы по телевидению, фотосъемки для разных журналов СССР, для рекламных плакатов, для иностранных журналистов, модельеры и художники выступали на радио, рассказывали о тенденциях развития моды в печати.

В самом НДМ показы проводились по понедельникам и средам с 18:30. Билет стоил немало – 5 руб., но зал на 70 мест всегда был полон (зачастую люди даже стояли). В середине 1970-х гг. показы проходили под живую музыку. Остальные дни недели были предназначены для выездов. В год проводилось до 130 показов. Зимой делали коллекции летние, а летом зимние. Дефиле (демонстрация строя) ставила известнейший позднее режиссер Людмила Селютина – учила ходить по подиуму, поворачиваться, кружиться, даже пуговицы правильно расстегивать – снизу вверх. Манекенщиками работали не только штатные сотрудники, но и приходящие; детям тоже платили – по 50 коп. за примерку плюс за показы.

Манекенщица Наталья Доценко (Ткачук), проработавшая в НДМ 34 года, вспоминает: «Самое главное в работе манекенщицы – завоевать расположение людей, желание работать с тобой, любовь, если хотите. А сделать это в женском коллективе, поверьте, очень сложно... Дисциплина была железная. За опоздание, прогулы, несоответствие профессиональным требованиям, например, набор веса

– увольняли» [5]. Доценко: «Мы делали себя сами: занимались спортом, много бегали, качали пресс, искали свою манеру держаться на подиуме, свой грим, свою прическу. Всё сами!..». Ее коллега, Ирина Авхимович: «Все фарцовщики города несли все лучшее нам. Носилось все это только на подиуме, в обычной жизни нам не хотелось выделяться, мы не кичились своей избранностью – это была просто наша работа». Позже манекенщицам стали выдавали дефицитные колготки (пять пар в месяц), специально для них шили обувь, и иногда разрешали по себестоимости выкупать вещи из сезонной коллекции [5].

Быть манекенщицей непросто: «продукт скоропортящийся». Мало того что при небольшом окладе (75–85 руб. в мес.) необходимо «выглядеть» и следить за весом, так и публика этих худых, длинноногих девушек воспринимала не всегда адекватно. Наталья Минаева: «Наша профессия в то время считалась престижной, но не очень приличной. К вахте то и дело подходили мужчины, которые знакомились на улице с «манекенщицами». Нас за такое поведение сразу бы уволили» [5]. При провинности можно было вылететь вовсе или оказаться в цеховых манекенщицах «на конструкциях» для разработки моделей.

НДМ регулярно проводил лектории, организовывал для школ и училищ, вузов и предприятий специальные экскурсии по своим цехам.

В сентябре 1988 г. НДМ вошел в состав Новосибирского промышленно-торгового швейного объединения (приказ Минлегпрома № 293 от 28 сентября 1988 г. в исполнение приказа Минлегпрома № 255 от 24 августа 1988 г. «О генеральной схеме управления легкой промышленностью РСФСР»). Объединение создавалось в целях «комплексного решения вопросов производства и сокращения сроков выпуска особомодных высококачественных изделий». Также в него вошли: Новосибирская швейная фабрика им. ЦК Союза швейников, НПШО «Детская одежда», «Северянка», «Соревнование», Барабинская, Болотнинская, Бердская, Татарская, Черепановская, Куйбышевская швейные фабрики, фирменные магазины «Одежда» и «Северянка» [11, опись, л. 18]. В том же году НДМ переходит на арендные отношения. В последующие несколько лет работники предприятия проходят курсы повышения квалификации, школу экономики. Качество выпускаемой продукции оценивается очень высоко, период носки изделий в 2 раза превышает предусмотренные сроки, около 15% ее реализуется в Москве.

В начале 1990-х гг. было создано совместное муниципальное предприятие «Болгария и Сибирь» [10]. В 1991 г. за счет собственных средств и совместно с московским Центром моды «Люкс» открывает собственный магазин СП «Альянс». Для него приобретает собственное здание на Линеинной, 27. На 1992 г. объем производства НДМ планировался в 3 тыс. ед. комплектов технической документации на пошив одежды, а выпуск мелкосортной продукции – на сумму 8 млн. руб. В 1993 г. запланирован переход производства на автоматический режим, сертификация продукции на международном уровне. В апреле 1992 г. НДМ был выкуплен у областного комитета по управлению госимуществом администрации НСО и приватизирован (договор купли-продажи от 29.04.1992 г. № 15) [10, л. 1, 35, 36]. Имущество было оценено на 2,097 млн. руб. Величина уставного фонда предприятия на момент приватизации составляла 2,934 млн. руб. Предприятие реорганизовано в АООТ.

В 1990-х гг. НДМ активно работал с бизнесом, общественными организациями. Проводятся коммерческие, благотворительные показы мод. В апреле 1995 г. НДМ совместно с молодежной волонтерской организацией УМСА, детской сту-

дией «Смайл» и молодежной газетой «Рост» провел первый и единственный конкурс юных модельеров. В 2002 г. в связи со сменой собственника ОАО «Новосибирский дом моделей» было реорганизовано в четыре общества с ограниченной ответственностью. Эти организации продолжили направления деятельности Дома моделей. Отдельными предприятиями стали опытное производство, школа моделей, информационно-образовательный центр и центр индивидуальных модельных разработок. В апреле 2003 г. контрольный пакет акций НДМ приобрела ПКГ «РАТМ» [13], а в бизнес пришла эра модельных агентств: Людмилы Селютиной, Виктора Буланкина, «Magic Models», «Flash Models», «Status».

Заключение. Таким образом, анализ первоисточников по истории уникального предприятия легкой промышленности сибирского региона позволил выявить основные вехи в истории учреждения, его истоки, занимаемые им здания, основные показатели в области конструирования и развития, его знаковых работников разных лет, важные свидетельства о конструкторах, художниках и демонстраторах одежды, а также раскрыть особенности их работы. Надеемся, что настоящая статья станет первым шагом на пути изучения истории Новосибирского Дома моделей на основе архивных документов и свидетельств.

Список литературы:

1. Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Под ред. К.В. Волковой – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во. 1964. – 396 с.
2. *Савицкий И.М.* Новосибирский дом моделей // *Новосибирск: энциклопедия* / Редкол.: гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. – 1071 с.

Список источников

3. Музей Новосибирска. Биографический фонд. Личный архив Кошелевых.
4. Музей Новосибирска. Фотофонд.
5. *Богомолва Л.* Бабушки новосибирской моды [Электронный ресурс] // *Woman's Day ... Женский день*. – URL: <http://www.wday.ru/moda-shopping/style/babushki-novosibirskoy-modyi> (дата обращения: 07.04.2018).
6. Государственный архив Новосибирской области. (ГАО). Ф. П-230. Оп. 1.
7. ГАО. Ф. П-252. Оп. 3. Д. 713.
8. ГАО. Ф. П-8334. Оп. 1.
9. ГАО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 265.
10. ГАО. Ф. Р-584. Оп. 4. Д. 889.
11. ГАО. Ф. Р-1690. Оп. 1.
12. ГАО. Ф. Р-1833. Оп. 1.
13. Дом моделей достался «МегаФону» [Электронный ресурс] // *Континент-Сибирь*. – 2003. – 5 сентября. – URL: <https://ksonline.ru/nomer/ks/-/id/10401/> (дата обращения: 14.04.2018).
14. По городу Новосибирску // *Советская Сибирь*. – № 300. – 27 декабря 1937. – С. 4.
15. *Ужова Г.* Дом моделей на Красном проспекте // *Советская культура*. – 1985. – № 38. – 28 марта. – С. 3.

АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Гребенников С.А.

Иванов А.О.

Ушков В.И.

rgs@nsuada.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, Россия

УДК: 76.021

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1018

ББК: 85.15

ОПЫТ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ РИСУНКУ И ЖИВОПИСИ В АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВУЗЕ

Аннотация. Анализируется опыт преподавания в дистанционном формате дисциплины «Рисунок и живопись» в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова. Анализируются особенности использовавшейся электронной информационно-обучающей среды, этапы адаптации методик преподавания творческих дисциплин (практические занятия) к новому формату и направления их дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: архитектурно-художественное образование; дистанционное обучение; рисунок и живопись.

Введение. Статья посвящена анализу опыта преподавания в дистанционном формате дисциплины «Рисунок и живопись» студентам-архитекторам на кафедре Рисунка, живописи и скульптуры (РЖС) в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова. Материалом для статьи послужил опыт преподавания дисциплины в период ограничений, связанных с пандемией коронавируса.

Результаты. В художественно-графический цикл дисциплин учебных планов НГУАДИ для направлений подготовки «Архитектура», «Дизайн архитектурной среды», «Градостроительство», наряду с дисциплинами «Архитектурная графика», «Основы цифровых коммуникаций» и другими, входит дисциплина «Рисунок и живопись».

Основной задачей этой дисциплины является развитие художественно-графической общепрофессиональной компетенции, предполагающей способность «представлять проектные решения с использованием традиционных и новейших технических средств изображения на должном уровне владения основами художественной культуры и объемно-пространственного мышления» [4] и, в частности, знание технологий традиционного рисунка и живописи и умение их применять для «изображения и моделирования архитектурной формы и пространства с натуры, по ортогональным проекциям и воображению» [3].

Программа дисциплины включает натурные линейно-конструктивные и тональные рисунки, живописные этюды натюрмортов, архитектурных деталей и интерьеров, а также рисунки по воображению и декоративно-живописные компози-

ции [3], и реализуется в виде практических занятий в мастерских, оборудованных мольбертами, специальными светильниками и шторами.

Особенности проведения занятий в очной форме:

- 1) Каждая тема предваряется вводной беседой с показательными рисунками преподавателя мелом на доске и демонстрацией наглядных пособий.
- 2) Занятия сопровождаются индивидуальным анализом ошибок каждого студента с пояснительными набросками преподавателя.
- 3) Оценка проводится в виде единовременного просмотра всех работ группы на стенде с последующим разъяснением ошибок.

Перенос всех этих процессов в цифровой формат дистанционного обучения потребовал переосмысления каждого из них, для чего в НГУАДИ имелся некоторый стартовый опыт.

Прежде всего, в 2016–2017 учебном году на серверах НГУАДИ была установлена MOODLE – Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment (модульная объектно-ориентированная динамическая обучающая среда), создана ЭИОС (электронная информационно-обучающая среда) НГУАДИ [5] и задействована в учебном процессе, как средство методического обеспечения и контроля. Это позволило преподавателям, в том числе кафедры РЖС, приступить к освоению в практической работе возможностей цифрового обучающего портала.

К началу 2020 г. в НГУАДИ был накоплен определенный опыт дистанционного обучения изобразительным дисциплинам. В 2001 г. был разработан и запущен дистанционный курс «Рисунок» для абитуриентов, который осуществлялся путем последовательного выполнения абитуриентами постепенно усложняющихся заданий по программе, оформленной в виде учебного пособия [2], и последующего рецензирования присланных рисунков в форме графического исправления их ксерокопий, сопровождаемого текстовыми пояснениями.

Начиная с 2016–2017 учебного года эти процессы были перенесены в ЭИОС НГУАДИ. Также в 2015–2017 гг. на кафедре РЖС были сняты, смонтированы и оформлены как интеллектуальная собственность НГУАДИ пять обучающих фильмов по рисунку и живописи для абитуриентов и студентов 1 курса.

Начальный период реализации образовательных программ в дистанционном режиме в весеннем семестре 2019–2020 уч. г. (приказ НГУАДИ № 250 от 16 марта 2020 г.) проходил на основе возможностей ЭИОС и по дисциплинам кафедры РЖС в основном в асинхронном режиме, то есть поочередной работе студента и преподавателя.

Коммуникация со студентом осуществлялась через размещенные в ЭИОС учебные задания с графиками их выполнения и методические материалы к ним, текстовые рецензии выполненных этапов учебных заданий и итоговые оценки с комментариями.

Соответственно, основной методической задачей стали адаптация к этим условиям заданий, методов обучения и контроля.

Изменение заданий. Важным моментом стало то, что объект рисования теперь размещался на территории обучающегося.

В ЭИОС были размещены рекомендации по выбору фрагментов интерьеров и постановке натюрмортов, визуальный ряд, иллюстрирующий процесс создания композиций различных колоритов.

Студент должен был представить несколько вариантов композиционных решений изображения (фрагменты интерьера своего жилища), а при изображении

натюрморта создать с помощью преподавателя ясную композицию из имеющихся бытовых предметов в соответствии с заданной темой.

Это обеспечивало активное вовлечение студента в творческий процесс создания композиций с анализом соотношения наблюдаемого трехмерного мира и его двухмерного изображения. Можно отметить, что перенос объектов изображения на территорию обучающегося позволял использовать такое преимущество дистанционного обучения, как свобода в планировании режима работы.

Методы обучения и контроля. Для достижения методической правильности выполнения учебного изображения и контроля личного участия студента в его выполнении все задания были разделены на несколько этапов, каждый из которых должен был представлен в ЭИОС отдельным файлом и оценен.

Переход к следующему этапу был возможен только после рецензии преподавателя. Например, процесс выполнения живописного этюда натюрморта был разделен на следующие этапы и соответствующие файлы:

- 1) постановка натюрморта (фотография постановки);
- 2) композиция изображения и линейный подготовительный рисунок;
- 3) прокладка крупных цветовых пятен, передающих колорит постановки;
- 4) моделировка формы цветом, обобщение цветовых отношений и уточнение акцентов (итоговая работа).

Можно отметить наиболее существенные проблемы, выявленные на этом этапе:

- 1) Обучающиеся не всегда готовы к восприятию письменных рецензий, так как не знают некоторых теоретических основ построения изображения и профессиональной терминологии. Частичное решение этой проблемы дала возможность размещать в рецензии варианты анализируемых рисунков, отредактированные с помощью программы Microsoft Paint с наглядной демонстрацией линии горизонта, точек схода и т.д.
- 2) Время, затрачиваемое преподавателем на объяснение ошибок в письменном виде или в виде исправленного файла изображения, значительно возросло по сравнению с устными комментариями, сопровождаемыми поясняющими рисунками, привычными по аудиторным занятиям. Асинхронность коммуникации не позволяла ей быть оперативной.

Как положительный момент можно отметить возможность для студента осмыслить полученные в письменном или наглядном виде замечания преподавателя, сделать дополнительные правки своей работы, задать вопросы и получить ответы.

Второй период реализации образовательных программ в дистанционном режиме в осеннем семестре 2020–2021 учебного года был связан с освоением новых технических средств, предоставленных руководством и специалистами НГУАДИ, для устранения проблем, выявленных в первом периоде. Этим средством стали видеоконференции Google Meet, подключение к которым было увязано с расписанием занятий.

Совмещение видеоконференций с ЭИОС сделало возможным синхронный режим дистанционного обучения, при котором студент может одновременно выполнять практическую работу, получать советы преподавателя и задавать вопросы. Время коммуникации с преподавателем стало иметь более четкие рамки при сохранении свободы обучающегося в планировании режима самостоятельной работы.

Соответственно, основной методической задачей стала максимальная эффективность предлагаемых технических средств в активизации учебной деятельности во время практических занятий.

- **Установочный материал** в начале новой темы или отдельных ее этапов может выдаваться в виде краткой лекции с демонстрацией примеров решения поставленных задач в работах мастеров и образцовых учебных работ прошлых лет. Студенты могут сразу задать вопросы устно или в чате и уяснить непонятные моменты.
- **Выполнение практической работы** корректируется преподавателем путем указания ошибок в оговоренных этапах выполнения рисунка или этюда, выкладываемого студентами в ЭИОС, а также при возникновении у них вопросов. Преподаватель может в режиме реального времени показывать на экране анализируемый файл с учебной работой, комментировать его, изменять его в Microsoft Paint и других программах, демонстрировать примеры правильных работ или их фрагментов, отвечать на вопросы.
- **Методы контроля.** Преподаватель в момент урока-видеоконференции наблюдает на экране, кто присутствует на уроке, может обратиться к любому по голосовой связи или в чате. В ЭИОС преподаватель видит добавляемые файлы с новыми этапами выполнения задания. При итоговой проверке преподаватель может прокомментировать работу устно.

К недостаткам дистанционного формата итоговой проверки можно отнести то, что цифровые копии не дают полного представления о качестве рисунков или этюдов. Также утрачивается возможность студента увидеть свою работу в общем ряду с работами коллег по группе. Тем не менее, осуществляемые в дистанционном формате выдачу заданий и итоговую проверку можно считать удовлетворяющим задачам преподавания в ВУЗе.

Эффективность обучающей деятельности при выполнении практического задания пока во многом уступает очному обучению. Можно выделить следующие методические проблемы, пока не решенные в дистанционном формате:

- 1) Утрачивается взаимообогащающий эффект обучения вместе коллегами, решающими такие же творческие задачи. Так, выдающийся график и педагог В.А. Фаворский (1886–1964 гг.), вынужденный уйти с должности ректора ВХУТЕМАСА из-за разногласий с официальной линией в искусстве, все равно считал, что учиться нужно только в коллективе [1, с. 245].
- 2) При очном обучении преподаватель одновременно и вместе с обучающимся анализирует натуру, выявляя особенности объекта изображения и его восприятия, приводит теоретические основы изобразительной деятельности, показывает технические приемы работы с графическими и живописными материалами. Живое общение больше мотивирует студента.
- 3) При очном обучении преподаватель видит сам процесс работы над учебным заданием у всех своих студентов, а не результаты отдельных его этапов; может оперативно внести коррективы или отметить достижения. Низкая оперативность дистанционного обучения связана и с техническим несовершенством самих программ, когда для поиска, ска-

чивания, и открытия анализируемого файла уходит времени больше, чем на сам анализ.

Выводы. Опыт преподавания в дистанционном формате такой специфичной практической дисциплины как «Рисунок и живопись» значительному числу обучающихся (более 300 студентов 1 и 2 курса) в течение двух семестров при успешном освоении необходимых компетенций позволяет сделать вывод о возможном применении этого формата в ВУЗе, в частности, для направления «Архитектура».

При этом для успешной работы и оптимизации времени работы обучающихся и преподавателей необходимы:

- 1) Большая подготовительная методическая работа – исходя из сокращения оперативности общения и переноса места обучения на территорию обучающегося требуется значительное переформатирование учебной программы, методики выполнения каждого задания и обучающих материалов;
- 2) Техническое совершенствование ЭИОС (электронной информационно-обучающей среды), позволяющей большую оперативность в работе с цифровыми изображениями.

Список литературы

1. В.А. Фаворский. Воспоминания о художнике / [Сост., вступ. ст. и примеч. Г.А. Загянской, Е.С. Левитина]. – М.: Книга, 1990. – 358 с.
2. *Иванов А.О.* Рисунок. Подготовительный курс к Высшей архитектурно-дизайнерской школе: Уч. пос. / А.О. Иванов – Новосибирск: НГАХА, 2001. –118 с.

Список источников

3. НГУАДИ. Рисунок и живопись. Рабочая программа дисциплины [Электронный ресурс]. – URL: http://nsuada.ru/umu/rpd/2019-2020/07_03_01_2019_Arh_1.plx/Risunok-i-z_ivopis.pdf (дата обращения: 09.05.2021).
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 07.03.01. Архитектура (уровень бакалавр) [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/070301_B_3_29062017.pdf (дата обращения: 09.05.2021).
5. Электронная информационно-обучающая среда НГУАДИ [Электронный ресурс]. – URL: <https://portal.nsuada.ru/> (дата обращения: 09.05.2021).

Иванов А.О.

ivanov.a.o@mail.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, Россия

УДК: 76.021

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1019

ББК: 85.15

ЗАДАЧИ ДИСЦИПЛИНЫ «РИСУНОК В ДИЗАЙНЕ»

Аннотация. Анализируется структура дисциплины, состав и тематика заданий. Выявляются основные этапы и особенности выполнения заданий, взаимосвязь художественно-графических задач и средств. Раскрывается значение дисциплины в формировании профессиональных знаний и навыков у будущих дизайнеров. Статья основана на опыте преподавания дисциплины «Рисунок в дизайне» на кафедре Рисунка, живописи и скульптуры в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова.

Ключевые слова: архитектурно-художественное образование; рисунок для дизайнеров; стилизация в рисунке.

Введение. Статья посвящена анализу специфики дисциплины «Рисунок в дизайне», которая входит в состав курса общепрофессиональных изобразительных дисциплин и преподается студентам-дизайнерам на кафедре Рисунка, живописи и скульптуры (РЖС) в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова. Материалом для статьи послужил опыт разработки и преподавания дисциплины.

Результаты. В настоящее время образовательные программы НГУАДИ для направлений подготовки 54.03.01 «Дизайн» включают следующие дисциплины: «Академический рисунок» (1–2-й курсы) и «Рисунок в дизайне» (3–4-й курсы). Дисциплины изучаются последовательно и комплексно решают задачи формирования у будущего дизайнера необходимых знаний и навыков в рисунке, в частности обозначенных в федеральном государственном стандарте как «владение языком академического рисунка [...], умение использовать рисунки в практике составления композиции и переработки их в направлении проектирования любого объекта [...]» [2].

Термин «академический» используется для обозначения реалистического рисунка, направленного на объективное изображение природы, обусловленное общими для всех людей законами восприятия. Именно это качество – объективность – позволяет рисунку стать языком, понятным для людей различных культур и национальностей. Для дизайнера рисунок, наравне с чертежом, становится средством профессионального общения. Теоретические и практические основы академического рисунка были заложены в эпоху Возрождения, с этого периода обучение реалистическому рисунку становится важной составляющей частью любого художественного образования. В академиях художеств, появившихся с начала XVII в., сложилась определенная последовательность обучения, значительное время уделяющая изображению человека. Занятия академическим рисунком дают развитый глазомер и чувство пропорций, зрительную память и пластическую культуру, знания и навыки применения законов линейной перспективы и распре-

деления светотени – те основы, которые необходимы для изображения образов наблюдаемого трехмерного мира на плоскости.

Специфика различных видов пластических искусств, более узкая специализация профессиональной деятельности, проявляется и в особенностях изобразительных навыков, необходимых архитектору, дизайнеру, скульптору или художнику-монументалисту. Это обусловлено как объектами и масштабами изображения, применяемыми в профессии графическими материалами, так и характером образных задач изобразительных и неизобразительных пластических искусств. Цикл заданий по рисунку, направленных на развитие специфических для дизайнера компетенций, и составляет основу дисциплины «Рисунок в дизайне».

Среди ряда задач, решаемых рассматриваемой дисциплиной, основными являются следующие:

- развитие объемно-пространственного воображения, умения представить наблюдаемые и воображаемые объемы и пространства с различных точек зрения и передать зрительные образы на плоскости графическими средствами;
- развитие навыков использования различных графических материалов и приемов, характерных для проектной практики;
- развитие навыков декоративно-стилизованного изображения наблюдаемых объектов с использованием различных графических средств.

Соответственно, можно выделить и типы заданий, решающих эти задачи:

- *линейно-конструктивные рисунки* – аналитические рисунки, в которых передаются не только видимые, но и невидимые стороны изображаемого объекта, акцентируются конструкция (формообразующая основа) объекта и взаимосвязи частей, используется лаконичная, преимущественно линейная графика;
- *рисунки по представлению* – рисунки, изображающие либо объекты по ортогональным проекциям, либо наблюдаемые объекты с других ракурсов с сохранением пропорций и пространственных взаимосвязей или с заданными изменениями;
- *рисунки объектов дизайна с использованием различных графических материалов* – графитный карандаш, фломастер, перо, мягкие и другие материалы, с акцентом на функциональные, конструктивные, технологические, текстурные свойства объектов;
- *рисунки с элементами стилизации* – натурные рисунки, требующие отбора и выявления характерных черт объекта заданными ограниченными графическими средствами;
- *композиции по воображению* – рисунки, направленные на освоение композиционных и графических приемов изображения объектов дизайна различного масштаба и сложности.

Эти виды рисунков выполняются по следующим укрупненным темам: рисунок предметов техники и быта, объектов животного и растительного мира, рисунок человека, рисунок архитектурного пространства (*рис. 1*).

Если аналитические конструктивные рисунки с натуры и по представлению хорошо знакомы студентам по подготовке к вступительным испытаниям, а использование разнообразных графических средств – по обязательным наброскам 1–2 семестров, то методы выполнения стилизованных рисунков и композиций требуют разъяснения. Термин «стилизация» используется для обозначения обоб-

ценно-упрощенных изображений объекта с помощью условных приемов, усиливающих выбранные стороны его пластического образа; художественных приемов в формальной композиции вообще и в графическом дизайне в частности; для обозначения внешних формальных приемов какого-либо определенного стиля. В данном случае важно первое значение.

Рис. 1. Примеры натуральных рисунков с элементами стилизации. Фотографии студенческих работ из методического фонда кафедры Рисунка, живописи и скульптуры НГУАДИ [3]

Специфику перевода образа наблюдаемого объекта в графическую композицию помогают понять уже первые задания по теме «Натюрморт», в которых использование графических средств ограничено: одно задание предполагает использование только линий, второе – только пятен.

В качестве объекта изображения организуются две постановки – в одной постановке на фоне из черных и белых драпировок располагаются объекты, соответственно белые и темные, в другой – на светлом фоне ставятся близкие по тону предметы с разнообразными линейными деталями.

Выполняются натурные зарисовки, изучается характер и взаиморасположение форм. Для улучшения композиции на листе возможно небольшое изменение позиции предметов с обязательным сохранением их масштаба. После обсуждения с преподавателем выбирается лучшая композиционная идея, которая прорабатывается в туши на заданном формате А2. При этом используются общие законы композиции и законы формальной композиции в графике [1].

Как показал опыт, наиболее значимыми для выполнения этих заданий являются следующие законы композиции:

- сначала воспринимаются линии наиболее длинные и непрерывные, затем более короткие;
- во избежание монотонности необходимо чередовать направление линий;
- для организации соподчиненности элементов используются контраст толщин линий, контраст между прямыми, плавными кривыми, изломанными, угловатыми линиями и другие.

В результате студент не просто совмещает навыки изображения с натуры и изучение основных законов формальной композиции, но и учится осознанно воспринимать окружающий мир как пространство, полное гармоничных взаимосвязей.

Выводы. Таким образом, характерными чертами дисциплины «Рисунок в дизайне» являются следующие:

- тесная связь тематики и состава графических заданий с будущей профессиональной деятельностью студентов-дизайнеров;
- чередование заданий на различные виды рисунков (линейно-конструктивных, светотеневых, декоративно-стилизированных) и композиций по воображению;
- взаимосвязь между ставящимися художественно-графическими задачами и выбираемыми для их решения художественно-графическими средствами.

Список источников

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие / Сокращ. пер. с англ. В.Н. Самохина; Общ. ред. и вступ. статья В.П. Шестакова. – Москва: Прогресс, 1974. – 392 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 54.03.01. ДИЗАЙН (уровень бакалавр) [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/540301> (дата обращения: 09.12.2020).
3. Архив кафедры Рисунка, живописи и скульптуры (РЖС) Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова.

Самойлов В.В.

v.samoilov@nsuada.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, Россия

УДК: 76.03/09:378.016

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1020

ББК: 85.15:74.489.85

РИСУНОК АРХИТЕКТУРНОЙ КОМПОЗИЦИИ ПО ВООБРАЖЕНИЮ

Аннотация. Рассматривается опыт преподавания архитектурной композиции по воображению на кафедре Рисунка, живописи и скульптуры (РЖС) в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова. Раскрыты основные цели и задачи, последовательность и техники ведения работы над архитектурной композицией в процессе подготовки архитекторов и дизайнеров. Выявляется специфика развития архитектурно-пространственного воображения у будущих архитекторов и дизайнеров и его связь с рисунком в карандашной графике.

Ключевые слова: рисунок; образно-композиционное мышление; архитектурная композиция; архитектурное формообразование.

«Я никогда не воспринимала свои бумажные работы просто как рисунки, они были инструментом производства реальности» (Заха Хадид) [4]

«Не умеющий рисовать никогда не сумеет компоновать» (И.А. Голосов) [3]

Введение. Современные проектировщики подчеркивают особенное значение развития архитектурно-пространственного воображения у будущих архитекторов и дизайнеров, а также первостепенную роль в этом процессе выполняемого в ручной графике архитектурного рисунка по воображению [1; 3].

О.Г. Максимов отмечает, что «Массимилиано Фускас, известный современный архитектор, определяет основные три этапа проектирования: набросок, эскиз, рисунок – макет и только за тем – виртуальное моделирование. Сначала надо сформулировать и зафиксировать замысел, и в этом случае архитектурный рисунок является наиболее быстрым, гибким, простым и подвижным средством» [3]. Как подчеркивает Е.В. Кокорина, «концептуально-интуитивное развитие идеи обеспечивается исключительно в процессе ручного эскизирования, когда мышление управляет построением изображения, а рисунок развивает мысль, когда с помощью архитектурного рисунка как креативной, ассоциативной, образной составляющей основы визуальной коммуникации создается художественное пространство авторской идеи проекта» [1, с. 3]. Н.Г. Ли отмечает, что систематические упражнения в рисовании по памяти и представлению «развивают аналитическое мышление, дают возможность отличать механическую работу от осознанной, выявлять те или иные ошибки, допущенные в рисунках» [2, с. 419]. О важности рисунка архитектурной композиции по воображению в процессе обучения будущих архитекторов и дизайнеров свидетельствует опыт преподавания рисунка архитектурной композиции на кафедре Рисунка, живописи и скульптуры (РЖС) в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова.

Результаты. В основе архитектурного рисунка лежит возможность познания новых архитектурных форм и пространств, развитие творческих способностей. Рисунок архитектурной композиции (АК) является важным этапом в работе студентов второго курса при переходе к более сложному заданию, как рисунок объемно-пространственной композиции под девизом «Архитектурное пространство». Как и в предыдущем задании (рисунок объемно-пластической композиции), основной целью данного упражнения является дальнейшее углубленное изучение студентами основных выразительных средств композиции, выявления логических конструктивно-пространственных связей, развитие образно-композиционного мышления, без задачи утилитарной пригодности. Основными свойствами архитектурной композиции выступают, прежде всего, объем, пластика и образность (рис. 1).

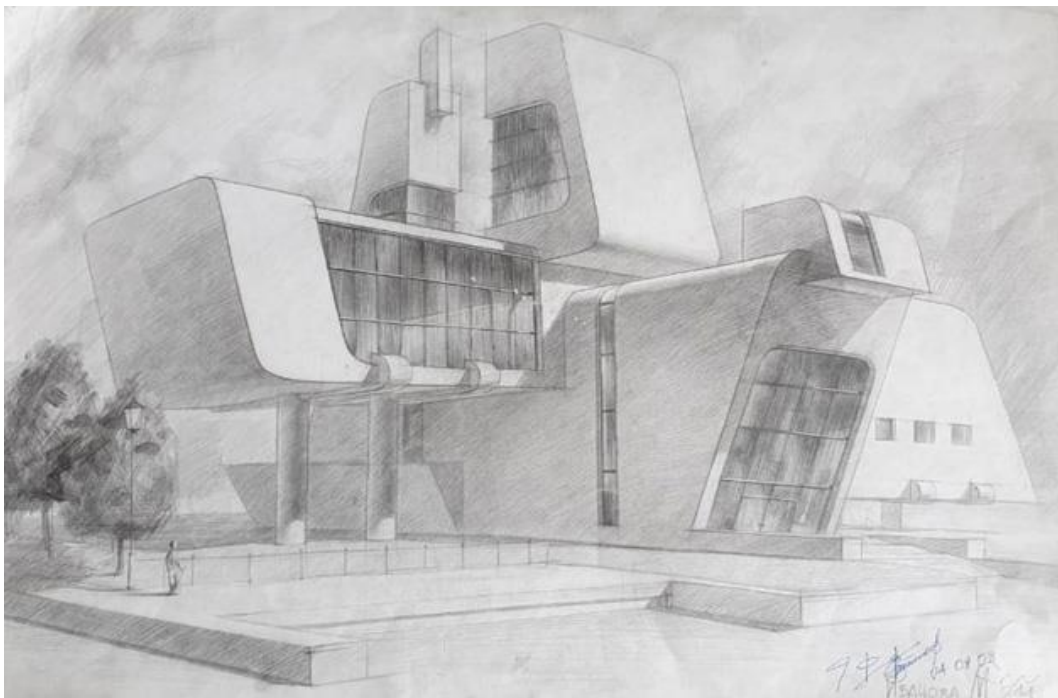

Рис. 1. Задание по архитектурной композиции по воображению. НГУАДИ, 2008 г. [5]

Построение композиции базируется, прежде всего, на выявлении целостного восприятия, иными словами: на развитии навыков архитектурного творчества, основ профессионального мышления архитекторов и дизайнеров.

В процессе выполнения учебного задания решались следующие задачи:

- передача образно-композиционной идеи архитектурной композиции;
- развитие образно-пространственного мышления;
- использование знаний и навыков по основам теории композиции;
- передача пространственных связей объемной формы;
- соподчинение элементов композиции главному.

В самом начале работы над архитектурной композицией необходимо определиться с функциональной направленностью будущего объекта: театр, вокзал, инженерное сооружение и т.п.

Для выявления главного свойства композиции (целостности), уже на начальном этапе подготовительного рисунка, необходимо позаботиться о соподчинении многообразных форм главной идее архитектурного образа. На этой стадии необходимо решить, с какой линией горизонта выполнять данную работу.

Необходимо помнить, что при выявлении образа будущей архитектурной композиции с преобладающей высотной координатой, необходимо отдавать предпочтение либо низкому, либо высокому горизонту – избегая горизонтов делящих композицию на две части (рис. 2).

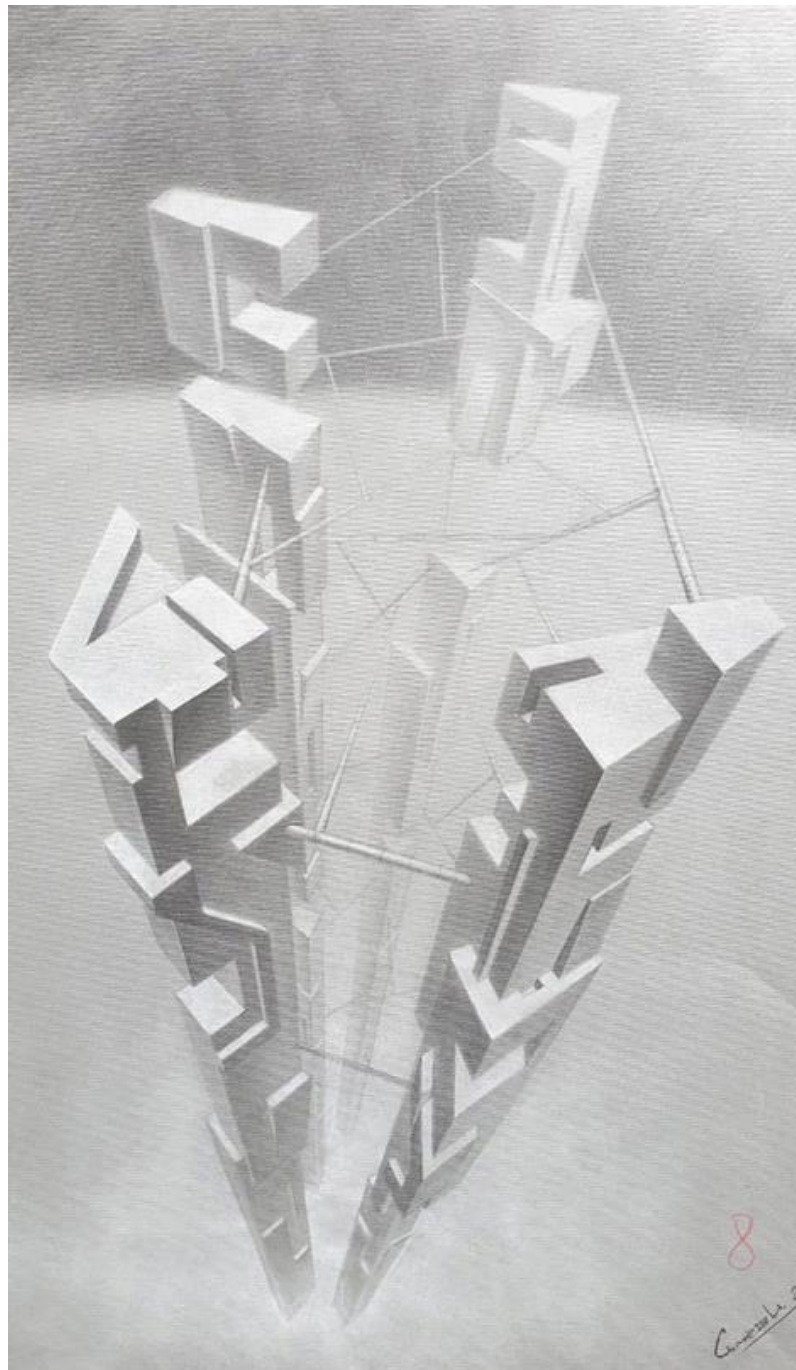

Рис. 2. Задание по архитектурной композиции по воображению. НГУАДИ [5]

В процессе работы акцентировать внимание студентов на том, что в этом задании ставится задача не только на выявление объемно-пластических свойств, но и на создание архитектурного образа будущей композиции, широко используются средства воздушной перспективы, акценты первого плана.

Как и в предыдущей работе, весь процесс создания архитектурного образа можно разбить на четыре основных этапа:

1. Этап ассоциативного осмысления: автор формулирует основные цели и задачи будущей композиции, а также выбирает принципы моделирования.

2. Графический поиск оптимального варианта: делаются варианты зарисовки с той или иной линией горизонта, без мелкой детализации с учетом логики и закономерностей формообразований в пространстве, осваиваются основные принципы развития архитектурной композиции.

3. Эскизирование ведется с проработкой основных масс композиции. Выявляется композиционный центр, ведется проработка основных деталей и выполняется на форматном листе выбранным материалом: карандаш, уголь, сангина и др.

4. Воплощение выбранной архитектурной композиции выполняется на форматном листе с тщательной проработкой форм, светотенью, обобщением и завершением работы.

В самом начале работы необходимо избегать «засорения» композиции деталями. Следовательно, упрощение на первом этапе работы необходимое, если не главное условие. В процессе рисунка важно продумать пластическую составляющую, избегая сложных криволинейных форм.

Необходимо помнить, что процесс поиска и эскизирования отличается от ведения работы с готовой композицией, так как рисунок будущей архитектурной композиции по воображению необходимо вести к усложнению последовательно. На основе анализа наиболее часто допускаемых студентами при выполнении задания ошибок, нами были сформулированы следующие методические принципы:

- не прорисовав «каркас» – не приступать к деталям;
- не проработав одну деталь – не приступают к другой;
- в работе «не сорить» разнообразием «ассортимента» форм;
- постараться не уходить от заранее выбранного варианта;
- широко использовать в рисунке проникновение (внедрение) одной формы в другую.

После того, как в процессе работы достигнута целостность крупных масс, приступают к деталям. Причем, если деталь нарушает общий пластический строй, ее необходимо убрать, либо подчинить общей идее – первоначальному замыслу. В длительной работе над композицией не надо жалеть время на более точное построение.

Работу ведут большими планами, не допуская преждевременной нагрузки деталями и излишней черноты. Используемый фон не должен превалировать над изображением, но и предметам не должно быть «тесно». Если предметы «упираются» в границы картинной плоскости, то тем самым исключается возможность передачи пространства.

Необходимо помнить, что увеличивая акцент первого плана (выдвигая предметы «на себя»), мы придаем ему большую значимость и монументальность. Камертон активности в проработке деталей, света, контрастов – это композиционный центр. Другие детали должны быть менее активны и подчиняться главному. Каждая тень в рисунке должна принадлежать объему, лежать на поверхности

и помогать выявлять форму. Большое значение в работе над архитектурной композицией имеет фактура штриха, которая корректирует эмоциональную оценку массы формы – чем крупнее фактура, тем больше кажется масса (рис. 1, 2).

Выводы. Рисунок архитектурной композиции по воображению является важным этапом в формировании полноценного проектировщика – архитектора и дизайнера. Во многом это обусловлено спецификой самого карандашного рисунка, благодаря чему его значение для развития ряда важнейших категорий профессионального мышления, в частности, в архитектуре и дизайне, только возросло в век компьютеризации. Значение рисунка архитектурной композиции по воображению определяется следующим:

- необходимостью решать сложный комплекс профессиональных и композиционно-технических задач, когда студент вынужден выйти из компьютерной «зоны комфорта» и развивать свое профессиональное воображение комплексно и на всех уровнях – и головой и руками.
- прямая связь между композиционной идеей (ее архитектурным образом, постановкой формы, графикой) и автором, когда студент напрямую привязан к своим собственным профессиональным навыкам и умениям, которые освоил в процессе обучения.
- гибкость и многозначность карандашного рисунка как средства фиксации архитектурных образов создает наиболее широкое поле для развития архитектурно-композиционного воображения.

Все вместе это обеспечивает условия для развития такой важной для архитектора и дизайнера профессиональной способности, как способность генерировать совершенно новые архитектурные образы, пространства и формы.

Список литературы

1. Кокорина Е.В. Архитектурный рисунок как креативная составляющая языка профессиональных коммуникаций: автореферат дис. ... кандидата архитектуры: 05.23.20 / Кокорина Е.В.; [Нижегор. гос. архитектур.-строит. ун-т]. – Нижний Новгород, 2011. – 23 с.
2. Ли Н.Г. Рисунок. Основы учебного академического рисунка: учебник / Николай Ли. – М.: Эксмо, 2017. – 480 с.
3. Максимов О.Г. Рисунок архитектора, как генератор его профессиональной культуры и творчества / О.Г. Максимов // *Архитектура и строительство России*. – 2014. – № 12. – С. 36–40.

Список источников

4. Заха Хаидид (31.10.1950 – 31. 03. 2016) [Электронный ресурс]. – URL: <http://isi.sfu-kras.ru/node/2671> (дата обращения: 27.06.2020).
5. Самойлов В.В. Личный архив.

Иванова Е.Г.

*seleniya7@gmail.com*Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.013

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1021

ББК: 85.110

**СВЯЗЬ «АБСТРАКТНОЕ–КОНКРЕТНОЕ»
В ПРОГРАММЕ ДИСЦИПЛИНЫ
«ОБЪЕМНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОМПОЗИЦИЯ»**

Аннотация. В процессе профессионального обучения архитекторов и дизайнеров архитектурной среды композиционные задачи могут решаться в рамках автономной дисциплины, или же включаться в курс проектирования. В арсенале автономного курса «Объемно-пространственная композиция» наряду с упражнениями на абстрактное макетное моделирование должны присутствовать задания, связанные с архитектурной конкретикой. В статье представлена классификация учебных мероприятий, направленных на актуализацию связи абстрактных моделей с реальностью архитектуры, реализованных в НГУАДИ за период с 2009 г. по настоящее время. Выявлены четыре типа учебных заданий, различающихся последовательностью действий и ожидаемым результатом.

Ключевые слова: архитектурно-дизайнерское образование; композиция; абстрактная модель; макет.

Введение. В профессиональном образовании архитекторов и дизайнеров архитектурной среды существенную роль играет композиция. В учебном процессе дисциплина может быть представлена как отдельный независимый курс, или же композиционные задачи могут встраиваться в курс проектирования (авторские программы С.А. Малахова, А. Токарева и др.). Программа по композиции, фундамент которой был разработан во ВХУТЕМАСе и воспринят МАРХИ, предусматривает изучение и реализацию в макете основных видов композиции: фронтальной, объемной и пространственной. В основе лежит работа с абстрактными моделями, где для решения сугубо художественных задач происходит отвлечение от конкретной функции, материалов, конструкций, градостроительного контекста и т.д. Однако связь абстрактных моделей с реальностью архитектуры осуществляется в автономных курсах композиции на самых ранних этапах развития дисциплины, а также в современных вузовских программах (например, программы «Объемно-пространственная композиция» и «Композиционное моделирование» в МАРХИ).

В различных версиях программ автономного курса композиции в НГАХА-НГУАДИ, преподаваемого на кафедрах Архитектурной теории и композиции (АТиК), Основ архитектурного проектирования, истории архитектуры и градостроительства, связь «абстрактное – конкретное» целенаправленно реализуется с 2009 г. по настоящее время. Предыдущий период преподавания дисциплины не рассматривался, хотя в эти годы композиционные задания координировались с соответствующими темами проектирования. В процессе изучения исходных материалов обращалось внимание на целенаправленные программные мероприятия, не учитывались отдельные частные случаи использования композиционных моделей

в учебном проектировании (архитектурные и дизайнерские проекты, работы в рамках конкурса «Сибьювелир» и т.д.).

Цель работы – выявить и охарактеризовать варианты целенаправленного существования связи «абстрактное–конкретное» в рамках курсов «Композиционное моделирование» и «Объемно-пространственная композиция» (ОПК).

Материалы и методы. Объектами анализа стали материалы из архива кафедр АТиК и ОАПИиГ: презентации объяснительного чтения, тексты заданий, фонд студенческих работ, а также опубликованные методические разработки.

В процессе анализа использовалось известное деление мышления на аналитическую и продуктивную (синтетическую) составляющие. Согласно И.И. Богомолу, такое деление условно, и в жизни все гораздо сложнее. Тем не менее, в образовательном процессе в тех или иных учебных мероприятиях может доминировать то одна, то другая «линия». В первом случае мысль ««перемещается» от конкретного объекта через выявление его существенных признаков к отвлеченным аналитическим моделям». Для второй составляющей характерна следующая «траектория» мысли: она «начинает свое движение от смутных абстрактных идей и образов воображения, постепенно обрастает “плотью” деталей и подробностей и материализуется, наконец, в конкретной форме» [1, с. 16].

В ходе сравнительного анализа учебных материалов оценивались предлагаемые траектории движения поискового процесса и конечный результат.

Результаты. За указанный период преподавания курса композиции было выявлено 4 пути формирования навыков перехода от абстрактных моделей к конкретике архитектурных образов и наоборот.

Мероприятия первого типа демонстрируют синхронное сопоставление абстрактных моделей и конкретных архитектурно-градостроительных форм:

- объяснительное чтение при выдаче каждого задания направленно на раскрытие содержания композиционных закономерностей и приемов при сопоставлении абстрактных моделей с конкретной архитектурой – памятниками и современными объектами;
- терминологическая клаузура относится к вводной части курса, цель задания – уяснить универсальную роль закономерностей и средств композиции в организации абстрактных и конкретных архитектурных форм (рис. 1).

Мероприятия второго типа. Работа в целом идет последовательно от «абстрактного» к «конкретному», в результате должны быть получены архитектурные образы. Это направление реализуется в заданиях на архитектурную интерпретацию отвлеченных композиционных идей – разработку архитектурных образов с учетом функции, детализовки, материалов, окружающего контекста и т.д.:

- клаузуры на архитектурную интерпретацию абстрактных объемных и конструктивных композиций (рис. 2);
- упражнения из опыта МАРХИ на создание архитектурных образов по абстрактным композициям художников-авангардистов с помощью компьютерных технологий (рис. 3); методика Н.А. Рочеговой, Е.В. Барчуговой [5, с. 130–140];
- графические листы и видеоролики (рис. 4) на базе пространственной композиции с целью её архитектурно-масштабной разработки и оценки с точки зрения движения зрителя внутри формы [3].

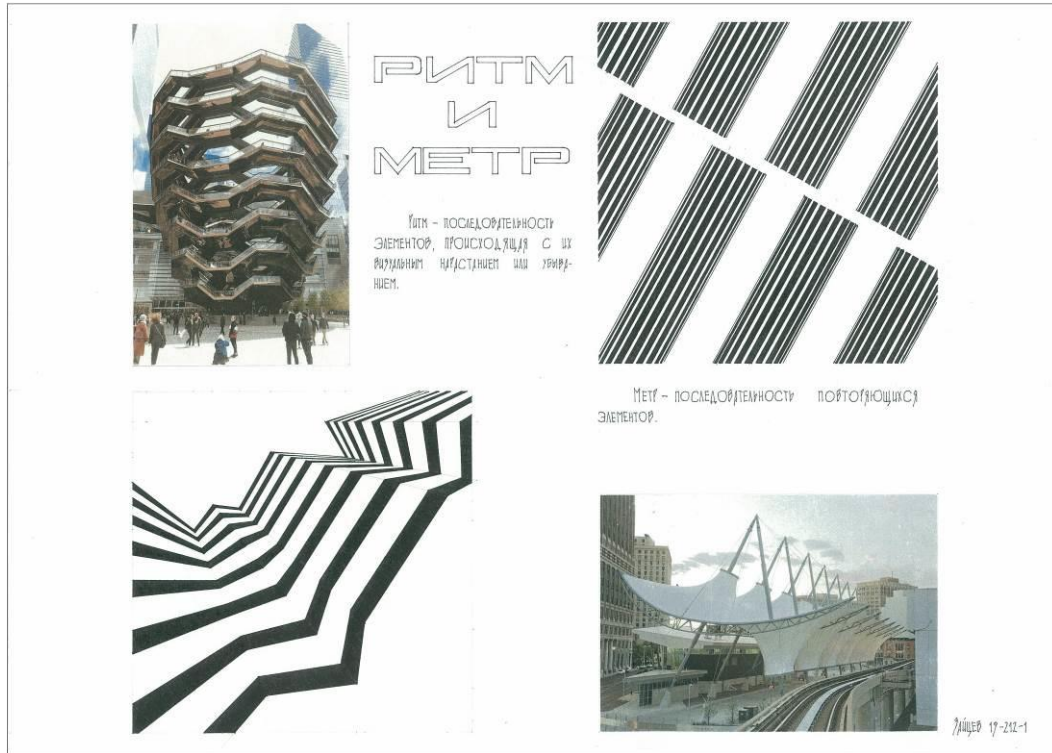

Рис. 1. Терминологическая клаузура.
Работа студента А. Зайцева, руководители: О.Л. Кошеутова, А.В. Галикберова [6]

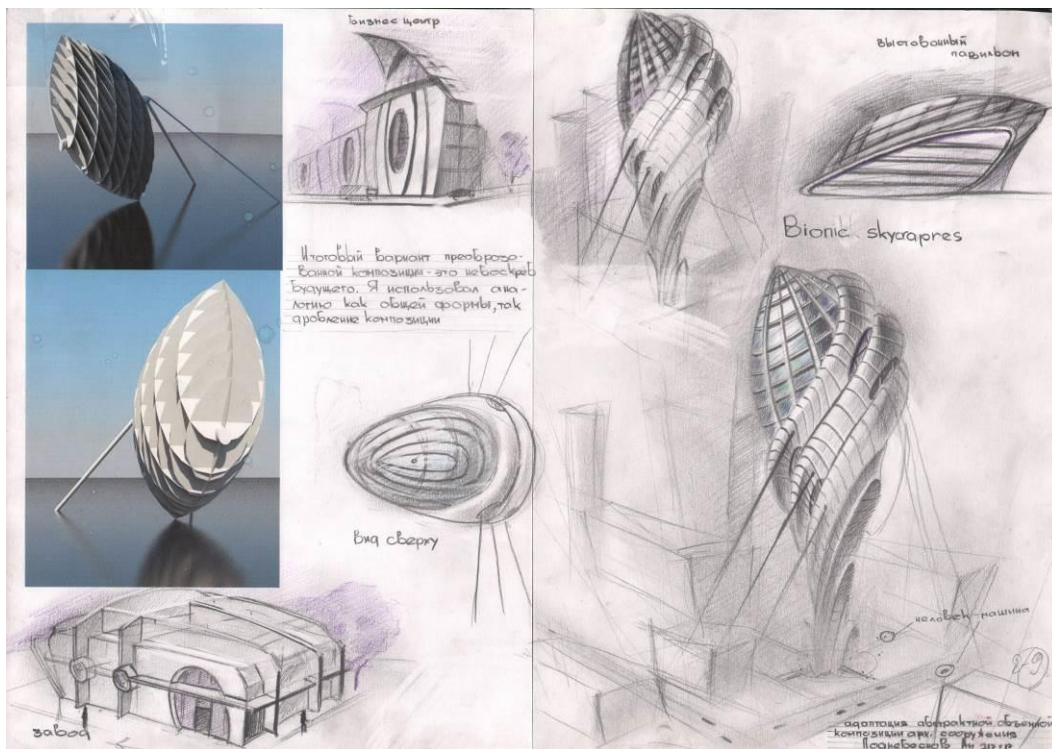

Рис. 2. Клаузура «Архитектурная интерпретация абстрактной объемной композиции».
Работа студента А. Поднебеснова [6]

Архитектурная интерпретация абстрактной композиции

Рис. 3. Виртуальное композиционное моделирование архитектурного объекта на основе абстрактных работ авангардистов начала XX в. (по методике Н.А. Рочеговой и Е.В. Барчуговой). Работа студентки В. Рамазановой [6]

Информаторы масштаба в глубинно-пространственной композиции
Кадры видеоролика

Рис. 4. Введение информаторов масштаба в глубинно-пространственную композицию. Кадры видеоролика. Работа студентки А. Ангилевко, руководитель: Е.Н. Клявня [6]

Для заданий третьего типа характерно последовательное движение по траектории «конкретное» – «абстрактное». К этой категории относятся разнообразные упражнения на композиционный анализ архитектурных и градостроительных объектов (пропорциональный, структурный, стилистический, сравнительный и т.д.). В результате такого анализа появляются абстрактные модели-формулы, описывающие определенные свойства исходных объектов. Последующая продуктивная разработка новых конкретных объектов на основе полученных схем не предполагается.

Задания четвертого типа можно рассматривать как вариант соединения двух предыдущих. Здесь реализуется траектория «конкретное» – «абстрактное» – «конкретное», где основой композиционного решения нового объекта служит конкретный существующий объект (объекты), и в результате поиска получают архитектуроподобные образования, представленные в виде макетов или ортогональных проекций:

- эксперименты, связанные со стилистическим обновлением курса и целенаправленным продуцированием архитектуроподобных идей в макетном виде для последующего использования по теме проектирования, методика Т.В. Гудковой;
- композиционный анализ архитектурного объекта (или контекста) и сочинение нового объекта, базой формообразования которого служат результаты композиционного анализа, в том числе пропорционального (рис. 5), учиты-

ваеся также композиционная роль нового объекта в окружении, то есть актуализируются ансамблевые связи [2].

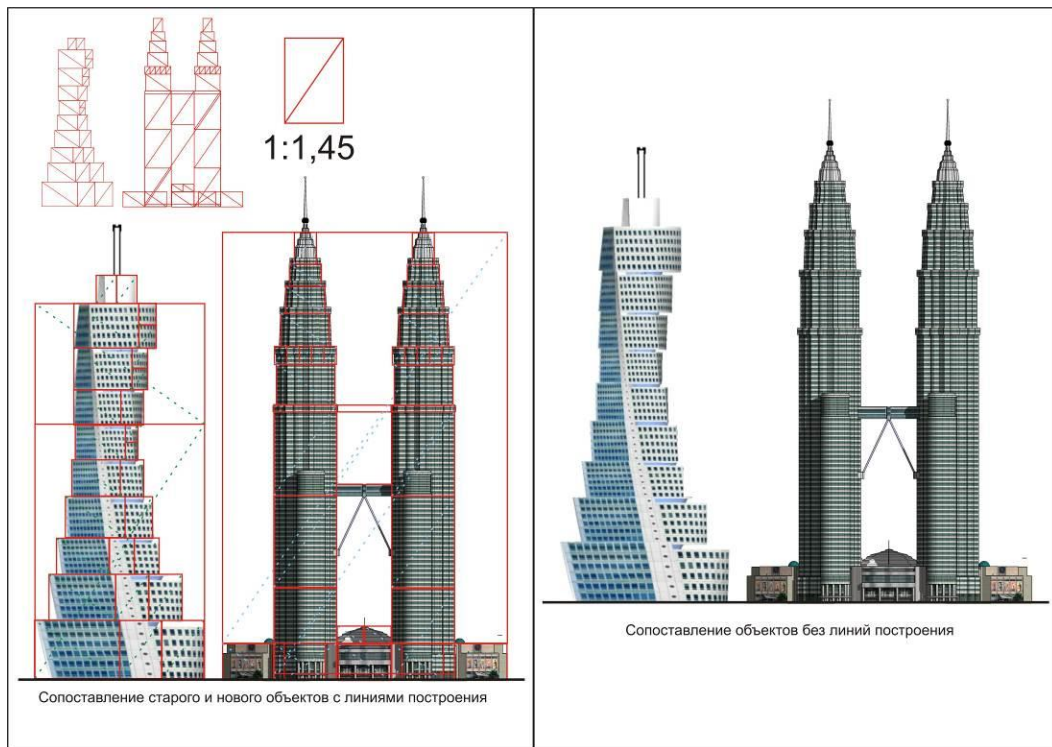

Рис. 5. Гармонизация архитектурного объекта по геометрическому подобию. Работа студента Е. Ткача [6]

В полученную классификацию не были включены композиционные задания на основе конструкций, в результате которых получались архитектуроподобные макеты, напоминающие реальные здания и сооружения.

В настоящее время из перечисленных образовательных мероприятий по выявлению связей «абстрактное – конкретное» в программе ОПК для 2 курса реализуются объяснительное чтение, «Терминологическая клаузура» (рис. 1) и клаузура «Архитектурная интерпретация абстрактной объемной композиции» (рис. 2).

В последнее время было замечено, что студенты не всегда свободно и точно владеют терминологией и навыками композиционного анализа. Порой они затрудняются описать свой замысел языком композиции, а ведь вербализация, теоретические представления – то, что отличает профессию от ремесла [4, с. 20, 22]. Непонимание сути композиционных девизов, которые по заданию необходимо применить в работе, отчетливо проявляется в макетах. Учебная работа «Терминологическая клаузура» была включена в программу в этом учебном году для восполнения пробела в знаниях основных понятий и средств композиции и оценки точности оперирования терминами. После вводного объяснительного чтения и эскизирования на тему фундаментальных композиционных закономерностей и средств обучающимся предлагается выбрать одну оппозиционную пару из предложенных: «нюанс-контраст», «ритм-метр», «центр-ось композиции» и т.д. Затем в произвольной графике необходимо равновесно и соразмерно скомпоновать на листе минимум две придуманные плоскостные абстрактные композиции из любых форм, соответствующие выбранным девизам, а также найти минимум два

примера архитектурных объектов, соответствующих своим композиционным устройством выбранной теме. При этом рекомендуется графически выделить на фотографии или рисунке архитектурных объектов заявленные композиционные закономерности. Задание включает также текстовые определения выбранных композиционных пар.

Цель клаузуры «Архитектурная интерпретация объемной композиции» – создать «мостик» от абстрактной пропедевтики к конкретному проектированию. Исходным объектом для преобразований становится макет абстрактной объемной композиции. В результате выполнения клаузуры появляется эскизный вариант архитектурного объекта, который можно использовать для разработки по теме проектирования. В процессе работы над заданием развивается мобильность мышления, тренируются навыки владения масштабом. Однако следует заметить, что не всем студентам легко дается умение увидеть и использовать формообразующий потенциал абстрактного объемного макета применительно к архитектурному объекту: выразительные идеи порой остаются незамеченными и невостребованными. Следует отметить и то, что не всегда любой абстрактный образ можно с легкостью адаптировать к определенной функции.

Выводы. Для полноценной реализации композиционных навыков необходимо постоянно держать в поле зрения связь «абстрактное» – «конкретное». Все четыре направления реализации этой связи, выявленные при анализе опыта преподавания композиции в НГАХА-НГУАДИ на кафедрах Архитектурной теории и композиции и Основ архитектурного проектирования, истории архитектуры и градостроительства, имеют ценность для образовательного процесса.

Мероприятия первого типа необходимы для наглядного синхронного сопоставления теоретических конструкций и вариантов их практического воплощения. Задания второго типа, где абстракция является основой для дальнейшей детализации, обладают потенциалом для поиска неожиданных оригинальных решений. Задания двух последующих типов требуют пристального изучения конкретных исходных объектов, что способствует развитию у студентов навыков выявления композиционных связей и использования результатов композиционного анализа в творческой проектной деятельности.

Список литературы

1. *Богомолов И.И.* Начала объемно-пространственного формообразования: учебно-методическое пособие по архитектурной композиции и основам архитектурного проектирования / И.И. Богомолов; Пензенский гос. архит.-строит. институт. – Пенза, 1995. – 52 с.
2. Геометрическое подобие: анализ и гармонизация: Учеб. пособие для вузов / Сост. Е.Г. Иванова; Новосиб. гос. архит.-худож. акад. Каф. АТиК. – Новосибирск, 2008. – 56 с.
3. Организация глубинно-пространственной композиции с использованием программы SketchUp: учеб.-метод. пособие / авт.-сост. Е.Г. Иванова; Новосиб. гос. архит.-худож. акад. – Новосибирск, 2014. – 40 с.
4. *Раппопорт А.Г.* Форма в архитектуре: Проблемы теории и методологии / А.Г. Раппопорт, Г.Ю. Сомов; ВНИИ теории архитектуры и градостроительства. – М.: Стройиздат, 1990. – 344 с.
5. *Рочегова Н.А.* Основы архитектурной композиции. Курс виртуального моделирования: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Н.А. Рочегова, Е.В. Барчугова. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 320 с.

Список источников

6. Архив кафедр Архитектурной теории и композиции (АТиК), Основ архитектурного проектирования, истории архитектуры и градостроительства (ОАПИАиГ) НГУАДИ.

Марьясова М.К.

mar98asova@gmail.com

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова
Национальный медицинский исследовательский центр
(НМИЦ) имени академика Е.Н. Мешалкина,
г. Новосибирск, Россия
Максименко В.И.
г. Новосибирск, Россия

УДК: 727.7+72.012.8+745/749 DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1022
ББК: 85.128

ДИЗАЙН МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ФУНКЦИЯ

Аннотация. Рассматривается опыт создания дизайна музеев Новосибирска с целью обеспечения новых форм музейной деятельности. Одной из них является просветительская функция и рост значения впечатлений: от культурно-исторического контекста экспонатов, от знакомства с их материалом и техникой изготовления. Музеи становятся площадками для проведения обучающих занятий, которые развивают интерес к современному народному творчеству и науке. С одной стороны, это требует организации соответствующих функциональных мест и необходимой среды, прежде всего освещения. С другой стороны, сибирские музеи вынуждены учитывать ограниченные возможности финансирования.

Ключевые слова: музей; декоративно-прикладное искусство; экспозиционный и информационный дизайн; образовательная деятельность, интерьер.

Введение. Долгое время музейным пространством было принято считать физические границы помещений, что давно не соответствует деятельности музеев декоративно-прикладного искусства, ориентированных на развитие представлений о материале. Музей стал сегодня не только образовательной, но и коммерческой организацией, что заставляет искать новые пути развития музейной программы. Это меняет и дизайн современного музейного пространства, в котором наличие вместительного зала, преобразуемого в лекторий, стало стандартом. Пример этого процесса – новосибирские музеи, где постепенно появляются помещения для занятий, сцена или подиум, требующие специального освещения.

Музеи стали популярным местом для тематических вечеров, что расширяет круг посетителей и формирует атмосферу интеллектуального клуба. Световое зонирование зала позволяет малыми средствами создавать атмосферу небольших творческих мероприятий, подобно тем, что регулярно проводятся многочисленными музеями-усадьбами по всей России. Сегодня просветительская деятельность – это потенциально важный вид музейной деятельности, оказывающий существенное влияние на дизайн музейного пространства.

Материалы и методы. Анализируется опыт, полученный авторами статьи при организации мастер-классов в музее «Сибирская береста» (г. Новосибирск), и проектировании интерьера общественного назначения, полученный Марьясовой М.К. в музее Института цитологии и генетики СО РАН. В «Сибирской бересте» требовалось приспособить пространство под расширение музейной программы (введение музыки, рисунка и берестяной пластики). Во втором случае переезд

мемориальной комнаты в помещении значительно большей площади потребовал организовать новый интерьер.

Результаты. Одно из возможных направлений работы музеев в будущем – проведение универсальных мастер-классов и развитие клубно-концертной деятельности. В конце 2020 г. группой авторов на базе музея «Сибирская береста» была разработана пробная программа «Дух Рождества», включавшая в себя знакомство с русской традицией детского вертепного театра, создание декораций и т.д. Серия мастер-классов по работе с берестой была подготовлена и проведена Варварой Ивановной и Иваном Васильевичем Максименко. Ее особенность – отказ от использования колюще-режущих инструментов. Материалами пробной декорации вертепного театра послужили несколько листов ватмана, акварель, глина и гуашь. Лепные фигурки из глины могут быть заменены на не требующие каркаса фигурки из полимерной пластики (рис. 1).

Рис. 1. Рождественская декорация (ватман, акварель, глина, гуашь, гофрированная бумага). Работа с берестой. Сопроводительный плакат. Музей «Сибирская береста», 2021 г. Фото: Марьясова М.К. [4; 6]

Обучение плетению утилитарных предметов из полос бересты может развиваться на любой площадке. Как показывает практика, для подобных уроков не требуется специальной предварительной подготовки, необходима аптечка, же-

лательны столы и тематические экспонаты. Фоновая программа (пение, игра на традиционных музыкальных инструментах, знакомство с материалом) помогает развить художественный вкус. Рассказы о мистических существах из русского народного фольклора, заставляли посетителей внимательно изучать изображенных в монохромной манере существ: леших, русалок и т.д., обращать внимание на уровень детализации изображения, который способен передать материал при различных способах его обработки.

Источником вдохновения в создании украшений для вертепного театра и новогодней елки могут быть: узоры В.К. Шмидта (набор «Папоротник расцвел»), К. Галина (туес «Сибирский мотив», блюдо «Медведь и поводырь»), В. Томилина (туеса «Чудские мотивы», «Былина», приемы лубочной росписи, образы животных И. Черемисова, берестяные иконы О. Зориной, В. Маздорова и др. [5, инв. №№ 0081, 0337, 0114, 0405/1-7, 0423, 0330, 0256]). Работы этих известных авторов представлены в постоянной экспозиции «Сибирской бересты». Разучивание колядок и знакомство с русской иконописью играло важную роль, пробуждая вдохновение и интерес к русской культуре.

Предложенную обучающую программу нельзя назвать завершенной, однако ее универсальность придает ей большую степень варибельности и устойчивости, поскольку посетитель может выбирать ту часть, которая ему наиболее интересна. Программа легко перестраивается по уровням (создание комплекта украшений или сладкого подарка) и в зависимости от времени года. Основная идея в том, чтобы комплексной работой света, фона и спецэффектов стимулировать развитие творческого подхода к иллюстрированию и абстрактное видение.

Береста подбирается под тип изделия. Фактурность и характер материала могут быть использованы для усиления мимических черт или драматизации сюжета. Хорошим поделочным материалом служит пейзажная береста, которую легко найти на упавших деревьях, обильнее зарастающих мхом и лишайником. В пробной версии вместо бересты использовался ватман (сверху покрывался аэрозольным лаком). Для многолетней эксплуатации более подходит тонкая фанера, раскрашиваемая, например, акрилом и лакируемая. Проработав детали, можно произвести необходимое упрощение, позволяющее перенести рисунок на фанеру.

Сложно и не всегда необходимо вносить изменения в сформировавшийся интерьер музея. Пробуя программу, мы задействовали возможности и акустические особенности основного зала, трансформировав его часть под сцену и используя большой стол для посиделок и мини-мастерской. Большой стол организует пространство зала: на нем удобно работать с экспонатами, делать поделки, он незаменим при проведении различных коллективных мероприятий.

В поддержание русской культуры в музее был организован праздник, потребовавший соответствующего оформления зала (рис. 2). При оформлении мы исходили из того, что современная русская культура – явление синтетичное, вбирающее в себя и западные и восточные веяния. Новые тренды в культуре возможны при соединении литературы, живописи, ремесла и музыки, а посещение музея должно стать ярким и многогранным событием, не сводящимся лишь к просмотру экспонатов. Выстраивание интерактивного диалога с посетителем должно происходить не только вокруг экспонатов, но и в форме мастер-классов, ориентированных на получение знаний о материале, принципах работы с ним, и об особенностях ремесла. В этом случае просветительские цели определяют структуру музейного пространства.

*Рис. 2. Праздничное оформление основного зала музея «Сибирская береста».
Фото: Марьясова М.К. [4; 6]*

Современный музей является также досуговым пространством – чем уютнее будут организованы такие помещения, тем более будут востребованы. Свободная расстановка экспонатов, способствующая быстрой адаптации музейного зала в помещении лектория, очень удобна, так как позволяет гибче вести экскурсии: где-то посетители могут задержаться дольше, присесть и послушать полноценную лекцию. Наличие отдельного зала, оборудованного средствами мульти-медиа может быть очень удобным. Разработанный Марьясовой М.К. для Института цитологии и генетики (г. Новосибирск) подобный музей-лекторий активно используется для общественных мероприятий (рис. 3).

*Рис. 3. Музей истории генетики в Сибири Института цитологии и генетики
(г. Новосибирск). Фото: Марьясова М.К., к.б.н. Коваль В.С. [4]*

Это пример научного музея, в котором изначально не было зрелищных экспонатов, поэтому при создании дизайна помещения основной акцент был сделан на проведение тематических мероприятий с использованием проекционного оборудования, и обеспечение посетителей не только сведениями об истории создания института, но и актуальной информацией о развитии генетики сегодня. В настоящее время сотрудниками института экспозиция была существенно доработана. Появились объемные экспонаты, например, «Землянка майора Беляева». Это позволило вести в музее работу по патриотическому воспитанию (Д.К. Беляев был участником Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Традиции ставить в институте землянку на 9-е мая уже несколько десятилетий.

Один из альтернативных способов развития научных музеев – использование голограмм – в России недоступен из-за ограниченного финансирования. Один из выходов – развитие музейного театра. Когда речь идет не о сложных историко-архитектурных комплексах или дорогостоящих артефактах, небольшие пьесы, иллюстрирующие те или иные темы, способны оживить музейную программу, предполагающую частую смену сюжетов. Трансляция представления может быть не менее эффективной, чем дорогостоящая голограмма.

Опыт показал необходимость организации небольшого эргономичного подиума или особой зоны, где можно моделировать и перестраивать освещение. Игра света и теней способна значительно усилить эффект даже от небольшого представления. Такая зона была организована на средства бюджета в части музейного зала, отведенной под моделирование исторической среды (*рис. 3*).

Так как многие проблемы знакомы лишь штатным сотрудникам, и о них не всегда имеют представление проектировщики, среди зарубежных музейщиков однажды было озвучено мнение (М. Люперц), что архитекторы нередко страдают художественным тщеславием. Музею «нужно не больше четырех стен, хороший свет сверху и две двери: одна для входа, другая для выхода» [3, с. 33]. С ним можно соглашаться или нет, однако наличие большого свободного пространства и рекреаций всегда более выгодно для музея, чем отсутствие таковых. Как и для любых бытовых предметов, для музейного оборудования действуют свои правила эргономики (ГОСТ Р 8.586-2001 ГСИ). При проектировании музейных помещений необходимо избегать скученности в условиях дефицита пространства. Достаточно мысленно или в реальности очертить вокруг группы или отдельного предмета круг – запас свободного места, учитывающий реалии эргономики.

Соблюдение норм СНиП «Общественные сооружения» и эргономики не мешает выгодно представить экспонаты. Современная музейная эстетика предполагает творческий подход к комбинациям света и тени, насыщенного и приглушенного цвета, использованию контрастных материалов и фактур. Группа посетителей слушает рассказ экскурсовода стоя и передвигается от экспоната к экспонату не только в соответствии с ходом рассказа, но и самостоятельно. Для них удобно, когда есть возможность одновременно слушать и рассматривать экспонаты. Экспозиция может быть составлена с учетом различного роста и возраста посетителей. Для дошкольников полезны реплики подлинных артефактов, которые можно потрогать руками – это информативнее.

Анализ литературы по проектированию выставок показал, что среди многочисленных публикаций о музеях, вышедших в нашей стране, наиболее значимым остается издание 1989 г. [2]. Прогнозируя возможные пути развития музея в XXI в., отдельные статьи сборника раскрывают темы информационной ценности

и семантики выставок, подчеркивая переход от принципов художественного оформления к экспозиционному дизайну [2, с. 55–56]. Для новосибирских реалий ценно замечание: необходимо «таким образом сгруппировать экспонаты, чтобы информация, возникающая от их соединения, превышала сумму информации, получаемых от каждого отдельного» [2, с. 44]. Это актуально для предметов декоративно-прикладного искусства, поскольку посетителя интересуют не только их форма и цвет, но и техника изготовления.

Популярный еще недавно деконструктивизм ставил на первый план текст. Один из трендов современности – быстрота усвоения информации, которую, как показал и наш опыт, выгоднее представить в виде диорамы или макета, а не текста. Востребованной остается игра архитекторов-деконструктивистов с объемами, светом и тенями. Контрасты фактур могут служить прекрасным фоном для музейных предметов, но громоздкие объемы захламляют музейные подсобки. Эффектнее и проще организовать свет, однако построен ли современный музей на культуре лишь искусственного света? Сочетанием инсоляции и почти полного затенения также можно создать столь выгодный для драматизации колористический фон. Стекло в целом лучше сохраняет музейные предметы от выгорания, но другой современный тренд – оргстекло. Поэтому контролируемое затенение – прекрасный способ создать живую атмосферу, важную для осуществления просветительской деятельности и сохранения экспонатов.

Выводы. При проектировании современного музейного пространства архитектору или дизайнеру интерьера следует учитывать новый характер функции просвещения посетителей. Сегодня музей экспонирует не только подлинные артефакты – предметы, чья ценность доказана экспертами, но и историю их появления. Соответственно, возросло значение универсального и легко трансформируемого пространства, используемого для просветительских целей. Не технические инновации диктуют его дизайн (в музейном деле они лишь медиа-средства), а задачи выявления специфики экспозиции и запечатления у посетителя музея ее целостного образа. При грамотной организации среды даже малоформатная выставка способна спровоцировать общественно-культурный резонанс и привлечь в музей посетителя. Музейное помещение, будучи оболочкой коллекции, выполняет при этом свою высокую культурно-социальную роль.

Список литературы

1. Логинова А.А., Долнаков А.П. Архитектура медиа-центров // *Региональные архитектурно-художественные школы*. – 2013. – № 1. – С. 145–148.
2. На пути к музею XXI века: Сб. науч. тр. / [Редкол.: Н.А. Никишин (отв. ред.) и др.]; М-во культуры РСФСР, АН СССР, НИИ культуры. – М.: НИИК, 1989 (1990). – 217 с.
3. Музей как сообщество в условиях глобализации: [пер. с нем.: ксерокопия]/ М-во культуры Рос. Федерации, Рос. ком. междунар. совета музеев (ИКОМ России); в подгот. рус. изд. приняли участие: А.С. Колупаева [и др.]. – М.: ИКОМ России, 2002. – 113, [3] с.

Список источников

4. Марьясова М.К. Личный архив.
5. ОФ музея «Сибирская береста» (экспонаты выставочного зала).
6. Сибирская береста. Музей [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/siberian_beresta (дата обращения: 18.12.2021).

SUMMARY

CURRENT PROBLEMS OF TOWN PLANNING

Tumanik G.N.

Kolpakova M.R.

g.tumanik@yandex.ru

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1001

SIBERIAN (NOVOSIBIRSK) URBAN PLANNING SCHOOL AND MODERN PROBLEMS OF URBAN ENVIRONMENT FORMATION

Abstract. The article is devoted to the birth, formation and results of the work of the Siberian (Novosibirsk) urban planning school, which over time gained scientific potential based on the rich experience of practical work in the field of urban planning design. Applied character of scientific generalizations and researches is a feature of the school and explains its relevance in modern urban planning practice, going through a difficult period of reform.

Keywords: urban planning; urban planning legislation; urban planning policy; human habitat; urban planning school.

Shalygina D.N.

dyudanova@yandex.ru

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia
Scientific adviser is Erohin G.P.

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1002

HOUSING CONSTRUCTION IN NOVOSIBIRSK IN THE POST-SOVIET PERIOD: THE NATURE OF SPATIAL-PLANNING TRANSFORMATIONS

Abstract. A systematic analysis of the technical and economic indicators of housing construction in Novosibirsk in the period from 1985 to 2015 was carried out. The features of the spatial planning development of the central part of the city, the middle zone, peripheral and suburban residential formations are compared. The similarity in the evolution of the housing sector of Novosibirsk and the largest cities of the former socialist bloc in the period of changing socio-economic conditions of the late XX – early XXI centuries was revealed.

Keywords: housing construction; urban planning system; spatial organization of the city.

Shafray E.S.*ek.sh2012@yandex.ru**ekaterina@hnu.kr*

Hannam University, Architecture Dept., Daejeon, S. Korea

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1003

ROLE OF DESIGN FOR SOCIAL DISTANCING IN URBAN ENVIRONMENT: A REVIEW OF FOREIGN EXAMPLES

Abstract. One of the recent relevant issues that many people, organizations, enterprises, administrations and the city as a whole have faced during the past year is how to live, to safely and successfully organize various activities and to communicate with people in the context of the new coronavirus pandemic. In the urban environment of many cities around the world, the concept of social distancing is used as a measure to prevent the spread of the new coronavirus infection. This article provides an overview of the urban design of open public spaces (such as parks, city squares, parklets, etc.) and indoor public spaces (cafes, co-working spaces, offices, etc.) that implement the method of social distancing through design. The article examines both examples of adaptation of already existing spaces and new ideas specially developed taking into account the problem. The specifics of contemporary urban design and urban studies include the need to take into account constantly changing factors, such as environmental problems, big data and GIS, privacy and digitalization, human mobility, safety and prevention of infections, and the willingness to include new problems in the spectrum of tasks. This article problematizes the possibilities and role of urban design, which can be actively used for social distancing in an urban environment.

Keywords: social distancing; elements of urban design; behaviorism in space; personal space; adaptation of public space for coronavirus pandemic prevention.

Sandanova B.B.*san-bai@yandex.ru*

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia
Scientific adviser is Likhachev E.N.

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1004

FINNO-SCANDINAVIAN EXPERIENCE OF RENOVATION OF PULP AND PAPER INDUSTRY

Abstract. The experience of renovation of the pulp and paper industry in the cities of Norway, Finland and Denmark is considered. The features of the transport, housing and public policies of the cities under consideration are analyzed, the methods used for the renovation of industrial enterprises, as well as a set of measures that determine the further development of the city, are determined. The considered experience is of the greatest interest for small single-industry cities of Russia, mainly in the pulp and paper industry: Baikalsk, Murygino, Selenginsk, Pitkyaranta.

Keywords: renovation; pulp and paper industry; industrial enterprise; Finno-Scandinavian experience.

THEORY AND HISTORY OF ARCHITECTURE, TOWN PLANNING AND DESIGN. URGENT PROBLEMS OF ART CRITICISM

Kokarevich M.N.

korfrevich@mail.ru

Tomsk State University of Architecture and Building (TSUAB),
Tomsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1005

SOME LOGICAL SCHEMES OF ARCHITECTURAL DEVELOPMENT

Abstract. The article reveals the main logical schemes, models of architectural development, shows their identity to the models for the development of scientific knowledge developed in the field of science methodology. It has been consistently substantiated that the basis for such an identification of models of the development of science and architecture is the relative correlation of socio-humanitarian knowledge and architectural and artistic planning in the aspect of comparing the main structural units of the activities under consideration: subject, method, process, result of scientific knowledge and architectural planning.

Keywords: architectural and artistic planning; architectural paradigm; architectural development model.

Subbotin O.S.

subbos@yandex.ru

Kuban State Agrarian University (KSAU) named after I.T. Trubilin,
Krasnodar, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1006

GENESIS AND ARCHITECTURAL AND URBAN PLANNING DEVELOPMENT OF THE CITY-RESORT OF ANAPA

Abstract. The process of formation and the main trends in the urban development of the resort city of Anapa, which determine the continuity from the standpoint of the creation of architectural structures, as well as the careful preservation of the historical and cultural heritage, are considered. The strategic factor associated with the protection of the southern borders of the Russian state and which had a great influence on the formation of the architectural and planning structure of the urban settlement was especially noted. It was revealed that the geographical location of the city contributed not only to the development of economic ties between Russia and neighboring states, but also to the establishment of the settlement as a seaside resort. The study determined that special importance in the modern and future development of the city, as a rule, should be given to the comfortable formation of the living environment on the basis of its retrospective analysis.

Keywords: layout; history of architecture; improvement; living environment; Anapa.

Lisov A.G.

allisov@mail.ru

Vitebsk Order «Badge of Honor» State Academy of Veterinary
Medicine (VSAVM), Vitebsk, Belarus

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1007

CUBISM IN VITEBSK STATE ART WORKSHOPS

Abstract. The article examines the experience of teaching Cubism painting in the Vitebsk state art workshops, which in 1920–1922 took a special place in the practical development and implementation of the pedagogical system of the founder of Suprematism, artist K.S. Malevich. In accordance with his theoretical ideas about the development of painting from Cubism and Futurism to Suprematism, the study of Cubism was supposed to be the first step in mastering the new art.

Keywords: post-revolutionary reform of art education; Vitebsk; state art workshops; cubism; suprematism.

Starostenko Y.D.

ystarostenko@yandex.ru

Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (SRITHAUP, NIITIAG), branch of the Central Institute for Research and Design (CIRD) of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation, Moscow, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1008

IDEAS OF “RESIDENTIAL COMPLEX” AND “RESIDENTIAL COMBINE” IN THE SOVIET TOWN PLANNING OF THE SECOND HALF OF THE 1920s-EARLY 1930s.

Abstract. The article presents the hypothesis of the emergence of the ideas of “residential complex” and “residential combine”, examines the relationship of these ideas, traces their influence on Soviet urban planning at the turn of the 1920s – 1930s, and particularly their influence on the principles of designing residential quarters of Soviet cities.

Keywords: residential complex, residential combine, residential quarter, discussion of socialist settlement, Soviet town planning

Dukhanov S.S.

ssd613@ngs.ru

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1009

A NEW SOURCE ON THE HISTORY OF ARCHITECTURAL AND ARTISTIC EDUCATION IN WESTERN SIBERIA IN THE 1920s – THE FIRST HALF OF THE 1930s

Abstract. The scientific potential of a memorable photo album compiled in 1935 by graduates of the Siberian Construction Institute (Novosibirsk) is considered. The album contains two main groups of

photos associated with different chronological periods and geographical locations: mid 1920s (Tomsk) and the first half of the 1930s (Novosibirsk). The second group is the most numerous: there are collages with photos of teachers, students, classrooms, Novosibirsk buildings and projects, as well as monuments of Leningrad. Photos of graduate students together with their supervisors and photocopies of the projects of Sibstrin buildings in 1930 are of great scientific interest.

Keywords: architectural and artistic education; Western Siberia; Sibstrin.

Kuzevanov V.S.

kuzevanovvs@omsu.ru

Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1010

MATERIALS OF THE LENINGRAD ARCHITECT A.I. GEGELLO OF THE EVACUATION PERIOD IN WESTERN SIBERIA (1941–1943)

Abstract. The article examines materials collected by one of the founders of the Leningrad branch of the USSR Academy of Architecture, Leningrad architect A.I. Gegello, during the evacuation in Novosibirsk during the Great Patriotic War, which are kept in the archives of the Museum of Architecture. A.V. Shchusev in Moscow. The author studies the composition of documents, their nature, gives a brief description of the most significant and rare documents that reflect the specifics of the era, the peculiarities of conducting scientific work during the Great Patriotic War.

Keywords: source studies; Great Patriotic War (1941–1945); evacuation; History of the Academy of Architecture; A.I. Gegello.

Filonov S.V.

sergei.filonov2016@yandex.ru

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1011

COLLECTION OF ARCHITECT B.I. OGLY IN THE MUSEUM OF THE HISTORY OF ARCHITECTURE OF SIBERIA named after S.N. BALANDINE

Abstract. The article is devoted to the collection of the architect B.I. Ogly, which is kept in the Museum of the History of Architecture of Siberia named after S.N. Balandin (NSUADA, Novosibirsk), her origin, history of admission to the museum and content. The basis of the collection was educational and methodological materials, which from the beginning of the XXth century were collected by teachers and architects, first at the Tomsk Technological Institute, and then, from the beginning of the 1930s, at the Siberian Construction Institute in Novosibirsk. B.I. Ogly took part in the formation of the collection, but also architects K.K. Lygin and A.D. Kryachkov. A significant part of the collection is made up of photographic materials, including those on glass photographic plates. The collection is of great importance for the study of architecture and urban planning in Siberia and the Far East.

Keywords: B.I. Ogly; Siberian architects; collection.

Galikberova A.V.*anna-artdis@mail.ru*Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1012

**THE INFLUENCE OF GROWTH RATES ON THE FORMATION OF
THE URBAN ENVIRONMENT OF THE NOVOSIBIRSK 1920s – 1930s**

Abstract. The influence of high rates of development on the formation of the urban environment and the architectural appearance of Novosibirsk in the 1920s – 1930s is considered. On the one hand, the rapid growth of population and territory did not favor the implementation of the most significant projects: master plans and the largest buildings. In these conditions, the smaller the construction objects were, the more widespread they could get. On the other hand, the high dynamics of construction activity in Novosibirsk contributed to the fact that the city's architecture reflected most of the architectural trends of that time. The development of the city has constantly overtaken the process of project implementation. Hence the characteristic feature of Novosibirsk - buildings with hybrid architectural forms and the transformation of the central part of the city during the reconstruction of the 1930s.

Keywords: urban environment; history of Soviet architecture; socialist city; architectural avant-garde; Novosibirsk.

Blinov E.N.*1041954@rambler.ru*Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1013

**ARCHITECTURE OF THE SIBERIAN CITY OF THE PRE-WAR
PERIOD IN THE EYES OF CONTEMPORS**

Abstract. The article analyzes archival documents and publications in the professional periodicals of the 1920s – 1930s, which contain professional assessments of the architecture of Siberian cities of that time. The complexity of the analysis of this material is determined by its multi-layered nature, fragmentary nature and, often, by the extreme bias of the respondents. Most of these assessments were given in the open press and at public events, that is, they were originally designed for a non-professional audience and a government customer.

Keywords: history of Soviet architecture; garden city; socialist city; Siberia.

Blinov E.N.*1041954@rambler.ru*Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1014

**ARCHITECTURAL IMAGE OF NOVOSIBIRSK OF THE PRE-WAR
PERIOD IN THE ASSESSMENT OF CONTEMPORS**

Abstract. The article analyzes information from archival documents and publications of the 1920s – 1930s, which contain information about how contemporaries perceived the changes in the architectural

appearance of Novosibirsk at that time. In the 1920s, at the initial stage of the rapid growth of the city, contemporaries tried to comprehend the architectural image of Novosibirsk through foreign analogies («Siberian Chicago»). By the end of the 1930s, the discrepancy between the imaginary and the real Novosibirsk was increasingly revealed. In the post-war period, architects actually recognized the impossibility of comprehending the architectural image of real Novosibirsk in the professional categories of that time.

Keywords: history of Soviet architecture; the image of the city; Novosibirsk.

Shamets A.A.

shamets154@yandex.ru

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia
Scientific adviser is Zhurin N.P.

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1015

NEOCLASSICS IN THE ARCHITECTURE OF NOVOSIBIRSK 1920s – early 1940s

Abstract. The neoclassical trend in the architecture of Novosibirsk in the 1920s – early 1940s is considered. The following characteristic features of this direction have been revealed. Neoclassicism is most fully represented in the buildings of the early 1920s. In mid 1920s – early 1940s neoclassicism was almost always used in synthesis with other architectural trends: rationalist modernism, avant-garde and art deco. This synthesis determined the appearance of many Novosibirsk buildings of the avant-garde period, reconstructed in the second half of the 1930s, as well as the design approach of a number of architects.

Keywords: history of Soviet architecture; neoclassicism; Novosibirsk.

Samarina N.D.

samarinanadezhda@mail.ru

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1016

ARCHITECTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF NOVOSIBIRSK 1940–1950s IN THE REALITIES OF MODERN TIME: LEFT BANK

Abstract. Changes in the architectural appearance of residential buildings of the 1940–1950s in modern conditions are considered on the basis of buildings on the left bank of Novosibirsk. Field surveys of buildings recorded similar tendencies – the active transformation by owners and tenants of their façade fragments in order to derive benefit: obtaining additional space and refusing to preserve functional, sculptural and decorative elements in an authentic state: windows, porticos, loggias, balconies, stucco decoration, ornamentation. The author's photographs show examples of the barbaric attitude of tenants of residential and commercial premises to the architectural appearance of buildings, their external and internal preservation.

Keywords: historical and cultural heritage; history of Soviet architecture; Novosibirsk; N.F. Hranenko.

Golodyaev K.A.
golod62@mail.ru
 Novosibirsk City Museum,
 Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1017

NOVOSIBIRSK HOUSE OF MODELS: DOCUMENTAL HISTORY

Abstract. The history of the Novosibirsk House of Models is considered. The roots of its creation, the change of locations on the territory of Novosibirsk are traced, the features of the work of clothing designers, fashion designers, and fashion models are shown. Significant employees of the collective of different years are highlighted: L.Ya. Skur'yat, N. D. and V.E. Gritsyuk and others. The dynamics of the enterprise's development is shown, indicators in the field of designing and presenting clothing models, its entry into national leaders, participation in all-Union and foreign exhibitions are revealed. The research is based on archival sources.

Keywords: Novosibirsk House of Models; clothing design; model business; N.D. Gritsyuk.

ARCHITECTURAL AND ART EDUCATION

Grebennikov S.A.
Ivanov A.O.
Ushkov V.I.
rgs@nsuada.ru
 Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
 Design and Arts (NSUADA),
 Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1018

EXPERIENCE OF DISTANCE LEARNING IN DRAWING AND PAINTING IN ARCHITECTURAL AND ARTS UNIVERSITY

Abstract. The experience of teaching in the distance format of the discipline «Drawing and Painting» at the Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA). The features of the used electronic information and training environment, the stages of adaptation of methods of teaching creative disciplines (practical classes) to the new format and the directions of their further improvement are analyzed.

Keywords: architecture and art education; distance learning; drawing and painting.

Ivanov A.O.

ivanov.a.o@mail.ru

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1019

OBJECTIVES OF THE DISCIPLINE «DRAWING IN DESIGN»

Abstract. The structure of the discipline, composition and subject matter of assignments are analyzed. The main stages and features of the study assignments, the relationship of artistic and graphic tasks and means are revealed. The importance of discipline in the formation of professional knowledge and skills of future designers is revealed. The article is based on the experience of teaching the discipline «Drawing in Design» at the Department of Drawing, Painting and Sculpture at the Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA).

Keywords: architecture and art education; drawing for designers; stylization in the picture.

Samoilov V.V.

v.samoilov@nsuada.ru

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1020

DRAWING OF ARCHITECTURAL COMPOSITION ON IMAGINATION

Abstract. The article discusses the experience of teaching architectural composition on imagination at the Department of Drawing, Painting and Sculpture at the Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA). The main goals and objectives, the sequence and techniques of conducting work on an architectural composition in the process of training architects and designers are revealed. The specificity of the development of architectural and spatial imagination in future architects and designers and its connection with drawing in pencil graphics are revealed.

Keywords: drawing; figurative compositional thinking; architectural composition; architectural shaping.

Ivanova E.G.

seleniya7@gmail.com

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1021

“ABSTRACT AND CONCRETE RELATION” IN THE PROGRAM COURSE “VOLUMETRIC AND SPATIAL COMPOSITION”

Abstract. The process of professional training of architects and exterior designers includes its compositional problems which can be solved within the framework of an autonomous course, or be in-

cluded in the design course. The content of the autonomous course «Volumetric-spatial composition», along with exercises on abstract modeling, should have tasks related to architectural specifics. The article deals with a classification of educational activities aimed at updating the connection between abstract models and architectural reality, implemented at NSUADA for the period from 2009 to the present day. Four types of educational tasks were identified, differing in the sequence of actions and the expected result.

Keywords: architectural and design education; composition; abstract model.

Maryasova M.K.

mar98asova@gmail.com

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

E. Meshalkin National Medical Research Center,
Novosibirsk, Russia

Maksimenko V.I.
Novosibirsk, Russia

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1022

MUSEUM SPACE DESIGN AND EDUCATIONAL FUNCTION

Abstract. The experience of creating the design of museums in Novosibirsk with the aim of providing new forms of museum activity is considered. One of them is the educational function. No less significant is the growth in the importance of impressions from the cultural and historical context of the exhibits and from acquaintance with their material and manufacturing techniques. Museums are becoming platforms for educational activities that develop an interest in contemporary folk art and science. On the one hand, this requires the organization of appropriate functional areas and the necessary environment, especially lighting. On the other hand, Siberian museums have to take into account limited funding opportunities.

Keywords: museum; arts and crafts; exposition and information design; educational activities, interior.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА 3

Туманик Г.Н., Колпакова М.Р. СИБИРСКАЯ (НОВОСИБИРСК)
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ШКОЛА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ 3

Шалыгина Д.Н. ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОСИБИРСКА В
ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ХАРАКТЕР ПРОСТРАНСТВЕННО-
ПЛАНИРОВОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 12

Шафрай Е.С. РОЛЬ ДИЗАЙНА ДЛЯ СОЦИАЛЬНОГО
ДИСТАНЦИРОВАНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ
ПРИМЕРОВ 16

Санданова Б.Б. ФИННО-СКАНДИНАВСКИЙ ОПЫТ РЕНОВАЦИИ
ПРЕДПРИЯТИЙ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 22

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ,
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ДИЗАЙНА. АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ 30**

Кокаревич М.Н. НЕКОТОРЫЕ ЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ РАЗВИТИЯ
АРХИТЕКТУРЫ 30

Субботин О.С. ГЕНЕЗИС И АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ
РАЗВИТИЕ ГОРОДА-КУРОРТА АНАПЫ 36

Лисов А.Г. КУБИЗМ В ВИТЕБСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАСТЕРСКИХ 43

Старостенко Ю.Д. ИДЕИ «ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА» И «ЖИЛОГО
КОМБИНАТА» В СОВЕТСКОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ второй
половины 1920-х гг. – начала 1930-х гг. 51

Духанов С.С. НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
1920-х – первой половины 1930-х гг. 59

Кузеванов В.С. МАТЕРИАЛЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО АРХИТЕКТОРА
А.И. ГЕГЕЛЛО ПЕРИОДА ЭВАКУАЦИИ В ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ (1941–1943 гг.) 66

<i>Филонов С.В.</i> КОЛЛЕКЦИЯ АРХИТЕКТОРА Б.И. ОГЛЫ В МУЗЕЕ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ СИБИРИ имени С.Н. БАЛАНДИНА	72
<i>Галикберова А.В.</i> ВЛИЯНИЕ ТЕМПОВ РОСТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НОВОСИБИРСКА 1920–1930-х гг.	78
<i>Блинов Е.Н.</i> АРХИТЕКТУРА СИБИРСКОГО ГОРОДА ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОСТЕЙ	83
<i>Блинов Е.Н.</i> АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБРАЗ НОВОСИБИРСКА ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОСТЕЙ	89
<i>Шамец А.А.</i> НЕОКЛАССИКА В АРХИТЕКТУРЕ НОВОСИБИРСКА 1920-х – начала 1940-х гг.	94
<i>Самарина Н.Д.</i> АРХИТЕКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НОВОСИБИРСКА 1940–1950-х гг. В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ: ЛЕВЫЙ БЕРЕГ	99
<i>Голодяев К.А.</i> НОВОСИБИРСКИЙ ДОМ МОДЕЛЕЙ: ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ	106
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	115
<i>Гребенников С.А., Иванов А.О., Ушков В.И.</i> ОПЫТ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ РИСУНКУ И ЖИВОПИСИ В АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВУЗЕ	115
<i>Иванов А.О.</i> ЗАДАЧИ ДИСЦИПЛИНЫ «РИСУНОК В ДИЗАЙНЕ»	120
<i>Самойлов В.В.</i> РИСУНОК АРХИТЕКТУРНОЙ КОМПОЗИЦИИ ПО ВООБРАЖЕНИЮ	124
<i>Иванова Е.Г.</i> СВЯЗЬ «АБСТРАКТНОЕ–КОНКРЕТНОЕ» В ПРОГРАММЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ОБЪЕМНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОМПОЗИЦИЯ»	129
<i>Марьясова М.К.</i> ДИЗАЙН МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ФУНКЦИЯ	135
SUMMARY	141
СОДЕРЖАНИЕ	151

ДЛЯ ЗАМЕТОК

РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ШКОЛЫ

2020

№ 1

Ответственный редактор *С.С. Духанов*
Составитель *С.С. Духанов*
Редактор *С.С. Духанов*
Компьютерная верстка *С.С. Духанов*
Дизайн обложки: *А.В. Радзюкевич, С.С. Духанов*

Подписано в печать 26.11.2020. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 16,2. Тираж 500 экз. (1 завод 1-50)
Заказ № 246.

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
630099, г. Новосибирск, Красный проспект, д. 38

Отпечатано в типографии ООО Издательство «Сибпринт»
630099, г. Новосибирск, ул. М. Горького, д. 39